

16+

ISSN 2309-1754

Азимут научных исследований:

педагогика и психология

2015
№ 3(12)

АЗИМУТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Основан в 2012 г.

16+

№ 3 (12)

2015

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор биологических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор
Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Аббасова Кызлыгуль Ясин кызы, доктор философских наук, доцент
Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент
Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент
Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор
Ахметова Дания Загриевна, доктор педагогических наук, профессор
Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
Готлиб Анна Семеновна, доктор социологических наук, профессор
Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор
Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор
Гринева Мария Викторовна, доктор педагогических наук, профессор
Денисова Оксана Петровна, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент
Желнина Евгения Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор
Иванов Дмитрий Викторович, кандидат психологических наук, доцент
Кондратенко Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук
Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Любавина Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент
Манова Маргарита Викторовна, кандидат социологических наук, доцент
Метелева Лилия Александровна, кандидат психологических наук, доцент
Платонова Раиса Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Романова Марина Александровна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, доцент
Ростова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент
Савинова Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор
Ситченко Анатолий Люцианович, доктор педагогических наук, профессор
Сущенко Андрей Витальевич, доктор педагогических наук, профессор
Сущенко Татьяна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор
Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент
Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор
Троцко Анна Владимировна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Штефан Людмила Андреевна, доктор педагогических наук, профессор
Явон Снежана Владимировна, доктор социологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Полторецкий Денис Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ ФС77-55684 от 21.10.2013 г.

Компьютерная верстка:
В.А. Голощапов

Технический редактор:
Е.Ю. Коновалова

Адрес редколлегии, учредителя, редакции и издателя НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»:
445009, Россия, Самарская область, г. Тольятти, улица Комсомольская, 84А
Тел.: (8482) 69-46-47
E-mail: kaa1612@yandex.ru
Сайт: <http://napravo.ru>

Подписано в печать 25.08.2015.
Выход в свет 01.09.2015.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 14,87.
Тираж 50 экз. Заказ 5-09-12.

Типография «Полиар Плюс»
445020, г. Тольятти, ул. Родины 36А

Цена свободная

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор биологических наук, профессор, директор (Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)

Заместители главного редактора:

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Методология образования» (Саратовский государственный университет, Саратов, Россия)

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социология» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, директор Центра научных журналов, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология и психология развития» (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия)

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института педагогического образования (Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Редакционная коллегия:

Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, доцент, заместитель декана факультета социальных наук и психологии (Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан)

Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории дидактики информатики Института содержания и методов обучения Российской Академии образования

(Институт содержания и методов обучения Российской Академии образования, Москва, Россия)

Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Общая математика», главный специалист отдела «Естественно-математических предметов» Национального института образования Министерства образования и науки Республики Армения (Ереванский государственный университет, Ереван, Армения)

Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая и социальная психология» (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)

Ахметова Дания Загриевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теоретическая и инклюзивная педагогика», директор Института дистанционного образования

(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)

Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Дидактика» (Институт педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Славянская филология» (Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социологических наук, профессор кафедры «Методология социологических и маркетинговых исследований» (Самарский государственный университет, Самара, Россия)

Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Обучение украинскому языку» (Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Педагогическая психология и психодиагностика»

(Саратовский государственный университет, Саратов, Россия)

Гринева Мария Викторовна, доктор педагогических наук, профессор заведующий кафедрой педагогического мастерства и менеджмента, декан естественного факультета

(Полтавский национальный педагогический университет, Полтава, Украина)

Денисова Оксана Петровна, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, начальник Управления сопровождения образовательного процесса

(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Желнина Евгения Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социология» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

(Институт экологии Волжского бассейна Российской Академии наук, Тольятти, Россия)

Иванов Дмитрий Викторович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Возрастная и педагогическая психология» (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)

Кондратенко Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» (Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник организационного отдела мэрии города Тольятти Самарской области

(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

Любавина Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии» (Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

Манова Маргарита Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Метелева Лилия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»

(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Платонова Раиса Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Спортивные единоборства» (Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия)

Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор, директор Центра педагогического краеведения

(Национальная Академия педагогических наук Украины, Умань, Украина)

Романова Марина Александровна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе (Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия)

Ростова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социология» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Савинова Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционного образования (Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Ситченко Анатолий Люцианович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-педагогической работе (Николаевский национальный университет, Николаев, Украина)

Сущенко Андрей Витальевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление учебным заведением и педагогика высшей школы»

(Классический частный университет, Запорожье, Украина)

Сущенко Татьяна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Управление учебным заведением и педагогика высшей школы»

(Классический частный университет, Запорожье, Украина)

Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент (Пловдивский университет, Пловдив, Болгария)

Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, директор

(Институт педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина)

Троцко Анна Владимировна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе

(Харьковский национальный педагогический университет, Харьков, Украина)

Штефан Людмила Андреевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «История педагогики и сравнительная педагогика» (Харьковский национальный педагогический университет, Харьков, Украина)

Явон Снежана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии»

(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогические науки

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА Артамонова Галина Владиславовна.....	7
РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Жданкина Ирина Юрьевна.....	10
РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Земсков Алексей Сергеевич, Иванчин Антон Иванович.....	13
О СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДАХ К КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ Коваль Наталья Николаевна.....	18
ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ» Кондаурова Инесса Константиновна.....	22
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МОЛОДОЙ СЕМЬИ Кострова Юлия Андреевна.....	24
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ Криводонова Юлия Евгеньевна.....	28
ВКЛАД НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.) Сараева Елена Викторовна.....	30
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА Юрьева Ирина Анатольевна.....	33
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ Якунин Вадим Николаевич.....	35

Психологические науки

ПРОТОТИПЫ, ТРОПИЗМЫ И НОВАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПОДСОЗНАНИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП Бакшутова Екатерина Валерьевна, Рулина Татьяна Константиновна.....	39
ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ С ЗАДЕРЖКОЙ РАЗВИТИЯ ПЛОДА Ковалевская Татьяна Николаевна.....	43
АНАЛИЗ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) Лившиц Юрий Анатольевич.....	47
МЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФАСИЛИТАЦИИ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СООБЩЕСТВА Рулина Татьяна Константиновна.....	52

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭКОПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА Чердымова Елена Ивановна.....	56
<i>Социологические науки</i>	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА-УПРАВЛЕНЦА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Афонин Юрий Алексеевич, Орлова Людмила Викторовна.....	59
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАРГУЗИНСКОГО РАЙОНА) Башкуева Елена Юрьевна.....	63
СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Башкуева Елена Юрьевна, Атанов Николай Иванович.....	67
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТИВИЗМА В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА Бухнер Алевтина Алексеевна.....	72
ФОРМИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ Верховцева Наталья Николаевна.....	74
ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ САМОРЕАЛИЗАЦИИ Герасимова Ксения Георгиевна.....	77
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Гузенина Светлана Валерьевна, Яковлева Елена Людвиговна.....	81
СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК МЕГАТЕНДЕНЦИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ, ТЕХНОСФЕРЕ И БИОСФЕРЕ Дергачева Елена Александровна.....	87
МЕХАНИЗМ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ» И ЕГО РОЛЬ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЕЙ УПРАВЛЕНИЯ Квасов Иван Андреевич.....	91
ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ Кострова Юлия Андреевна.....	94
ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ КОМПАНИЙ «ЭЛЕКТРОЩИТ») Михайловская Екатерина Олеговна.....	99
ЧЛЕНЫ, ВОЛОНТЕРЫ И БЕНЕФИЦИАРЫ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. САМАРА Никитина Бэла Анатольевна.....	102
АКСИОСФЕРА ИНКЛЮЗИВНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ Яковлева Елена Людвиговна.....	106
НАШИ АВТОРЫ.....	110

CONTENT
Pedagogical science

THE ROLE OF MOTIVATION IN THE PROCESS OF AUTONOMOUS STUDENTS' ACTIVITY IN STUDYING A FOREIGN LANGUAGE Artamonova Galina Vladislavovna.....	7
THE ROLE OF PROFESSIONAL ORIENTATION AT THE STAGE OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF SENIOR STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION Zhdankina Irina Yurievna.....	10
DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF COMPUTER PROGRAMS IN THE ACTIVITY OF TEACHER OF PHYSICAL CULTURE – PROBLEMS AND PROSPECTS Zemskov Aleksei Sergeevich, Ivanchin Anton Ivanovich.....	13
ON THE EXISTING APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF MANAGEMENT FUNCTIONS Koval Natalia Nikolaevna.....	18
THE PREPARATION OF FUTURE TEACHERS TO REALIZATION OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE REQUIREMENTS OF THE PROFESSIONAL STANDARD «TEACHER OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN AND ADULTS» Kondaurova Inessa Konstantinovna.....	22
CONCEPTUALISATION OF INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF THE YOUNG FAMILY Kostrova Yulia Andreevna.....	24
PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT AS THE FACTOR OF SOCIALIZATION OF SCHOOLBOYS KRIVODONOVA Julia Evgenevna.....	28
THE CONTRIBUTION OF SCIENTIFIC LABORATORIES IN THE DEVELOPMENT OF THE PROBLEM CHILDREN'S COLLECTIVE (THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY) Saraieva Elena Viktorovna.....	30
AGE AND PSYCHOLOGICAL CONSIDERATIONS THAT AFFECT PROFESSIONAL SELF OF HIGH SCHOOL STUDENTS Yureva Irina Anatolyevna.....	33
FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SCIENCE AT THE PRESENT STAGE Yakunin Vadim Nicolaevich.....	35

Psychological science

PROTOTYPES, TROPISMS AND INNOVATION LANGUAGE SUBCONSCIOUS LARGE GROUPS Bakshutova Ekaterina Valerievna, Rulina Tatiana Konstantinovna.....	39
PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN, WHO WERE BORN WITH INTRAUTERINE GROWTH RETARDATION Kovalevskaya Tatyana Nikolaevna.....	43
ANALYSIS OF HIGHER EDUCATION AS AN INSTITUTE OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION (THEORETICAL ASPECT) Livshits Yuri Anatolievich.....	47
MENTAL APPROACH TO FACILITATION OF LARGE SOCIAL GROUPS: SECURITY PROBLEMS COLLECTIVE INTELLIGENCE COMMUNITY Rulina Tatiana Konstantinovna.....	52

THE PROBLEM OF EXISTENCE ELOPROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF THE FUTURE SPECIALIST Cherdymova Helena Ivanovna.....	56
<i>Sociological science</i>	
PROFESSIONAL QUALITY MODERN LEADER-MANAGERS: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS Afonin Yuriy Alekseevich, Orlova Ludmila Viktorovna.....	59
THE ANALYSIS OF THE CONDITION OF RURAL HEALTH CARE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA (ON MATERIALS OF THE BARGUZIN AREA) Bashkueva Elena Yurievna.....	63
THE STATUS OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC ACTIVITY OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS FOR ITS IMPROVEMENT Bashkueva Elena Yurievna, Atanov Nikolay Ivanovich.....	67
METHODOLOGICAL POTENTIAL OF CONSTRUCTIVISM IN THE STUDY OF SOCIAL CONTEXT, THE PARTICIPATION OF YOUTH IN DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY Buchner Alevtina Alekseevna.....	72
THE FORMATION OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE SPACE OF COMMUNICATION Verhovceva Natalya Nikolaevna.....	74
THE FEATURES OF SOCIOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING OF SELF-REALIZATION Gerasimova Kseniya Georgievna.....	77
THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AS A FACTOR OF REGIONAL IDENTITY FORMATION: THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH Guzenina Svetlana Valerievna, Yakovleva Elena Ludvigovna.....	81
CONTEMPORARY GLOBALIZATION AS A MEGATREND OF INTEGRATIVE CHANGES IN SOCIETY, TECHNOSPHERE AND BIOSPHERE Dergacheva Elena Alexandrovna.....	87
THE MECHANISM OF “TRIPLE HELIX” AND ITS ROLE IN INTERRELATION OF LEVELS OF MANAGEMENT Kvasov Ivan Andreevich.....	91
EMPIRICAL MODELS OF SOCIAL ADAPTATION OF THE YOUNG FAMILY Kostrova Yulia Andreevna.....	94
TRANSFORMATION AS AN ELEMENT OF ACHIEVING A HIGH LEVEL OF CUSTOMER ORIENTATION IN MODERN BUSINESS PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF THE GROUP OF COMPANIES “ELECTROSHIELD”) Mikhailovskaya Ekaterina Olegovna.....	99
THE MEMBERS, VOLUNEERS AND BENEFICIARIES AS A BASE OF A SOCIAL CAPITAL OF SAMARA’S NON-PROFIT ORGANIZATIONS NikitinaBellaAnatolievna.....	102
AXIOSPHERE INCLUSIVE MODEL OF CULTURE Yakovleva Elena Ludvigovna.....	106
OUR AUTHORS.....	110

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2015

Г.В. Артамонова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Роль мотивации в обучении иностранному языку чрезвычайно велика. Особенно сложной является проблема мотивации студентов в вопросе их самостоятельной работы. Тема самостоятельной работы находилась и находится под пристальным вниманием специалистов, существуют разные подходы к определению понятия самостоятельной работы. Чтобы самостоятельная работа была продуктивной, нужно научить студентов трудиться над иностранным языком самостоятельно, для этого студентам важна мотивация, эта тема явилась целью данной статьи. Под мотивацией подразумеваются различные побуждения, стимулы, желания. Анализ научной литературы и практические исследования помогают понять причины присутствия или отсутствия мотивации и, следовательно, соответствующим образом выстраивать методику преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: мотивация; самостоятельная работа; возрастные особенности студентов; мнемомыслительная деятельность; методика преподавания, иностранный язык.

Одним из основных условий формирования профессионально подготовленных выпускников вуза является обучение студентов самостоятельной работе, так как в современном обществе все более возрастает необходимость использования образования как механизма развития творческой личности, что может быть достигнуто студентами только в результате их самостоятельной деятельности. Самостоятельная работа студентов – это всестороннее, многофункциональное явление, имеющее не только учебное, но и личностное, профессиональное, общественное значение. Научить студентов самостоятельности означает сформировать у них умения и навыки самостоятельной работы, а значит и творческого подхода к своим задачам. Однако вопрос проявления студенческой самостоятельности при изучении иностранного языка имеет свои особенности. Для того чтобы самостоятельно выполнить все домашние задания и изучить дополнительный материал нужна мотивация. Проблема, каким образом мотивировать студентов работать самостоятельно, является целью данной статьи. Во время аудиторной работы студент получает основную информацию по языку, отработываются все виды языковой деятельности: чтение, аудирование, устная речь, письмо. Но для хорошего уровня знания языка аудиторной работы недостаточно, требуется осознанная самостоятельная работа студентов. Часто возникает ситуация, когда студенты хотят знать иностранный язык, но по разным причинам не тратят своё время на самостоятельную работу над языком. Конечно, проще обстоит дело при обучении студентов-лингвистов, так как для них тот факт, что иностранный язык является для них будущей профессией, является мотивацией. Если специалист не способен мыслить самостоятельно, не умеет работать над собой и совершенствовать свои знания по иностранному языку, он или она не могут состояться как специалисты и, конечно же, студенты это понимают. Более сложной задачей оказывается мотивировать к самостоятельной работе по иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Рогова Г.В. утверждает, что «расценивая мотивацию как важнейшую пружину процесса овладения иностранным языком, обеспечивающую его результативность, нужно иметь в виду следующее: мотивация – сторона субъективного мира учащегося, она определяется его собственными побуждениями и пристрастиями, осознаваемыми им потребностями. Отсюда все трудности вызова мотивации со стороны. Учитель может лишь опосредованно повлиять на неё, создавая предпосылки и формируя основания, на базе которых у учащихся возникает личная заинтересованность в работе» [9, с.6]. Действительно, процесс «вызова мотивации» сложный, но эта задача должна в той или иной мере решаться преподавателями.

Так как мы обсуждаем вопрос мотивации, направленную на самостоятельную работу студентов,

остановимся на определении понятия самостоятельной работы. Неоднозначно понимание сущности и места самостоятельной работы в учебной деятельности у студентов вузов. Так, проведенное нами анкетирование среди студентов I и II курсов Тольяттинского государственного университета выявило, что 48% студентов не удовлетворены своей самостоятельной работой, 19% из опрошенных показали, что они не вполне представляют, что это такое. Мы считаем, что студенты недостаточно информированы о ее сути и, соответственно, у них нет мотивации к самостоятельной работе над иностранным языком.

Если проанализировать число научных работ, посвящённых самостоятельной работе студентов, то, конечно же, обнаружится огромное количество научных исследований в данном направлении и в то же время мы обнаруживаем среди исследователей отсутствие единого понимания сущности самостоятельной работы. Приведём некоторые из них. Одно из первых определений понятия самостоятельной работы было дано Есиповым Б.П.: «Самостоятельная работа учащихся, включаемая в процесс обучения – это такая работа, которая выполняется без непосредственного участия учителя, но по его заданию в специально предоставленное для этого время; при этом учащиеся сознательно стремятся достигнуть поставленной в задании цели, проявляя свои усилия и выражая в той или иной форме результаты своих умственных или физических (или тех и других вместе) действий» [6, с.15]. По мнению Вербицкого А.А. «термин «самостоятельная работа студентов» используется в педагогической литературе во многих разных смыслах: специфическая форма организации учебного процесса – аудиторного и внеаудиторного; способ индивидуализации обучения, при котором студент работает по определенной программе и при направляющей роли преподавателя, но, так сказать, в изоляции от других студентов; форма групповой работы студентов под руководством преподавателя» [5, с.6]. Согласно Зимней И.А.: «Самостоятельная работа студента – это целенаправленная, внутренне мотивированная, структурированная в совокупности осуществляемых действий, корригируемая по процессу и результату деятельность, выполнение которой требует достаточно высокого уровня самосознания, самодисциплины, личной ответственности и которая доставляет удовлетворение в самосовершенствовании и самопознании» [7, с.220]. Другое определение: «Самостоятельная работа в широком смысле этого слова – это параллельно с аудиторной и внеаудиторной работой организуемая самим студентом по предложенной ему или им самим выработанной программе деятельность, углубляющая или дополняющая аудиторную ее форму. Она должна рассматриваться как специфическая, включающая все перечисленные моменты, деятельность студента, подготавливаемая аудиторной и внеаудиторной

его работой» [8, с. 94]. В рамках нашей статьи мы не имеем возможности привести то большое количество определений, которые мы исследовали. Представим наше определение, которое ограничено в рамках преподавания иностранного языка. Самостоятельная работа студентов при изучении иностранного языка – это их профессионально-ориентированная деятельность, мотивированная на престижность повышения культурного уровня через знание иностранного языка, возможность адекватного социального взаимодействия в межкультурном общении, которая обеспечивается методическим сопровождением, осуществляется во внеаудиторное время, не требует непосредственного участия преподавателя, однако проводится под его руководством и частичным контролем.

Рассматривая самостоятельную деятельность в рамках учебной деятельности, повторим за учёными, работавшими в данной области, утверждение о том, что «предметом учебной деятельности является овладение способами действий и усвоение знаний». И.А. Зимняя, исходя из теории Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, предлагает следующее внешнее строение учебной деятельности: 1) мотивация; 2) учебные задачи в определенных ситуациях в форме задания; 3) учебные действия; 4) контроль, переходящий в самоконтроль, оценка, переходящая в самооценку [5, с. 220]. Так как самостоятельная деятельность рассматривается в рамках учебной деятельности, то, соответственно, выше предложенное строение учебной деятельности является также характерным и для самостоятельной деятельности. Поскольку целью нашей работы является мотивация студентов в их самостоятельной работе, остановимся на этом компоненте учебной деятельности.

Мотивация – это совокупность самых различных побудителей (потребностей, мотивов, чувств, желаний, интересов и т.д.). Вопрос о мотивации всегда очень широко обсуждается в педагогике. Википедия даёт следующее определение мотивации. Мотивация (от лат. *movere*) – побуждение к действию; динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности. Сегодня этот термин понимается разными учёными по-своему. Например, мотивация по В.К. Вилюнасу это совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность. А К.К. Платонов считает, что мотивация, как явление психическое есть совокупность мотивов [11].

Итак, одним из побудителей мотивации называют мотив. Мотив побуждает личность к тому или иному виду деятельности, то есть является стимулом. У студентов могут быть различные стимулы. Попробуем назвать некоторые из них: будущая работа, которая потребует профессиональных знаний и навыков; желание в совершенстве знать иностранный язык, потому что планируется дальнейшее место жительства в другой стране; стимулом для студентов могут выступать определённая надежда в получении хорошо оплачиваемого места работы (так как при наличии конкурса преимущество получают люди, знающие иностранный язык); стимулом могут быть и более простые причины, такие как хорошая успеваемость, повышенная стипендия или какие-либо материальные поощрения со стороны родителей. Однако часто даже при наличии всех перечисленных и не перечисленных стимулов, у студентов отсутствует желание учиться, и это выражается, прежде всего, в отсутствии мотивации работать над языком самостоятельно. Если во время аудиторных занятий в присутствии преподавателя студенты работают, то дома (а иногда и в аудитории, когда предполагается самостоятельное выполнение заданий) студенты могут быть не активными, не стремиться приобрести дополнительные знания (мы

говорим «ленятся»), коэффициент их самостоятельной деятельности падает.

Полагаем, что вопрос о мотивации к самостоятельной деятельности тесно связан с возрастными особенностями студенческого периода. Зачастую можно слышать высказывания преподавателей о том, что снижается успеваемость и посещаемость той или иной группы студентов, которой ранее восхищались все преподаватели. Помимо причин частного характера (женитьба, замужество, работа, проблемы в личной жизни и т.д.), следует помнить, как мы сказали выше, о возрастных особенностях студентов. Учебные действия в соответствии с теорией психической деятельности предполагают мыслительные, перцептивные, мнемические действия, их определяют как способы решения учебных задач. Это внутренние интеллектуальные действия, включенные во внутреннюю психическую деятельность субъекта. Рассмотрим теперь насколько активно выражаются эти действия в разных возрастных периодах студентов. Еще Ушинский Д.К. писал, что «если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна, прежде всего, узнавать его тоже во всех отношениях» [10, с. 23]. М.М. Васильева утверждает, что для того, чтобы целенаправленно воздействовать на обучаемого, преподаватель должен, прежде всего, знать, что представляет собой тот, кто выступает в качестве объекта и субъекта воспитания и обучения [4, с. 17]. Учитывая специфику самостоятельной деятельности, необходимо выяснить, насколько молодежь студенческого периода жизни способна к самостоятельной работе в своей учебе. Согласно точке зрения Л.С. Выготского, при переходе от возраста к возрасту изменяются не только психические функции (мышление, восприятие, внимание, память и т.д.), но и их соотношение и структура. При этом психические функции развиваются неравномерно. Для каждого возраста существует период оптимального развития этих функций. Многие психологи указывают, что целый ряд психических функций достигает своего наивысшего развития именно в студенческом возрасте. В исследованиях психологов, работающих в области возрастной психологии, период зрелости определяется как отрезок жизни с 18 до 35 лет [3, с. 32]. В это время происходят непрерывные изменения в развитии психофизиологических функций человека. В возрасте от 18 до 21 года, т.е. в студенческом возрасте, наблюдается некоторое колебание показателей мнемических и логических функций. Так, в 19 лет уровень мнемических функций повышается, в 20 лет происходит некоторый спад этой функции, в 21 год наступает некоторое повышение. Показатель логической функции от 19 до 21 года выявляет довольно высокий уровень развития, что подтверждает мысль о том, что «о развитом взрослом можно сказать, что он вспоминает и запоминает не только памятью, но и мышлением» [2, с. 184]. Изложенные выше утверждения о неравномерности психических функций отвечают на вопрос, почему в определённый период студенты неохотно выполняют упражнения, связанные с заучиванием наизусть и следующим за этим процессом коммуникации, почему у студентов падает успеваемость. Если на начальном этапе студенты в основной массе зачастую «зубрили» предложенные задания, иногда даже не всё понимая, то на более взрослом этапе к ним приходит период осознания. В методике преподавания иностранного языка следует учитывать рост мыслительной функции у студентов, то есть следует учитывать, что ведущим принципом организации учебного процесса вообще, и самостоятельной работы, в частности, должен быть принцип опоры на мнемомыслительную деятельность студентов. «Это находит подтверждение и в экспериментах, которые также показали, что «в выработке речевых навыков решающая роль принадлежит не повторению, а пониманию» [1, с.

143]. Значит для того, чтобы мотивация студентов не снижалась, преподавателям нужно менять методику. Нужно учесть, что студенты менее склонны заучивать материал наизусть, им нужны задания на мыслительную деятельность. Но при изучении иностранного языка нельзя занижать роль повторения в создании речевых умений и навыков, так как повторение входит в общую систему отработки речевых умений и навыков, а этот процесс идёт от осмысления через автоматизацию владения компонентами языка к активно-творческому употреблению речевых актов. Итак, выше было отмечено, что в студенческом возрасте согласно экспериментам и утверждениям психологов выявляется повышение продуктивности памяти и мышления, а также это время наиболее интенсивного формирования специальных способностей в связи с профессионализацией. Из практики можно сделать вывод о более высоком уровне мотивированности студентов в связи с желанием знать иностранный язык, то есть понимать иностранную речь, уметь читать, писать, говорить. Студенты понимают, что чем больше они работают над изучением языка, тем выше будет результат, а это значит, что студенты осознают значимую роль самостоятельной работы, так как умение работать самостоятельно является хорошей предпосылкой их будущей деятельности. Однако, как уровень продуктивности памяти и мышления, так и уровень мотивации, не всегда одинаковы. Из опыта понятно, что мотивация работать самостоятельно меняется в разные возрастные периоды и, кроме того, у разных студентов данное физиологическое явление не происходит одновременно, то есть одновременный всплеск или падение мотивации не происходит одновременно у всех студентов группы. Следует отметить, что мотивация разная у студентов-лингвистов и у студентов неязыковых специальностей. Что же нужно, чтобы инициировать мотивацию у студентов? Прежде всего, напрашивается вывод, что методика преподавания иностранного языка и организация самостоятельной работы на начальном этапе и на старших курсах должна быть разной, и построена на научном подходе с учётом всех тех возрастных особенностей, которые характерны для студентов в том или ином периоде. Кроме того, индивидуальный подход к обучаемому нужен не только на аудиторных занятиях, но и при организации самостоятельной работы. Создаётся большое количество учебных пособий для самостоятельной работы, но очень часто задачи там ставятся почти такие же, как и в пособиях для аудиторной работы. Мы полагаем, что при написании этих пособий для самостоятельной работы

студентов автор должен учитывать роль мотивации в изучении иностранного языка. Добавим, что практика наводит на мысль, что разрешение вопроса об отсутствии у студентов мотивации в выполнении самостоятельной работы вообще и в изучении иностранного языка в частности, не является только вопросом методики. Это также и социальный вопрос, это может быть проблемой семьи, школы, проблемой окружающей среды. Данное утверждение требует дальнейшего изучения и исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. М.: «Просвещение», 1969. 279 с.
2. Блонский П.П. Память и мышление. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 288 с.
3. Бородулина М.К. Обучение иностранному языку как специальности. / М.К. Бородулина, А.Л. Карлин, А.С. Лурье, Н.М. Минина. М.: «Высшая школа», 1982. 264 с.
4. Васильева М.М. Возрастные особенности личности студента и их учет в обучении иностранному языку // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 20. М.: «Совет», 1987, С.17—23
5. Вербицкий А.А. Самостоятельная работа и самостоятельная деятельность студентов. // Проблемы организации самостоятельной работы студентов в условиях многоуровневой структуры высшего образования. Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. Волгоград: 1994. – 207 с.
6. Есипов Б.П. Самостоятельная работа учащихся на уроках. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. 239 с.
7. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: «Просвещение», 1991. 222 с.
8. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку: учебное пособие. М.: «Русский язык», 1989. 219 с.
9. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: теоретико-практическое методическое пособие. / Г.В.Рогова, Ф.М.Рабинович, Т.Е.Сахарова: – М.: «Просвещение», 1991. 287 с.
10. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: статья. Собр.соч.8, 11 т. М.: «Издательство Академии педагогических наук РСФСР», 1950
11. ru.wikipedia.org/wiki/Мотивация копия

THE ROLE OF MOTIVATION IN THE PROCESS OF AUTONOMOUS STUDENTS' ACTIVITY IN STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

© 2015

G.V. Artamonova, candidate of pedagogical sciences, the head of the chair «Theory and methods of teaching foreign languages and cultures»
Togliatti State University, Togliatti, (Russia)

Abstract: The role of motivation in learning a foreign language is extremely high. Especially difficult is the problem of student motivation in the matter of their autonomous work. The theme of student autonomous work was and is under the scrutiny of experts, there are different approaches to the definition of autonomous work. For autonomous work to be productive, it is necessary to teach students to work on their own on a foreign language. In order to work autonomously students should be motivated, this is the purpose of this article. Under the motivation we imply a variety of motives, incentives, desires. The analysis of the scientific works and practical researches help to understand the reasons of the presence or absence of motivation and, consequently, to line up the method of teaching a foreign language properly.

Keywords: motivation; autonomous work; age-dependent features of students; mnemo- and understanding activity; a teaching method, a foreign language.

УДК 37.013.78:37.013.77

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015

И. Ю. Жданкина, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет,
Княгинино (Россия)

Аннотация. В данной статье описывается важность проведения профессиональной ориентации как одного из факторов профессионального самоопределения личности. В настоящее время проблема профессиональной ориентации является одной из приоритетных в деятельности образовательных организаций. В современном обществе проблема профессионального самоопределения становится особенно актуальной на этапе профессионального образования. Студенты выпускных курсов образовательных организаций среднего профессионального образования испытывают потребность в правильной ориентации в будущей профессии: продолжить обучение по выбранной специальности или сменить профиль обучения. В ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет» профессиональной ориентации среди выпускников среднего профессионального образования уделяется особое внимание. Для проведения систематической целенаправленной профориентационной работы со студентами и для профессионального самоопределения студентов проводится областной семинар-тренинг в п. Васильсурск на базе Центра молодежных инициатив. Для участия приглашаются выпускники по экономическим и информационным специальностям. В рамках областного семинара-тренинга реализуются основные принципы компетентностного обучения: интерактивная форма занятий с большим количеством методологических приемов, мастер-классов и предоставление каждому возможности высказать свое мнение и быть выслушанным. Ценность семинара-тренинга в профориентационной работе состоит в том, что он дает возможность студентам не только приобретать специальные знания и умения, но и в процессе организованной учебной деятельности развивать профессиональные интересы и способности, овладевать практической деятельностью. Проводимый семинар-тренинг - это профориентационный тренинг, направленный на решение профессиональных задач. Результатом проведения областного семинара-тренинга является количество поступивших НГИЭУ в рамках проводимой приемной кампании.

Ключевые слова: анкетирование, выпускник, компетентностное обучение, образовательная организация, профессия, профессиональное образование, профессиональная ориентация, самоопределение, семинар-тренинг, социализация.

В настоящее время проблема профессиональной ориентации является одной из приоритетных в деятельности образовательных организаций.

Профориентация является широким понятием, предполагающим широкий, выходящий за рамки только педагогики и психологии, комплекс мер по оказанию помощи в выборе профессии, как ориентированная помощь в профессиональном самоопределении.

Взаимосвязь профессиональной ориентации и профессионального самоопределения просматривается в работах многих ученых (Бабанова И. А. [1], Дьякова М. А. [2], Ермошин В. И. [3], Канакова А. Е. [4], Менщикова И. А. [5], Мутырова А. С. [6], Пряжникова Е. Ю. [7], Пряжников Н. С. [8], Чистякова С. Н. [9]).

В официальных документах обращается внимание на профориентационную работу. В 1991 году вышел закон «О занятости населения», где сказано, что служба занятости занимается «организацией ... профессиональной ориентации, профессиональной подготовкой» [10].

В законе «Об образовании РФ» от 1992 г. в статье 14 указано, что «содержание образования должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для самореализации» [11]. В 1996 г. выходит постановление Минтруда РФ «Об утверждении положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации». В данном Положении сказано, что «профессиональная ориентация - это обобщенное понятие одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально - экономической ситуации на рынке труда» [12].

В статье 42 п.4 Федерального закона РФ от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится о «помощи обучающимся в профориентации, получении профессии и социальной адаптации» [13].

Понимание профориентации как социальной системы содействия профессиональному самоопределению сложилось в результате достаточно длительного пути развития профессиональной психологии и педагогики (Климов Е. А. [14], Носкова О. Г. [15], Пряжников Н. С. [8], Зеер Э. Ф. [16]).

Профориентация - это комплекс мер, направленный на помощь в выборе «профессионального пространства» и направления профессионального развития.

Профессиональное самоопределение - это процесс выбора «профессионального пространства самоопределяющейся личностью, создающий основы для планирования карьеры и постановки карьерных целей» [17].

Формирование профессионального самоопределения личности осуществляется в ходе специально организованной научно-практической профориентационной работы [18-24]. Таким образом, профориентация и профессиональное самоопределение - это процессы «определения социальной группой и индивида своего места в социальной и профессиональной структурах общества, выбора стратегии реализации своего социального потенциала в условиях развивающегося рынка» [25, с. 116].

В современном обществе проблема профессионального самоопределения становится особенно актуальной на этапе профессионального образования. В отечественной системе высшего профессионального образования профконсультационная и профориентационная работа с абитуриентами осуществляется в недостаточном объеме [26, с. 270].

В ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет» профориентационной работе уделяется особое внимание: проводятся Дни открытых дверей для учащихся школ и студентов организаций среднего профессионального образования, организуются экскурсии по факультетам, проводятся конференции, сотрудники выезжают в образовательные организации с лекциями, фильмами о вузе, раздаточным профориентационным материалом, к профориентационной работе активно привлекаются студенты нашего университета: в рамках волонтерских движений организуются встречи со школьниками как в учебный, так и в каникулярный период, проводятся совместные меро-

приятия, организуется посещение Музея связи и многое другое.

Для проведения систематической целенаправленной профориентационной работы со студентами и для профессионального самоопределения студентов выпускных курсов образовательных организаций среднего профессионального образования проводится областной семинар-тренинг в п. Васильсурск на базе Центра молодежных инициатив. Для участия приглашаются выпускники по экономическим, информационным специальностям. В рамках областного семинара-тренинга реализуют основные принципы компетентностного обучения:

- «интерактивная форма занятий с большим количеством методологических приемов, мастер-классов, и примеров;

- предоставление каждому возможности высказать свое мнение и быть выслушанным» [27, с. 30].

Ценность семинара-тренинга в профориентационной работе состоит в том, что он дает возможность студентам не только приобретать специальные знания и умения, но и «в процессе организованной учебной деятельности развивать профессиональные интересы и способности, овладевать практической деятельностью» [27, с. 30].

Для выявления эффективности проведения областного семинара-тренинга в рамках проводимой профориентационной работы была подготовлена анкета. Полученные данные позволят создать конкретное представление о результатах работы семинара-тренинга как одном из этапов профессионального самоопределения студентов выпускных курсов образовательных организаций среднего профессионального образования.

Для анкетирования были выбраны студенты-участники областного семинара-тренинга 2014 и 2015 гг. Выборка исследования составляет в среднем 30 человек.

Вопросы анкеты

Приближается к концу наш областной семинар-тренинг. Ответьте, пожалуйста, на вопросы анкеты, подготовленной организаторами мероприятия.

1. Были ли вы удовлетворены содержанием семинара-тренинга?

- Очень доволен(а)
- Умеренно удовлетворен(а)
- Частично удовлетворен(а)
- Слегка недоволен/недовольна
- Умеренно недоволен(а)
- Крайне недоволен(а)

2. Были ли вы удовлетворены уровнем преподавания?

- Очень доволен(а)
- Умеренно удовлетворен(а)
- Частично удовлетворен(а)
- Слегка недоволен/недовольна
- Умеренно недоволен(а)
- Крайне недоволен(а)

3. В целом, вы удовлетворены своим опытом, полученным на семинаре-тренинге?

- Очень доволен(а)
- Умеренно удовлетворен(а)
- Частично удовлетворен(а)
- Слегка недоволен/недовольна
- Умеренно недоволен(а)
- Крайне недоволен(а)

4. Понравилась ли тебе внеаудиторные мероприятия?

- Да (если «да», то перечисли их)
- Нет

5. Что тебе не понравилось в течение недели пребывания на семинаре-тренинге? _____

6. Ваши пожелания педагогам-организаторам областного семинара-тренинга _____

7. Самое важное событие на областном семинаре-тренинге? Было ли оно? _____

В результате проведенного исследования было выявлено следующее:

1. 65 % студентов-участников отметили высокий уровень удовлетворенности содержанием семинара-тренинга как в 2014, так и в 2015 гг. На 10 % увеличилось количество студентов, которые указали на умеренное удовлетворение содержанием семинара-тренинга: 21 % в 2014 г., 31 % в 2015 г. Процент опрошенных участников с частичным удовлетворением содержанием семинара-тренинга сократился с 12 % (2014 г.) до 5 % (2015 г.). В 2015 г. исчез такой ответ как «слегка недоволен/недовольна» (2 % в 2014 г.). Данные результаты говорят о том, что с каждым годом уровень проведения областного семинара-тренинга повышается, но существуют моменты, которые следует принять во внимание и доработать.

2. В 2014 г. после участия в семинаре-тренинге 69 % опрошенных отметили высокий уровень преподавания, в 2015 г. данный показатель увеличился на 3 %. Количество участников умеренно удовлетворенных уровнем преподавания по сравнению с 2014 г. снизилось на 4 % и составило 21 % в 2015 г. Следует отметить, что процент участников с частичным удовлетворением уровнем преподавания увеличился с 3 % до 7 % соответственно. Если мы сравним результат 2015 г. с результатом, полученным в прошлом году, то у опрошенных исчез такой ответ, как «слегка недоволен/недовольна». Полученные результаты показывают, что профессорско-преподавательский состав, принимающий участие в семинаре-тренинге, повысил уровень своей профессиональной подготовки, учел ошибки прошлых лет и вышел на качественно новый уровень преподавания.

3. В 2015 г. 96 % опрошенных остались очень довольными своими знаниями, полученными на семинаре-тренинге, что на 36 % больше, чем в 2014 г. – 70 %. Количество участников с умеренным удовлетворением полученным опытом по результатам работы семинара-тренинга уменьшилось почти в 4 раза и составило всего лишь 4 % от общего числа участников. Необходимо отметить, что в 2015 г. исчезли такие ответы как «частично удовлетворен(а)», «слегка недоволен/недовольна». В 2014 г. данные показатели составили 12 % и 3 % соответственно. Таким образом, проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод, что работа ведется в верном направлении, уровень проведения и престиж областного семинара-тренинга растет, что положительно влияет на результаты работы приемной кампании.

4. Наряду с учебными занятиями и мастер-классами на областном семинаре-тренинге проводились внеаудиторные развлекательные мероприятия. Стоит отметить, что всем участникам понравились проводимые развлекательные мероприятия, организованные студенческим активом НИИЭУ, а именно, Веревошный курс, Разноцветное поле, Стартин, Дорога героев, квестовая игра к 70-летию победы в Великой отечественной войне и многие другие. Данные показатели свидетельствуют о положительных результатах мероприятий, проводимых студенческим активом в течение семинара-тренинга, и быстром процессе социализации, происходящем как на уровне группы, так и на уровне всех участников областного семинара-тренинга.

5. На вопрос «Что тебе не понравилось» около 3 % опрошенных студентов дали ответы следующего содержания: мало времени на семинар-тренинг, мало дискотек, не все отряды быстро сплотились. Это означает, что студенты с удовольствием посещали учебные занятия и активно участвовали в мероприятиях разного характера, проводимых в рамках областного семинара-тренинга.

6. 90 % участников отметили, что все мероприятия, занятия, мастер-классы были важными в рамках проведения областного семинара-тренинга. Около 50 % опрошенных указали, что приняли участие для получения свидетельства, которое понадобится при поступлении в НИИЭУ. Более 70 % участников отметили, что позна-

комились с новыми людьми, обрели друзей, получили информацию про наш вуз. Таким образом, проведение областного семинара-тренинга положительно влияет на процесс социализации личности, ускоряет процесс профессионального самоопределения студентов-выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования.

Результатом проведения областного семинара-тренинга является количество поступивших НГИЭУ в рамках проводимой приемной кампании (таблица 1).

Таблица 1. Данные по итогам работы областного семинара-тренинга

2013 год		2014 год		2015 год	
Кол-во участников, всего	Поступили в НГИЭУ	Кол-во участников, всего	Поступили в НГИЭУ	Кол-во участников, всего	Поступили в НГИЭУ
50 (22) чел.	26 (13) чел.	31 чел.	15 чел.	30 чел.	?

Итак, мы с уверенностью можем сказать, что данное исследование показало, что проведение областного семинара-тренинга среди студентов-выпускников образовательных организаций среднего профессионального образования способствует ускорению процесса профессионального самоопределения и увеличению интереса к студенческой жизни и созданию устойчивой мотивации в обучении.

Проводимый семинар-тренинг – это профориентационный тренинг, направленный на решение следующих профессиональных задач: развитие познавательного интереса к будущей профессии, познавательной активности; «выявление и расширение уровня знаний о профессии; адаптация учебной программы в зависимости от профиля специальности или направления подготовки; профессиональное самоопределение в соответствии с возможностями и способностями; формирование ценностного отношения к профессии и людям данной профессии, профессионально важных качеств» [20, с. 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бабанова И. А. Моделирование профессионального самоопределения студентов технического профиля в учреждениях среднего профессионального образования [Электронный ресурс] // Научные исследования в образовании. 2011. № 2. С. 3–13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-professionalnogo-samoopredeleniya-studentov-tehnicheskogo-profilya-v-uchrezhdeniyah-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.05.2015).
- Дьякова М. А. Профессиональное самоопределение учащейся молодежи в условиях трансформации современного общества [Электронный ресурс] : дис. ... к-та социол. наук. Хабаровск, 2002. 213 с. URL: <http://www.disscat.com/content/professionalnoe-samoopredelenie-uchashcheysya-molodezhi-v-usloviyakh-transformatsii-sovremen> (дата обращения: 30.05.2015).
- Ермошин В. И. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения студентов среднего профессионального образования [Электронный ресурс] // Научные исследования в образовании. 2007. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-soprovozhdenie-professionalnogo-samoopredeleniya-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 25.03.2015).
- Канакова А. Е. Педагогический аспект профессионального самоопределения студентов ссузов // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : Сб. ст. по материалам XLV меж-дунар. науч.-практ. конф. Новосибирск. № 10 (45). 2014. С. 41–46.
- Менщикова И. А. Субъектная позиция профессио-

- нального самоопределения студентов университета на завершающем этапе их обучения // Фундаментальные исследования. 2014. № 1. С. 154–159. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10002791 (дата обращения: 30.05.2015).
- Мутырова А. С. Профессиональное самоопределение: принципы и актуальность проблемы // МНКО. 2010. № 3. С. 126–129.
- Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация : учебное пособие для студентов вузов. Изд. 3-е. стер. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 496 с.
- Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М. : НПО «Модэк», 2002. 392 с.
- Чистякова С. Н., Родичев Н. Ф., Сахарова В. И. Тенденции развития профессиональной ориентации учащейся молодежи и вызовы времени // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 10. С. 23–29.
- О занятости населения в РФ [Электронный ресурс] : федер. закон Рос. Федерации от 19 апреля 1991 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165863/ (дата обращения: 25.03.2015).
- Об образовании N 3266-1 [Электронный ресурс] : федер. закон Рос. Федерации от 10 июля 1992 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/edu/> (дата обращения: 25.03.2015).
- Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации N 1 [Электронный ресурс] : постановление Минтруда РФ от 27 сентября 1996 г. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_48037.html (дата обращения: 25.03.2015).
- Об образовании в Российской Федерации N 273-ФЗ (сайт) : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2012 г. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 25.03.2015).
- Климов Е. А. Введение в психологию труда: учебник. М. : ЮНИТИ, 1998. 350 с.
- Носкова О. Г. Психология труда: учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 384 с.
- Зеер Э. Ф. Психология профессий: учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. М. : Академический проект, 2005. 336 с.
- Бизнес. Управление персоналом (сайт) URL: <http://www.grandars.ru/college/biznes/proforientaciya.html> (дата обращения: 24.03.2015).
- Писаренко В.Г. Педагогическое сопровождение развития профессионального самоопределения учащихся в условиях общеобразовательной среды // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 3 (14). С. 220–222.
- Юрьева И.А. Роль психолого-педагогического сопровождения в формировании профессионального самоопределения старшеклассников // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 95–98.
- Прокофьев О.В., Семочкина И.Ю. Факторы социально-экономического развития и рынка труда: оценка состояния, взаимосвязи, воздействия на профессиональное самоопределение выпускников // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Т. 1. № 11 (15). С. 229–236.
- Соловьева И.К. К вопросу о профессиональном самоопределении студентов вуза // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 190–193.
- Фирсова Т.А. Профессиональное самоопределение студентов в условиях обучения в вузе // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 118–120.
- Трифопова Т.А. Ориентации и предпочтения граждан в контексте профессионального самоопределения (на

- примере Республики Татарстан // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 68-72.
24. Ильясов М.И.О. Выбор профессии и социализация личности учащихся // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 82-85.
25. Старикова Л. Н. Профориентация и профессиональное самоопределение студентов средней профессиональной школы [Электронный ресурс] : дис. ... к-та социол. наук. Пермь, 2009. 207 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/proforientacija-i-professionalnoe-samoopredelenie-studentov-srednej.html> (дата обращения: 24.03.2015).
26. Федорова Ю. А. Профессиональное самоопределение студентов высшей школы // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 269–273.
27. Ковалева Л. П. Тренинг как средство профориентации студентов // Образование. Карьера. Общество. 2014. № 3 (42). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trening-kak-sredstvo-proforientatsii-studentov> (дата обращения: 23.03.2015).

THE ROLE OF PROFESSIONAL ORIENTATION AT THE STAGE OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF SENIOR STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

© 2015

I. Y. Zhdanкина, assistant professor of the chair «Foreign languages»
Nizhny-Novgorod state engineering-economic university, Knyaginino (Russia)

Abstract: This article describes the importance of professional orientation (career-guidance) as one of factors of professional self-determination of personality. Nowadays the problem of professional orientation is one of the priorities in activities of educational organizations. In modern society the problem of professional self-determination is especially important at the stage of professional education. Graduate students of educational institutions of secondary professional education need to be correctly orientated for future profession: to continue training in the chosen specialty or to change training profile. Professional orientation among graduates of secondary professional education is given special attention in GBOU VO «Nizhny Novgorod State Engineering-economic University». To conduct systematic purposeful professional orientation work with students and for professional self-determination of students the regional training seminar is held to Vasilsursk on the basis of the Center of Youth Initiatives. Graduates from economic and information specialties are invited for participation. Within a regional training seminar the basic principles of competence-based training are realized: an interactive study with a large number of methodological techniques, master classes and giving everyone the opportunity to express their opinion and to be heard. Training seminar value in professional orientation work consists of giving the chance to students not only to acquire special knowledge and abilities, but also to develop professional interests and abilities, to learn practical activities. Training seminar is the professional orientation training aimed at the solution of professional tasks. The quantity of entering students within entrance examination is the result of holding a regional training seminar.

Keywords: survey, graduate, competence-based training, educational organization, profession, professional education, professional orientation, self-determination, training seminar, socialization.

УДК 372

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2015

А.С. Земсков, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
теоретических основ физического воспитания

А.И. Иванчин, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. Глобальная информатизация и компьютеризация современного общества оказала значительное влияние не только на роль современного образования учащейся молодежи, но технологи, с помощью которых оно осуществляется. Многие специалисты отмечают, что компьютерные технологии как важнейшая составляющая информационных технологий формируют новый стиль педагогической деятельности, который является более комфортным, эргономичным и мобилизует творческие возможности педагога. Разработка и внедрение компьютерных технологий в области физической культуры и спорта представляется сегодня перспективным направлением научной деятельности, несмотря на ряд организационных, технических и методических трудностей. В статье приведены данные о причинах недостаточного использования инновационных технологий в педагогическом процессе по физическому воспитанию. Проанализированы возможности и особенности использования современных компьютерных технологий в процессе деятельности педагога по физической культуре в современной школе. Рассмотрены перспективные направления использования информационно-коммуникационных технологий в физическом воспитании школьников. Представлены сведения об авторской разработке – программе для ЭВМ «Физкульт-Профи». Раскрыты основные функции программы, задачи, которые она позволяет решать педагогу при организации учебного процесса на уроках физической культуры в школе. Определены перспективы применения программы «Физкульт-Профи» в физическом воспитании школьников.

Ключевые слова: образование; информатизация физического воспитания; компьютерные технологии; инновационная деятельность.

Активное внедрение в жизнь современного общества информационных технологий и новых технических средств оказывает влияние на все сферы деятельности человека, изменяя при этом условия и роль образования учащейся молодежи. Важными становятся не только разработка новой концепции образования подрастающего поколения, планирование образовательных результатов, но и поиск технологий, с помощью которых будет эффективно осуществляться образовательный процесс.

Среди многообразия инновационных технологий, специалисты особо выделяют компьютерные техноло-

гии, применение которых в учебном процессе в современных школах и вузах, позволяет сформировать новый стиль педагогической деятельности, который не только является более комфортным и эргономичным, но и в значительной мере мобилизует творческие возможности и интеллектуальный потенциал педагога [1].

Однако процесс внедрения компьютерных технологий в сложившуюся образовательную среду сегодня не достаточно эффективен. Среди ключевых проблем внедрения новых технологий специалисты указывают на недостаточное материально-техническое обеспечение дея-

тельность учащихся и педагогов (специализированные компьютерные классы, целевое предметное оборудование), отсутствие необходимого программного обеспечения и низкий уровень квалификации педагогических работников в области информационно-коммуникационных технологий. Преодоление данных проблем значительно расширит круг задач, эффективно решаемых с помощью компьютерных технологий, в деятельности педагога.

Важно отметить следующее – компьютерные технологии, применяемые в образовательном учреждении, должны отвечать основным целям и условиям педагогического процесса и активно влиять на него. Потребность в компьютерных технологиях возникает в том случае, когда используемые педагогические методы, способы, приемы не обеспечивают достижения поставленной педагогической цели за минимально возможное время.

Учитывая возможности, реализуемые компьютерными технологиями, перспективным и интересным сегодня остается вопрос их внедрение в сферу физического воспитания и спорта. При этом актуальным становится не столько вопрос технического оснащения учебного или тренировочного процесса, сколько разработка и внедрение программного обеспечения того или иного вида деятельности педагога.

Анализ информационных источников по проблеме применения новых информационных технологий в процессе обучения физической культуре, позволил установить, что многие программные продукты, разработанные в различных вузах страны, представляют собой технологии, использующие компьютерное обучение для решения отдельных дидактических задач [2; 3; 4]. Необходимо также отметить, что технические новшества в спортивной деятельности стали применять намного раньше, чем в учебном процессе по физическому воспитанию в образовательных учреждениях, а в некоторых видах спорта процесс подготовки спортсменов сегодня тесно связан с компьютерными технологиями, которые позволяют:

- моделировать и анализировать технику упражнений с учётом индивидуальных антропометрических данных спортсмена,
- вести мониторинг уровня физической подготовленности отдельного спортсмена и команды в целом,
- осуществлять прогнозирование спортивных результатов и на основании этого планирование тренировочного процесса [5; 6].

Например, в Санкт-Петербургском НИИ физической культуры обучение и контроль параметров техники гребли осуществляются с помощью компьютерной программы, которая также может использоваться и в системе отбора спортсменов [7]. Специализированные программы применяются для автоматизированного расчета различных показателей при проведении тестирования в спортивной практике [8; 9]. Кроме того, компьютерные технологии широко применяются в процессе судейства спортивных соревнований разного уровня, и позволяют вводить, обрабатывать и сохранять результаты выступлений спортсменов, благодаря чему автоматизируется работа секретариата. Кроме того, программы позволяют осуществлять обмен информацией с различными спортивными организациями на соревнованиях [10; 11].

Ещё одним актуальным направлением применения компьютерных технологий сегодня становится фитнес индустрия. В этой сфере они имеют иное предназначение – ведение базы клиентов, создание индивидуальных тренировочных программ и выполнение ряда диагностических процедур имеющих отношение преимущественно к оценке показателей здоровья занимающихся, типа телосложения и компонентного состава тела [2; 3; 11].

На фоне представленных данных можно увидеть, что в сфере физического воспитания, реализуемого в системе образовательных учреждений, применение компью-

терных технологий находится на стадии становления. При этом существующие программные продукты, как правило, охватывают отдельные педагогические функции [12; 13]. Такой подход ограничивает возможности компьютерного и информационного «сопровождения» деятельности современного учителя физической культуры.

Кроме того, обзор существующих программных продуктов в сфере физической культуры показал, что они в большей мере ориентированы на процесс физического воспитания студентов, чем учащихся школ [14; 15]. К таким примерам можно отнести информационно-методическую систему, разработанную в университете им. Н.Э. Баумана, функционирующую в интерактивном режиме [11; 17].

В последние годы были созданы и используются в учебном процессе компьютерные программы по дисциплине «Физическая культура» в Санкт-Петербургском государственном техническом университете и в Самарском государственном аэрокосмическом университете им. академика С.П. Королева [15; 16; 18]. Как правило, подобные программы эффективно решают задачи контроля, оценки и сбора информации по уровню физической подготовленности, состоянию здоровья студентов и т.д.

Отдельным видом реализации компьютерных технологий в сфере физического воспитания представляются различные дистанционные курсы. Главная задача дистанционных курсов – создание учебно-методического комплекса, способствующего изучению теоретического раздела учебной программы, в содержание которого входят теоретические и методические материалы, иллюстрации, видеосюжеты и т.п. [19].

Несмотря на высокую значимость внедрения компьютерных технологий в сферу физического воспитания, многообразие программных продуктов, разрабатываемых в различных НИИ, лабораториях и на кафедрах вузов для области физкультурного образования, этот процесс остается незавершенным.

Результаты анализа проблемы показали, что программные продукты, разрабатываемые для учителей физической культуры в школе, должны выполнять ряд специфических функций, таких как: создавать картотеки группы учащихся; осуществлять оперативный контроль посещаемости и успеваемости учащихся, реализовывать обмен учебной информацией и др. При этом программа должна отвечать следующим требованиям: наглядность, эргономичность, информативность, надежность, интеграция.

Принимая во внимание основные требования к компьютерным технологиям и специфичность задач, решаемых в процессе физического воспитания в современных школах, нами, на базе программ Delphi 7 Professional, SQL Server Express Edition 2000, Microsoft Office XP был разработан и зарегистрирован программный продукт «Физкульт-Профи» [20].

Данная программа ориентирована на реализацию наиболее востребованных функций в деятельности учителя физической культуры в школе и призвана, в конечном счете, улучшить качество педагогического процесса.

Интерфейс программного продукта «Физкульт-Профи» представляет собой главное окно с пунктами меню расположенными в верхней части. В главном меню располагаются все основные разделы программы, которые сгруппированы тематически. Каждый пункт главного меню содержит подменю.

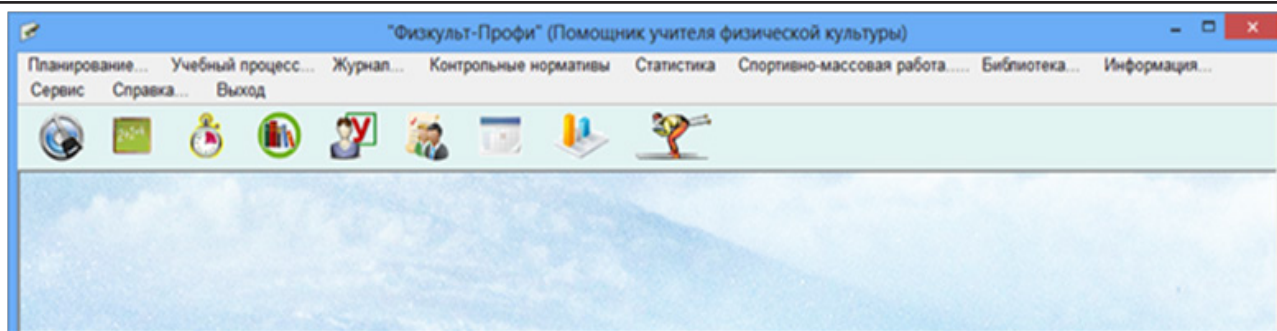

Рисунок 1 - Фрагмент интерфейса главного меню «Физкульт-Профи»

В содержании программы представлены возможности создания и редактирования учебных планов (раздел «Планирование...» - подменю «План-график» и «Тематическое планирование»), инструменты создания и редактирования сведений об учебном процессе – расписания уроков (подменю «Расписание уроков»), экзаменов (подменю «Экзамены»), сведения об участниках образовательного процесса (подменю «Учителя»).

Важным элементом программы является раздел «Журнал», в котором учитель имеет возможность отразить информацию об учащихся («Ученики»), списке класса («Классы») и сведения об успеваемости отдельных учащихся и класса в целом («Успеваемость», «Контрольные испытания»). Эти данные можно хранить, редактировать и отражать в табличном и графическом виде.

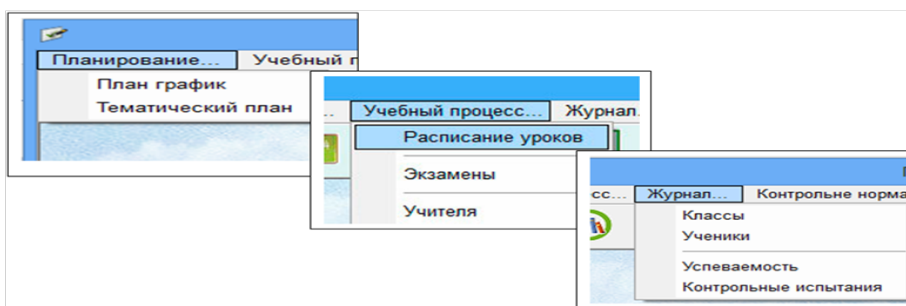

Рисунок 2 - Фрагмент «Главного меню»: подменю «Планирование...», «Учебный процесс...», «Журнал»

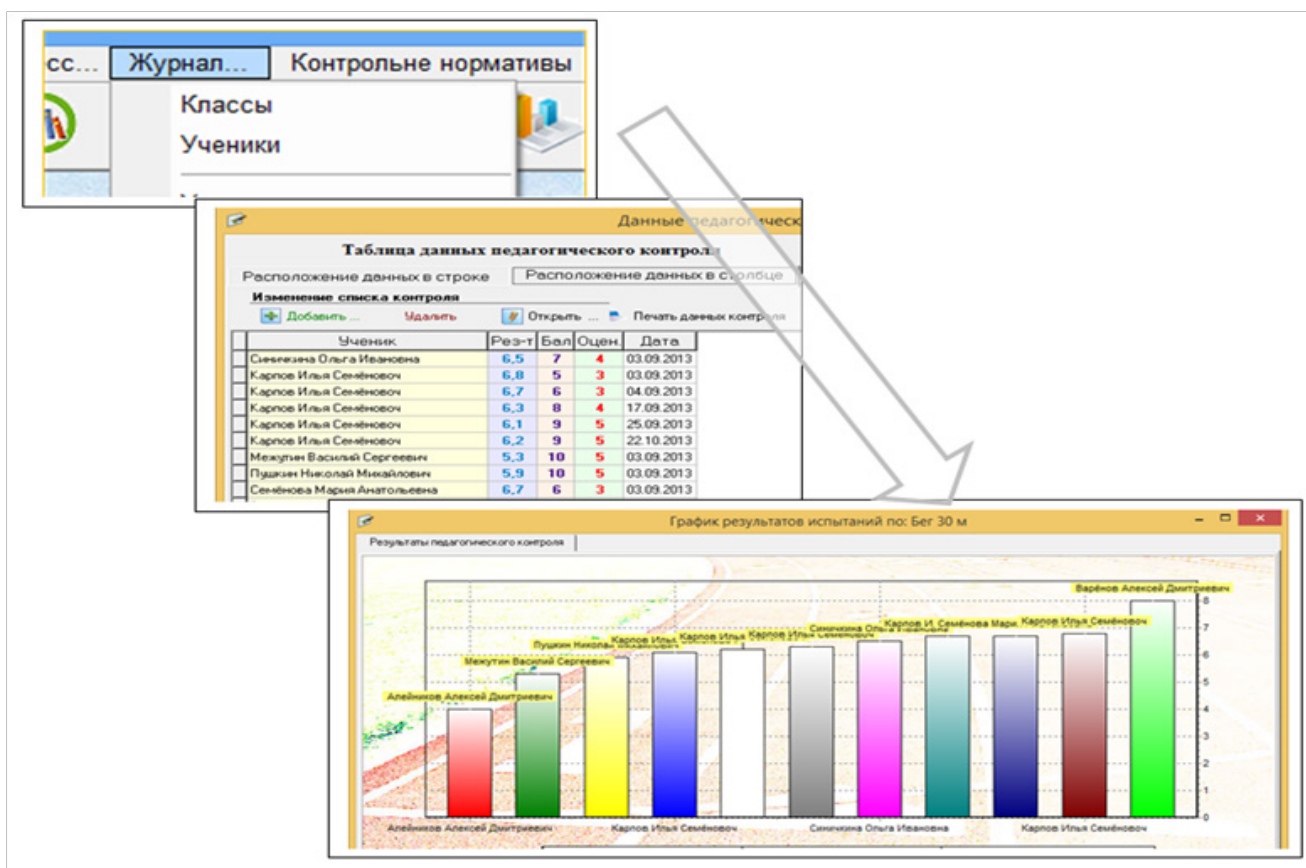

Рисунок 3 - Фрагмент «Главного меню»: подменю «Журнал»

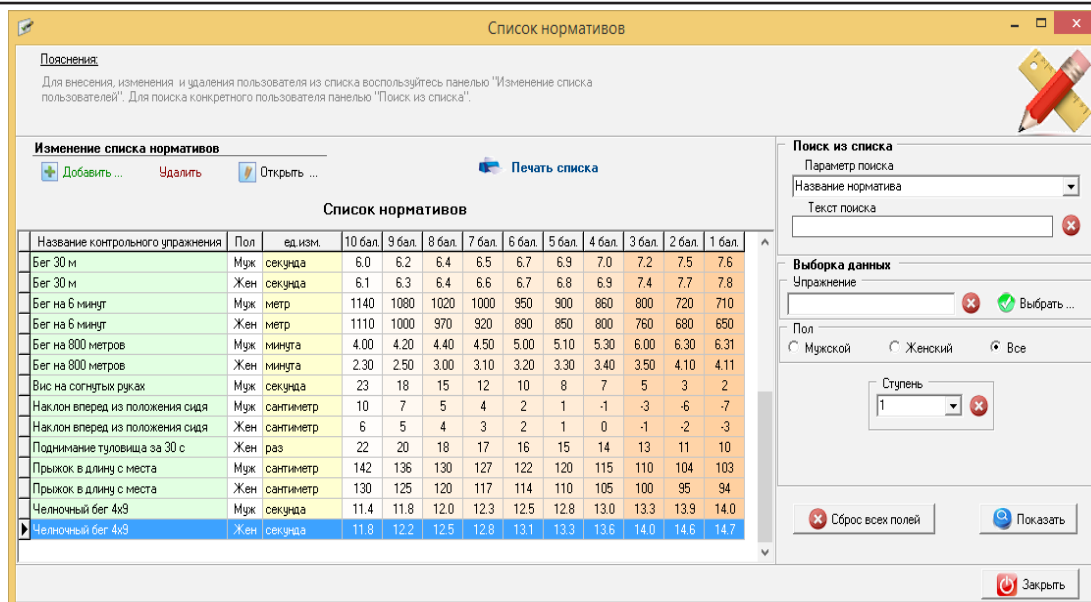

Рисунок 4 - Фрагмент подменю «Контрольные нормативы», раздел «Список нормативов»

Для повышения эффективности процесса мониторинга показателей физической подготовленности учащихся разных возрастных групп в нашей программе создан раздел «Контрольные нормативы», в котором приведены сведения справочного характера, отражающие виды контрольных испытаний, сведения о нормах и их соответствии бальной шкале.

Данный раздел позволяет педагогу вносить и редактировать информацию о контрольных испытаниях, изменять оценочную шкалу и самостоятельно устанавливать уровень требований с учётом подготовленности учащихся. Характеристика контрольных нормативов включает также следующие параметры – пол учащихся и год обучения («ступень»).

Для обработки и вывода данных по контрольным нормативам, выполняемых учащимися, их различное сравнение (по классам, ступеням, параллелям, учебным периодам, полу учащихся) в программу включен раздел «Статистика». Этот блок программы позволяет представлять данные в графическом виде и в виде таблицы. Результаты обработки данных можно вывести на печать в формате Word и Excel. Основной математической операцией в этом блоке является расчёт среднего арифметического, что может быть применено для класса, параллели классов, отдельной категории учащихся, объединённых по тем или иным признакам (пол, возраст, вид спорта).

Принимая во внимание особенности деятельности учителя физической культуры в школе, необходимость проведения не только учебных занятий, но и ведение секций по видам спорта, а так же организацию и проведение внеклассных мероприятий нами был разработан блок «Спортивно-массовая работа». Данный блок включает два подраздела – «Секции» и «Календарь мероприятий». Подраздел «Секции» позволяет учителю отражать информацию о секционных занятиях и их видах.

Подраздел «Календарь мероприятий» позволяет учителю вносить информацию о предстоящих мероприятиях, их видах, сроках и месте проведения, участниках и уровне мероприятия. Данную информацию можно редактировать и выводить на печать.

Для хранения и работы с информационными источниками в программе содержится раздел «Библиотека», включающий в себя подразделы – «Книжки», «Статьи», «Полезные ссылки». В данном блоке может быть сохранён любой информационный источник, который может располагаться на компьютере учителя (пользователя), локальной сети (школы), либо в сети Интернет. Для работы с источниками информации в программе

предусмотрены соответствующие команды, например «Открыть Интернет-страницу» или «Открыть файл на ПК». Список информационных источников, содержащихся в данном блоке можно вывести на экран в формате Word и вывести на печать.

Ключевым элементом программы является блок «Информация», в котором содержится ряд подразделов, имеющих важное значение для работы программы. В меню этого блока представлены: «Единицы измерения нормативов», «Участники образовательного процесса», «Учебные предметы», «Список упражнений», «Время уроков», «Виды спорта», «Учебный год», «Учебные периоды», «Предметное планирование».

Подраздел «Единицы измерения нормативов» позволяет учителю добавлять и редактировать сведения о единицах измерения результатов контрольных испытаний.

В подразделе «Участники образовательного процесса» возможно создание базы данных об учениках, учителях, сотрудниках образовательного учреждения. При этом в базе могут быть отражены сведения о личных данных (ФИО, возраст, пол), статусе в образовательном процессе, а так же контактные данные. Важным является элемент подраздела, включающий сведения об отношении ученика к той или иной медицинской группе. Это позволяет педагогу оперативно осуществлять работу с учениками, выстраивать учебный процесс с учётом медицинских показаний и рекомендаций врача. В целом, данные содержащиеся в этом разделе представляют основной объект деятельности учителя и призваны решать ряд задач образовательного процесса.

Подраздел «Учебные предметы» представляют собой информационный ресурс, на основании которого проводится анализ учебных предметов, занятий, секций и осуществляется работа программы:

- составление расписания;
- годовой учебный план;
- тематическое планирование.

В подразделе «Список упражнений» может быть составлен перечень упражнений, включающий их название, описание техники, графическое изображение, единицы измерения результатов. Данная справочная информация может применяться в процессе педагогического контроля, при составлении конспектов занятий, планировании учебного процесса.

Информацию о начале и окончании занятий отражает подраздел «Время уроков». Этот подраздел выполняет особую функцию в программе – благодаря ему автоматически составляется расписание занятий.

Подраздел «Виды спорта» включает в себя сведения

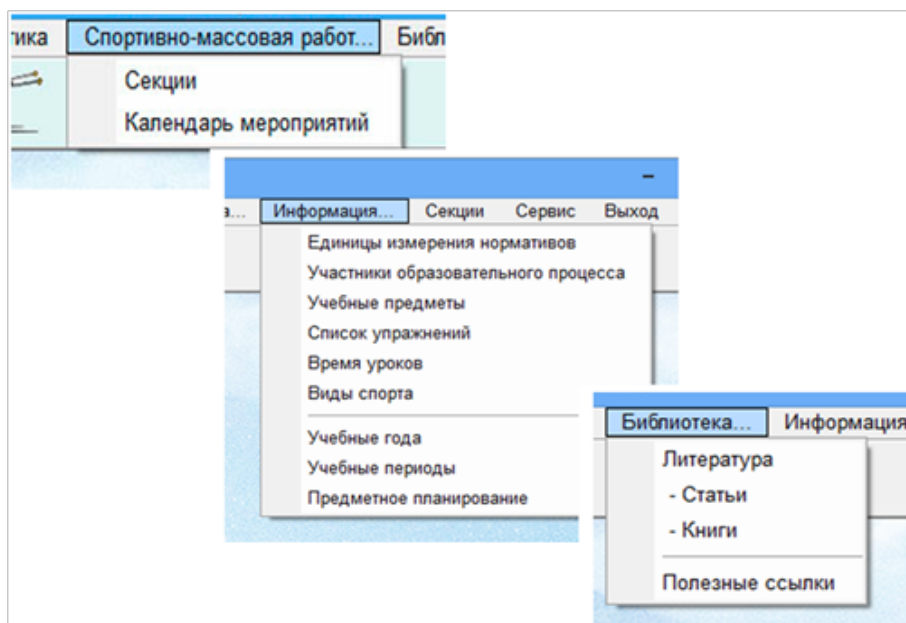

Рисунок 5 - Фрагмент «Главного меню»: подменю «Спортивно-массовая работа», «Информация», «Библиотека»

о названии видов спорта, по которым проводятся соревнования, участниками которых могут являться учащиеся данного образовательного учреждения.

Информация об учебных годах с привязкой к содержанию уроков, планированию, а так же сведениям о классах содержится в подразделе «Учебный год». Этот блок программы позволяет осуществлять мониторинг данных учащихся за разные периоды обучения, вести сравнительный анализ и прогнозирование результатов.

Для реализации возможности образовательных учреждений отражения принятой структуры учебного процесса – четверти, триместры, полугодия в данную программу включен подраздел «Учебные периоды».

Информация об учебных предметах, реализуемых тех или иных классах в определённом учебном периоде, сохраняется и корректируется в подразделе «Предметное планирование». Это позволяет повысить эффективность планирования учебной работы на уроках физической культуры.

Дополнительные возможности программы, например, такие как перевод ученика в другой класс, перевод класса на ступень выше, представлены в блоке «Сервис».

В блоке «Справка» представлены стандартные разделы – «Помощь» и «О программе». Раздел «О программе» включает описание сведений о разработчиках и версии программы. Раздел «Помощь» содержит справочный материал о работе в программе.

Таким образом, разработанный нами программный продукт «Физкульт-Профи» содержит комплекс функций и операций, позволяющих эффективно:

- осуществлять планирование учебного материала;
- вести учет данных учащихся, с оценкой состояния их здоровья и физической подготовленности;
- выполнять статистическую обработку результатов образовательного процесса;
- оценивать динамику физической подготовленности учащихся, исходя из текущих данных, вносимых в карточку, как минимум, один раз в четверть;
- осуществлять оперативный контроль посещаемости и успеваемости учащихся как индивидуально, так и класса в целом;
- выполнять информационную поддержку образовательного процесса,
- осуществлять взаимодействие участников образовательного процесса в локальной сети, реализовывать обмен учебной и научно-практической информацией.

Следует отметить, что программа «Физкульт-Профи»

легко интегрируется с современными операционными системами, обладает удобным логичным интерфейсом, содержит ряд стандартных функций для работы с данными.

Реализация данного программного продукта, на наш взгляд, позволит решить ряд актуальных задач в деятельности образовательных учреждений в сфере физического воспитания.

Рассматривая проблему разработки и внедрения компьютерных программ и технологий в современный образовательный процесс, можно утверждать не только необходимость и целесообразность такого внедрения, но и важность поиска новых информационных идей, обеспечивающих совместимость технологий, с точки зрения управляющих воздействий, с реальным педагогическим процессом, их активное влияние на методику управления и организацию педагогического процесса, педагогический контроль и учебный процесс в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волков В.Ю. Компьютерные технологии в образовательном процессе по физической культуре в вузе: Монография. - СПб.: СПбГТУ, 1997. – 135с.
2. Зайцева В.В., Сонькин В.Д. Компьютерные консультации по оздоровительной физкультуре//Теор. и практ. физ. культ. 1990, № 7, С. 46-50.
3. Ланда Б.Х. Методика комплексной оценки показателей здоровья: Учеб.пос. РИЦ «Школа», Казань. 1999.
4. Сонькин В.Д. и др. Компьютерное программирование оздоровительных физических упражнений // Теор. и практ. физ. культ. 1988, № 6. – С. 5-6
5. Шестаков М.П. и др. Современные компьютерные технологии в развитии спортивной науки //Теор. и практ. физ. культ. 1996, № 8, С. 43-45
6. Тимошенко В.В. и др. Основные направления применения вычислительной техники в физической культуре и спорте //Теор. и практ. физ. культ. 1993, №1, С. 40-41.
7. Кпешнев В.В. Биомеханические закономерности академической гребли//Техника и биомеханика академической гребли/Материалы сборника статей. СПб.: НИИФК, 1996. – С. 17-50.
8. Якобашвили В.А. и др. Комплекс технических средств для управления тренировочным процессом // Теор. и практ. физ. культ. 1993, № 9-10. С. 35-37.
9. Сучилин Н.Г., Аркаев Л.Я., Савельев В.С. Педагогико-биомеханический анализ техники спор-

- тивных движений на основе программно-аппаратного видеоконспекта // Теор. и практ. физ. культ. 1996, № 4. – С. 12-20.
10. Применение компьютера в судействе соревнований / А.В. Макаров, А.А. Михонин, Т.Н. Михонина и др. // Теор. и практ. физ. культ., 1989, №11. – С. 54-55.
11. Волков В.Ю. Компьютерные технологии в физической культуре, оздоровительной деятельности и образовательном процессе // Теор. и практ. физ. культ., 2001. - №4. – С. 60-63.
12. Киршев С.П. Компьютерные технологии обучения упражнениям на уроке физической культуры // Теор. и практ. физ. культ. 1993, № 5. – С. 38-40.
13. Виноградов П.А., Моченов В.П. Новый этап в развитии физкультурно-оздоровительной и спортивной работы среди учащейся молодежи // Теор. и практ. физ. культ., 1998, № 7. – С. 24-26, 39-40.
14. Цыба И.А., Зайцева Г.А., Элланский М.М. Изучение взаимосвязи различных морфофункциональных показателей и физической подготовленности студентов // Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы: Матер. VII междунар. науч.-метод. конф. Ч. 3. - М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 160-163.
15. Богданов В.М., Пономарев В.С., Соловов А.В. Использование современных информационных технологий в теоретической и методико-практической подготовке студентов по физическому воспитанию // Физическая культура и спорт на рубеже тысячелетий : Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. СПб., 2000. – С. 23-24.
16. Богданов В.М., Пономарев В.С., Соловов А.В. Информационные технологии обучения в преподавании физической культуры // Теория и практика физ. культуры. 2001, № 8 – С. 55-59.
17. Жбанков О.В. Информационно-методическая система – инструмент формирования информационного пространства процесса физического воспитания / Матер. междунар. конф. 2000.
18. Волков В.Ю. Компьютерные технологии в физической культуре, оздоровительной деятельности и образовательном процессе // Теория и практика физ. культуры. 2001, № 5. – С. 56-61.
19. Волков В.Ю., Волкова Л.М. Компьютерный дистанционный курс по дисциплине «Физическая культура» / Матер. всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2000.
20. Физкульт-Профи: Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2015613010 Рос. Федерация/ Иванчин А.И., Земсков А.С.; заявитель и патентообладатель Поволжская государственная социально-гуманитарная академия – № 2014664205, заявл. 30.12.2014; дата регистр. 27.02.2015.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF COMPUTER PROGRAMS IN THE ACTIVITY OF TEACHER OF PHYSICAL CULTURE – PROBLEMS AND PROSPECTS

© 2015

A.S. Zemskov, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair theoretical foundations of physical education

A.I. Ivanchin, student

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract: Global informatization and computerization of modern society has had a significant impact not only on the role of modern education students, but the technology through which it is exercised. Many experts say that computer technology as an important component of information technology will form a new style of teaching, which is more comfortable, ergonomic and mobilizes the creative potential of the teacher. Development and implementation of computer technologies in the field of physical culture and sports is today a promising direction of scientific activity, despite a series of organizational, technical and methodological difficulties.

The article presents data on the reasons for the insufficient use of innovative technologies in pedagogical process in physical education. Analyzed the capabilities and features of use of modern computer technologies in the process of activity of teacher of physical culture in modern school. Promising directions of using information and communication technologies in physical education of schoolchildren.

Presents information on the author's development of the computer program "Fizkult-Profi". The basic functions of the program, the challenges it helps to solve the teacher in the educational process at physical training lessons at school. The prospects of application of the program "Fizkult-Profi" in physical education of schoolchildren.

Keywords: education; informatization of physical education; computer technology; innovation.

УДК 371.113+37:005

О СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДАХ К КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ

© 2015

Н.Н. Коваль, методист

Донецкий областной институт последипломного педагогического образования, Донецк (Украина)

Аннотация: В статье рассмотрены понятия, связанные с управленческой деятельностью: «управление», «функция управления», «деятельность», «управленческая деятельность». Сформулирован уточненный термин «функция управления». Представлены различные подходы к классификации управленческих функций с акцентом на особенностях исследуемых моделей. Наличие различных подходов к построению модели функций управления дает основание говорить не только о взаимосвязи подходов, но и об их взаимопроникновении, а так же о необходимости дальнейшего совершенствования старых моделей. А деление управленческого цикла на отдельные функции весьма условно, относительно.

Ключевые слова: управление, функции управления, деятельность, управленческая деятельность, классификация управленческих функций, управленческий цикл.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Потребности общества на современном этапе его развития провоцируют непрерывное усложнение содержания решаемых задач школой, а также усложняется и объект педагогического воздействия – ученик. Соответственно, повышаются требования к качеству педагогическо-

го процесса, внутришкольному управлению. Главной фигурой в быстро меняющихся условиях на пути оптимизации и модернизации школы является руководителем учебного заведения. «Главная роль в управлении учебно-воспитательным процессом принадлежит руководителю школы, занимающему ключевую позицию в системе внутришкольных управленческих отношений.

Поэтому совершенствование его деятельности является решающим условием повышения эффективности внутришкольного управления» [1, с. 4].

Управление школой, как и любой другой вид человеческой деятельности, должно строиться на научной основе. Управленческие знания многократно увеличивают возможность руководителя школы выполнять свою работу успешно и эффективно. Руководитель должен быть технически грамотным управленцем: уметь ставить цели, анализировать, планировать, организовывать, контролировать. Если руководитель не владеет технологией управления, то вся его деятельность превращается в сплошную самостоятельность, декларирование лозунгов.

Формирование целей статьи (постановка задания). Рассмотреть понятия: «управление», «функции управления», «деятельность», «управленческая деятельность». Уточнить содержание термина «функция управления». Представить различные подходы к классификации управленческих функций. Обратит внимание на особенности представленных моделей управленческих функций.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В диссертационных исследованиях, в литературе по менеджменту и внутришкольному управлению можно встретить различные по своему содержанию определения понятия «управление».

Так, *Р.Х. Шакуров* определяет его как «деятельность руководителей школы, ее общественных организаций и учителей, направленную на формирование и поддержание у педагогического коллектива таких психологических состояний и свойств, которые необходимы для осуществления учебно-воспитательного процесса на уровне общественных требований» [1, с. 41].

В.С. Лазарев определяет понятие «управление» как особую деятельность, в которой ее субъекты посредством планирования, организации, руководства, контроля обеспечивают организованность совместной деятельности учащихся, педагогов, обслуживающего персонала и направлены на достижение образовательных целей [2, с. 171].

М.М. Поташиник, А.М. Моисеев считают, что управление как процесс представляет собой способ, технологию, методiku, механизм осуществления плана во времени, последовательной смены состояний, стадий, этапов развития для достижения результатов [3].

А.М. Моисеев выделяет существенные признаки понятия «управления» в широком смысле [4]:

- наличие действующего сознательного начала – субъекта;
- наличие объекта, которым управляют;
- преднамеренное и рассчитанное на достижение результатов регулирующее воздействие субъекта на объект; это воздействие должно обеспечить движение объекта в нужном, правильном направлении, к желаемому состоянию. Что же касается открытой социальной организации, то автор делает следующее заключение об основном назначении *управления*: «придавать совместной деятельности людей целенаправленность и организованность для достижения определенных результатов».

В.Ю. Кричевский рассматривает управление как процесс воздействия субъекта управления на его объект; взаимодействие управляющей и управляемой подсистем; согласование общих целей, задач, действий между подчиненными и руководителями, как субъект-субъектные отношения [5].

Л.И. Фишман, И.С. Фишман считают, что «Если по сути своей управление есть обеспечение реализации поставленных перед самой системой целей, то по форме оно – информационный процесс, состоящий из трех

основных этапов: сбор информации о функционировании управляемой подсистемы (элемент обратной связи), ее переработка и выдача управленческого решения (от управляющей подсистемы к управляемой поступает командная информация)» [6, с. 13].

По мнению *В.К. Терентьева* под управлением следует понимать «преднамеренное и целенаправленное воздействие на объект управления, обеспечивающее выполнение им нужных действий и достижение заданных целей» [7, с. 23].

В.А. Сластенин под управлением предлагает понимать деятельность, направленную на выработку решений, организацию, контроль, регулирование объекта управления в соответствии с заданной целью, анализ и подведение итогов на основе достоверной информации [8].

Ряд авторов, занимающихся исследованием проблемы управления образовательными системами (*Т.И. Шамова, П.И. Третьяков, Н.П. Капустин*), управление рассматривают как целенаправленное взаимодействие управляющей и управляемой подсистем по достижению запланированного результата (цели) [9].

Иной подход к пониманию управления рассматривает данный процесс как форму выражения ментальности, форму проявления внутренней социально-психологической программы, заложенной в человеке [10].

С точки зрения *В.В. Лебедева*, под управлением в контексте обучения следует понимать структурированную деятельность субъекта (учителя), направленную на достижение осознанного результата (операционно-заданные результаты образования) посредством системы деятельности субъектов (учащихся), которая осуществляется через их кооперацию на основе полного общения [11].

Таким образом, проведенный анализ определений понятия «управление» позволяет выделить следующие подходы, которые сложились среди ученых:

- управление как деятельность;
- управление как процесс;
- управление как воздействие;
- управление как взаимодействие и сотрудничество.

Уточним содержание термина «функция управления».

В педагогическом словаре *функции управления* определяется как: законченный цикл действий, отражающих определенное содержание управленческих воздействий; операции, действия субъекта управления, соответствующие стадиям управленческого цикла [12].

По мнению *Ю.А. Тихомирова* *функция* есть действие, роль, свойство, значение, компетенция, обязанность, задача, зависимость одно от другого [13].

Р.Х. Шакуров в своих работах *функцию* определяет как: совокупность однородных повторяющихся задач, которые необходимо решить для обеспечения нормальной жизнедеятельности данной системы, ее перевода из одного состояния в другое, более полно отвечающее предъявляемым требованиям; объективно существующие задачи [1, с. 42].

Согласно *М.М. Поташинику* и *А.М. Моисееву*, *функция* отражает отношения субъекта и объекта управления, то есть управленческое действие, наложенное на какой-то объект [3].

Под *функциями управления* *Л.И. Фишман, И.С. Фишман* понимают операции, действия субъектов управления, соответствующие последовательно сменяющимся стадиям управленческого цикла [6, с. 14].

Т.И. Шамова и *Т.М. Давыденко* рассматривают *управленческую функцию* как вид деятельности, который осуществляет управляющий [9].

По нашему мнению, исходя из вышеизложенного, *управленческая функция* является видом деятельности, отражающей определенное содержание управленческого воздействия.

Очевидно, что понятия «управление», «функция

управления» тесно связаны с понятием «деятельность».

Деятельность – специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей; условие существования общества. Деятельность включает в себя *цель, средства, результат и сам процесс* [14].

Деятельность – активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности [15].

А.Н. Леонтьев считает, что «*деятельность* – это не реакция, не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [16, с. 81–82].

Деятельность – процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект удовлетворяет какие-либо свои потребности, достигает цели. Деятельностью можно назвать любую активность человека, которой он сам придает некоторый смысл. Деятельность характеризует сознательную сторону личности человека (в отличие от поведения) [17].

Под термином «*деятельность*» чаще всего понимается основа развития личности; в ней развиваются психические процессы, формируются умственные и эмоциональные качества личности, её способности и характер (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, Д.И. Фельдштейн и др.). Ученые отмечают, что именно в этой сложной преобразующей деятельности человек обретает самого себя, выступает как творец и как деятель. Д.И. Фельдштейн акцентирует внимание на *деятельности* по усвоению норм человеческих взаимоотношений, которые занимают ещё более важное место в развитии человека как личности [18].

Учитывая, что в научных исследованиях понятие «*деятельность*» раскрыто достаточно полно, считаем целесообразным рассмотреть далее понятие «управленческая деятельность».

В.К. Терентьева предлагает под *управленческой деятельностью* понимать «организованный процесс достижения цели, в ходе которого идет преднамеренный поиск, использование и преобразование информационных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов организации» [7, с. 61].

Т.И. Шамова считает, что «*Управленческая деятельность* строится в соответствии с функциями управления, которые в своей совокупности отражают специфику управленческого труда, его содержание, упорядоченность и системную целостность» [9].

Рассматривая школу как открытую социальную систему и объект управления В.А. Сластенин отмечает, что «*управленческая деятельность* организаторов образования, должностных лиц, учителей, учащихся должна быть в равной мере направлена на выработку целей и достижение результата, на создание условий формирования педагогического и ученического коллективов, на отбор содержания и использование разнообразных средств, форм и методов учебно-воспитательной работы» [8].

П.И. Третьяков определяет *управленческую деятельность* как «труд, затрачиваемый на выполнение подпроцессов управления (прогнозирование, планирование, принятия решений, контроля и регулирования), которые состоят из функций (целеопределение, педагогический анализ, прогнозирование, планирование, организация исполнения, контроль, регулирование и коррекция) и образуют целостный процесс управления» [19].

А.М. Моисеев [4] рассматривает модель управления школой как открытую систему. По мнению автора это позволяет наглядно отобразить закономерные взаимосвязи, взаимозависимости между элементами этой системы. К «входам» в управление отнесены внешние требования, ограничения, влияющие на управление; ресурсы,

которые необходимы для нормального протекания процессов управления (кадровые, информационные, технологические, материально-технические, финансовые и др.). Управление представлено как процесс взаимодействия *управленческой деятельности* и управляемого объекта, показана управляющая система, осуществляющая эту деятельность. Итоги управления (продукты, результаты, последствия) показаны на «выходе» (рисунок 1).

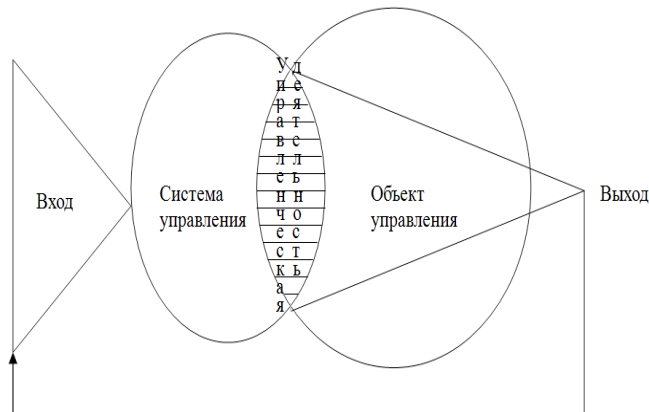

Рисунок 1 – Модель управления

Таким образом, с одной стороны управленческая деятельность – объект управления, с другой стороны – система управления, которые находятся в постоянном взаимодействии.

Согласно А. Файолю, «управлять – значит обеспечивать правильный ход шести основных функций» [20], причем эти функции взаимозависимы. Под функциями А. Файоль понимает группы операций или основные направления управления: *технические*, *коммерческие*, *финансовые*, *операции по охране имущества и лиц*, *счетные операции*, *администрирование*. По мнению автора концепции управления (начало XX века), *администрирование* включает в себя *предвидение* – изучение ожидаемого будущего и составление программы будущего; *организацию* – создание материального и социального организма предприятия; *распорядительство* – приведение в действие персонала предприятия; *координацию* – объединение и связывание действий и усилий; *контроль* – наблюдение за выполнением распоряжений и установленных правил.

И сегодня точки зрения ученых на количество структурных элементов управленческой деятельности и их наименования остаются неоднозначными.

Автор социально-психологической концепции руководства педагогическим коллективом, Р.Х. Шакуров [1] в основу классификации управленческих функций заложил системно-структурный подход. Согласно разработанной автором модели, управленческие функции могут быть разделены на *три группы*: *целевые*, *социально-психологические* и *оперативные*. В свою очередь, *целевые функции* отражают потребности общества, а их содержание сводится к социальным задачам – политическим и организационно-педагогическим (организация учебно-воспитательного процесса). Организация педагогического коллектива, его целевая ориентация, активизация, совершенствование деятельности, сплочение коллектива и развитие в нем самоуправления являются составными элементами *социально-психологических функций* управления. Планирование, инструктирование, контроль относятся к *оперативным функциям*. Таким образом, в модели управленческих функций, разработанной Р.Х. Шакуровым, нашли отражение социально-психологические функции, что, по мнению автора, является методологически правильным решением на пути развития социально-психологических исследований проблемы руководства.

Л.И. Фишман, И.С. Фишман в управленческом цикле выделяют такие функции управления: целеполагание, планирование, организация, регулирование и коррегирование, контроль, анализ [6, с. 14]. Авторы в своем исследовании подчеркивают важность каждой функции: «если хотя бы одна функция осуществляется руководителем некачественно – некачественно осуществляется все управление». Ученые считают, что управленческий цикл начинается с организации сбора информации о функционировании той или иной управляемой подсистемы. Затем наступает следующая стадия – стадия переработки информации, включающая в себя анализ, целеполагание, планирование и организацию. Причем, «по ходу» осуществления руководителем выше перечисленных функций происходит регулирование и коррекция смоделированного поведения управляемой системы. И этот этап содержит и получение информации, и ее анализ, и принятие управленческого решения, и планирование, то есть имеем «меньшие управленческие циклы, вложенные в больший».

Т.И. Шамова, П.И. Третьяков, Н.П. Капустин [9] используют бинарную классификацию для определения состава функций управления школой: информационно-аналитическая, мотивационно-целевая, плано-прогностическая, организационно-исполнительская, контрольно-диагностическая, регулятивно-коррекционная функции. Авторы предлагают рассматривать функциональные звенья управления как относительно самостоятельные виды деятельности, которые взаимосвязаны между собой и последовательно сменяющие друг друга, образуют единый управленческий цикл. Цель является системообразующим фактором среди функций управления. Как отмечает группа ученых, в каждой функции управления «в свернутом, уменьшенном по объему виде циклически проходят все те же этапы, которые можно определить как подфункции». По мнению исследователей, недооценка хотя бы одного из функциональных элементов приводит к изменению всего процесса управления в худшую сторону и снижению качества его конечных результатов.

Ю.А. Конаржевский [21] разработал следующую модель функций управления, состоящую из таких структурных элементов: педагогический анализ, планирование, организация, контроль; регулирование. С точки зрения ученого, педагогический анализ является системообразующей функцией.

В.А. Сластенин, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянов [8] к числу функций управления целостным педагогическим процессом относят: педагогический анализ, целеполагание и планирование, организация, внутришкольный контроль и регулирование.

С.К. Исламгулова [22] относит к основным функциям управления проектирование, организацию, контроль, коррекцию, а к вспомогательным (сопровождающим) функциям – сбор и анализ информации, постановку задач, мотивацию. Автор подчеркивает, что существует определенная последовательность чередования функций управления и «эффективное управление требует

- научно обоснованного планирования (проектирование, моделирование) педагогической деятельности, общения, отношений;
- организации педагогической деятельности, общения, отношений;
- контроля качества реализации проекта, продуктивности педагогической деятельности, общения, отношений;
- внесение поправок, то есть коррекции, регулирования педагогической деятельности, общения, отношений».

С.К. Исламгулова считает, что основная функция управления подчиняется логическому алгоритму, четкой последовательности регламентированных действий.

Анализ научной литературы в области управления образованием позволяет сказать, что в настоящее время

существующие подходы к классификации управленческих функций являются предметом исследования многих ученых. Более того, наличие различных подходов к построению модели функций управления дает основание говорить не только о взаимосвязи подходов, но и об их взаимопроникновении, а так же о необходимости дальнейшего совершенствования старых моделей.

Однако, как считает Г.Г. Габдуллин, предложенное деление управленческого цикла на отдельные функции весьма условно, относительно. Все функции неразрывно связаны, накладываются, переплетаются. Поэтому четких граней между функциями управления установить невозможно, но знать содержание каждой функции необходимо, ибо научное управление тем и отличается, что оно основывается на тесной взаимосвязи всех видов управленческой деятельности, на взаимообслуживании функций управления, на понимании того, что именно результат их взаимодействия лежит в основе управляющей системы [23].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований по этому направлению. Управление школой, как и любой другой вид человеческой деятельности, должно строиться на научной основе, то есть, арсенал управленческих знаний многократно увеличивает возможность руководителя школы выполнять свою работу успешно, эффективно и качественно.

Подходы к определению понятия «управление», которые сложились среди ученых следующие:

- управление как деятельность;
- управление как процесс;
- управление как воздействие;
- управление как взаимодействие и сотрудничество.

Управленческая функция является видом деятельности, отражающей определенное содержание управленческого воздействия.

Понятия «управление», «функция управления» тесно связаны с понятиями «деятельность», «управленческая деятельность».

В настоящее время существующие подходы к классификации управленческих функций являются предметом исследования многих ученых [24-27]. Более того, наличие различных подходов к построению модели функций управления дает основание говорить не только о взаимосвязи подходов, но и об их взаимопроникновении, а так же о необходимости дальнейшего совершенствования старых моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шакуров Р.Х. Социально-психологические проблемы руководства педагогическим коллективом / Науч.-исслед. Ин-т профессионально-технической педагогики Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.
2. Лазарев В.С. Руководство педагогическим коллективом: модели и методы / В.С. Лазарев. – М.: Центр социальных и экономических исследований, 1995.
3. Поташник М.М., Моисеев А.М. Управление современной школой (В вопросах и ответах): Пособие для руководителей образовательных учреждений и органов образования – М.: Новая школа, 1997. – 352 с.
4. А.М. Моисеев. Качество управления школой: каким оно должно быть. – М.: Сентябрь, 2001. – 160 с.
5. Кричевский В.Ю. Профессиональная деятельность директора общеобразовательной школы как предмет междисциплинарного исследования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / В. Ю. Кричевский. – СПб., 1993. – 40 с.
6. Фишман Л.И., Фишман И.С. Управление и руководство школой: алгебра и гармония / М.: Сентябрь, 2001. – 160 с.
7. Терентьев В.К. истины управления: взгляд на основы менеджмента / М.: Сентябрь, 2002. – 160 с.
8. Сластенин В. А. Педагогика: учеб. пособие / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянов. - М.: Изд.

- центр «Академия», 2002. - 576 с.
9. Шамова Т.И. Управление образовательными системами / Т.И. Шамова, П.И. Третьяков, Н.П. Капустин. - М.: Изд-во «Владос», 2002. - 214 с.
10. Никитина Т.А., Одинцова В.В. Особенности коучинга как системного, развивающего подхода в управлении // Известия академии управления: теория, стратегии, инновации. 2010. № 1, С. 4-12.
11. Лебедев В.В. Образовательная технология «Достижение прогнозируемых результатов»: теория и практика. - М.: Академия АПКППРО, 2012.
12. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. - М.: Академия, 2000. - 1321 с.
13. Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. - М.: Наука, 1972. - 228 с.
14. Большой Энциклопедический словарь / Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>
15. Большой психологический словарь. - М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003. - 672 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
17. Джесси Рассел. Деятельность. - VSD, 2012. - 94 с.
18. Фельдштейн Д. И. Психология развития человека как личности: Избр. тр.: В 2 т. / Д.И. Фельдштейн. - М.: Изд-во МПСИ, 2005. - Т. 1. - 568 с.
19. Регион: Управление образованием по результатам. Теория и практика / Под редакцией П.И. Третьякова. - М.: Новая школа, 2001. - 880 с.
20. Файоль А. Учение об управлении. Сб. Научная организация труда и управление. Под ред. А.Н. Щербаня, М. Экономика, 1965. - 154 с.
21. Конаржевский Ю.А. Педагогический анализ учебно-воспитательного процесса и управления школой (для директоров и заместителей директоров школ). - М.: Образовательный центр «Педагогический поиск», 1997. - 80 с.
22. Исламгулова С.К. Управление развитием школы: технологический аспект. Учебно-методическое пособие. - Алматы: ИПК ПКСО, 2010. - 300 с.
23. Габдуллин Г.Г. Совершенствование функций управления общеобразовательной школой в условиях ее реформы: Учебное пособие. М.: Изд-во МГПИ, 1988. - 173 с.
24. Авинова В.А., Сажнев А.В. Анализ как одна из важнейших функций управления предприятием // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2013. № 4. С. 7-9.
25. Коростелёв А.А. Теоретический аспект ролевого значения аналитической деятельности руководителей образовательных учреждений во внутришкольном управлении // Вестник психотерапии. 2007. Т. 29. № 24. С. 96-100.
26. Локтионов Е.Г. К вопросу взаимосвязи общих функций управления предприятием // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2 (17). С. 22-24.
27. Лагодиенко В.В., Корниецкий А.В. Понятие сущности и функций управления в логистических системах // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 145-147.

ON THE EXISTING APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF MANAGEMENT FUNCTIONS

© 2015

N.N. Koval, methodist

Donetsk Regional In-service Teachers Training Institute, Donetsk (Ukraine)

Abstract: The article describes the concepts related to management activities, "management", "management functions", "activity", "management activities". Formulated clarification of the term "management function". Different approaches to classification of management functions, with a focus on the characteristics of the studied models. The existence of different approaches to the construction of a model management functions gives grounds to speak not only about the relationship approaches, but also on their mutual penetration, as well as the need to further improve the old models. A division of the management cycle for certain functions rather conditional, relative.

Keywords: management, management functions, "activity", management activities, classification of management functions, management cycle.

УДК 378.14.014.13

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ»

© 2015

И.К. Кондаурова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой математики и методики ее преподавания

Саратовский государственный университет, Саратов (Россия)

Аннотация. В статье предпринята попытка пересмотра существующих программ подготовки будущих учителей математики к реализации дополнительного предметного образования детей и приведение их в соответствие с утвержденным Профессиональным стандартом «Педагог дополнительного образования детей и взрослых».

Ключевые слова: профессиональная подготовка, будущие учителя, дополнительное образование детей, профессиональный стандарт, педагог дополнительного образования детей.

С 1 января 2017 года в Российской Федерации вступает в силу Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» (документ утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ 8 сентября 2015 г. № 613н) [1]. В этой связи представляется актуальным пересмотр существующих программ подготовки будущих учителей к реализации дополнительного образования детей и приведение их в соответствие с принятым Профессиональным стандартом.

В Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» вошли

следующие трудовые функции [1]:

– организация деятельности учащихся, направленной на освоение дополнительной общеобразовательной программы;

– организация досуговой деятельности учащихся в процессе реализации дополнительной общеобразовательной программы;

– обеспечение взаимодействия с родителями (законными представителями) учащихся, осваивающих дополнительную общеобразовательную программу, при решении задач обучения и воспитания;

– педагогический контроль и оценка освоения допол-

нительной общеобразовательной программы;

- разработка программно-методического обеспечения реализации дополнительной общеобразовательной программы;

- организация и проведение исследований рынка услуг дополнительного образования детей и взрослых;

- организационно-педагогическое сопровождение методической деятельности педагогов дополнительного образования;

- мониторинг и оценка качества реализации педагогами дополнительных общеобразовательных программ;

- организация и проведение массовых досуговых мероприятий;

- организационно-педагогическое обеспечение развития социального партнерства и продвижения услуг дополнительного образования детей и взрослых;

- организация дополнительного образования детей и взрослых по одному или нескольким направлениям деятельности.

Подготовка будущих учителей математики в реализации дополнительного предметного образования школьников в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» предусматривает: изучение дисциплины «Дополнительное математическое образование школьников» (6-7 семестры); написание курсовой работы по дисциплине «Дополнительное математическое образование школьников» (6 семестр); прохождение производственной педагогической практики в сфере дополнительного образования детей (7 семестр).

В результате освоения дисциплины «Дополнительное математическое образование школьников», в контексте требований Профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» обучающийся должен:

- знать: историографию и ценностные основы современного дополнительного математического образования школьников, его сущностные и системные характеристики; особенности организации дополнительного математического образования (в рамках дополнительных общеобразовательных программ) в отличие от внеурочной работы по предмету (в рамках основных общеобразовательных программ); специфику различных типов образовательных организаций региона, реализующих дополнительные общеобразовательные программы;

- уметь: разрабатывать программы математического кружка (группы, студии, клуба, иных детских объединений); формулировать цели и конкретизировать задачи дополнительного математического образования школьников на разных этапах изучения математики в системе школьного дополнительного образования; отбирать и конструировать предметное содержание согласно поставленным целям и задачам на основе индивидуально-дифференцированного подхода к учащимся с учетом их личностных особенностей, образовательных потребностей и познавательных интересов; аргументировано отбирать формы организации деятельности детей, обеспечивающие максимальное развитие их познавательной активности, математических способностей, устойчивого познавательного интереса к предмету, математической образованности, творческих способностей; создавать в математических кружках (группах, студиях, клубах, иных детских объединениях) разновозрастные детско-взрослые общности обучающихся, их родителей (законных представителей), педагогических работников; обоснованно выбирать технологический инструментарий для реализации и управления образовательным процессом дополнительного математического образования в соответствии с половозрастными, интеллектуальными и другими особенностями контингента; осуществлять мониторинг результативности обучения детей в

системе школьного дополнительного математического образования;

- владеть: технологиями организации различных форм деятельности детей в системе дополнительного математического образования, развивающими у школьников познавательную активность, математические способности, устойчивый познавательный интерес к предмету, математическую образованность, творческие способности; способами самостоятельного приобретения и представления необходимых профессиональных знаний.

Целями производственной педагогической практики в сфере дополнительного образования детей, в соответствии с требованиями Профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых», являются формирование практической готовности будущего бакалавра педагогического образования (профиль – математическое образование) к реализации дополнительного математического образования школьников по следующим видам профессиональной деятельности:

- преподавание в области дополнительного математического образования (педагогическая деятельность);

- организация досуговых мероприятий по предмету (в том числе, математических игр, конкурсов, олимпиад, соревнований и т.п.) (педагогическая деятельность);

- методическое обеспечение образовательного процесса (педагогическая деятельность).

В результате прохождения практики обучающийся должен:

- знать: специфику организации дополнительного математического образования (в рамках дополнительных общеобразовательных программ) в отличие от внеурочной работы по предмету (в рамках основных общеобразовательных программ) с обязательным учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся.

Уметь:

- (преподавание в области дополнительного математического образования детей): определять цели и задачи, планировать, организовывать и проводить занятия; демонстрировать владение деятельностью, соответствующей области дополнительного математического образования; оценивать процесс и результаты деятельности занимающихся на занятии и освоения дополнительной общеобразовательной программы; анализировать занятия; оформлять документацию, обеспечивающую образовательный процесс;

- (организация досуговых мероприятий по предмету (в том числе математических игр, конкурсов, олимпиад, соревнований и т.п.): определять цели и задачи, планировать досуговые мероприятия по предмету; организовывать и проводить досуговые мероприятия; мотивировать обучающихся, родителей (лиц, их заменяющих) к участию в досуговых мероприятиях; анализировать процесс и результаты досуговых мероприятий; оформлять документацию, обеспечивающую организацию досуговых мероприятий;

- (методическое обеспечение образовательного процесса): разрабатывать учебно-методические материалы (рабочие программы, календарно-тематические планы, планы-конспекты занятий и сценариев досуговых мероприятий; материалы по индивидуальному сопровождению математического развития обучающихся; материалы по работе с детским коллективом) с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся; создавать в кабинете предметно-развивающую и воспитывающую среду; оформлять педагогические разработки в виде отчетов, выступлений.

Владеть практическим опытом: преподавательской деятельности в области дополнительного математического образования; организации досуговых мероприятий по предмету (в том числе математических игр, конкурсов, олимпиад, соревнований и т.п.); разработки методического обеспечения образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. N 613н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» (зарегистрировано в Минюсте РФ 24 сентября 2015 г. Регистрационный № 38994) // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71102914/#ixzz3owfG6Njy>.

THE PREPARATION OF FUTURE TEACHERS TO REALIZATION OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE REQUIREMENTS OF THE PROFESSIONAL STANDARD «TEACHER OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN AND ADULTS»

© 2015

I. K. Kondaurova, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
head of chair of mathematics and methods of teaching
Saratov State University, Saratov (Russia)

Abstract: In article attempt of revision of the existing programmes of preparation of future teachers of mathematics to implement additional subject of children's education and bringing them in conformity with the approved professional standard "Teacher of additional education of children and adults".

Keywords: professional training, future teachers, education for children, professional standard, teacher of additional education of children.

УДК 316.356.2

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МОЛОДОЙ СЕМЬИ

© 2015

Ю.А. Кострова, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы
Самарский государственный университет, г. Самара

Аннотация: В данной статье рассмотрены характеристики молодой семьи как социального института на современном этапе развития российского общества. Обосновывается подход к пониманию молодой семьи как социального института, находящегося на стадии формирования основных институциональных характеристик семьи, позволяющих развиваться, сохраняя свою целостность. Вводится понятие институционализации семейных отношений, которое обозначает процесс формирования относительно устойчивых и повторяющихся во времени семейных практик. Выделены такие институциональные характеристики молодой семьи, как функции, выполняемые молодой семьей в обществе, нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, санкции за невыполнение тех или иных норм, поддерживаемых институтом молодой семьи, роли, выполняемые членами семьи. В статье представлен конструктивистский подход к концептуализации молодой семьи, позволяющий рассматривать ее как динамическую конструкцию, явление «социально построенное», отражающее общественные потребности, политические взгляды, нормы, предписывающие определенное социально одобряемое поведение в сфере брачно-семейных отношений. Данный подход к социологическому анализу молодой семьи соответствует процессуальной природе социальной реальности и позволяет учитывать контекстуальное влияние на развитие молодой семьи.

Ключевые слова: социальный институт, институционализация, институциональные характеристики, семья, молодая семья.

В настоящее время в социальных науках доминирует определение молодой семьи как семьи в первые три года после заключения брака (в случае рождения ребенка – без ограничения продолжительности брака) при условии, что брак у обоих супругов был первый, а возраст одного из супругов не превышает 30-35 лет. Данное определение используется многими авторами диссертационных исследований по проблемам молодой семьи.

Подобная концептуализация понятия «молодая семья» была предложена еще в 80-е годы XX века, а в 1993 году получила законодательное закрепление в Постановлении Верховного Совета РФ «Основные направления государственной молодежной политики в РФ» [1]. Вместе с тем, подобная трактовка понятия «молодая семья» базируется на представлениях, не учитывающих произошедших изменений в методологических ориентациях теории социальной политики и не отвечающих современному этапу социального развития российского общества.

Количественные признаки, изначально сформировавшие содержание понятия «молодая семья», были продиктованы, с одной стороны, удобством построения выборки в социологических исследованиях данного типа, с другой стороны, – критериями отбора молодых семей для программ социальной политики, долгое время ориентированных на так называемые «критические группы» населения. Последнее обусловило отнесение к молодым тех семей, которые отвечали признакам групп социального риска. Вполне обоснованным, в связи с этим, выглядит выделение

среди таких критериев риска возраста супругов, очередности брака и стажа совместной супружеской жизни. Так, критерий, ограничивающий возраст молодых супругов

тридцатилетним-тридцатипятилетним рубежом, совпадает с традиционно обозначаемой в социологии верхней границей общности «молодежь». Молодежь же еще не полностью включена в status quo социального порядка. На языке социологии быть молодым означает стоять на краю общества, быть во многих отношениях аутсайдером [2, 3]. В возрастных границах, установленных для молодежи, а затем и для молодой семьи находит свою легитимацию тот факт, что «в указанных пределах субъект не мог претендовать на обретение подобающей профессиональной позиции, материального вознаграждения, позволяющего ему содержать себя и свою семью, участия в делах управления и т. д.» [4]. Такое состояние перехода от детства к взрослости обуславливает возможность развития ряда негативных тенденций, что дает основание многим исследователям характеризовать данный период в жизненном пути человека как кризисный.

Критерий очередности брака предполагает отсутствие в прошлом опыта создания семьи у обоих молодых супругов, что рассматривается как дополнительный фактор дестабилизации семейных отношений. И, наконец, третий критерий риска – продолжительность брака 3-5 лет, базировался на различных моделях жизнедеятельности семьи, выделяющих несколько «критических точек» в ее развитии. Согласно данным моделям первая критическая точка приходится на

этап формирования семьи: до 3-5 лет совместной семейной жизни [5]. Подтверждением может служить количество разводов в зависимости от стажа брака. Наибольшая интенсивность разводов по данным социологических исследований характерна для браков продолжительностью до 4 лет (в среднем значение параметра достигает 35 % от общего числа разводов) [5].

Все перечисленные признаки молодой семьи полностью отвечали целям и задачам государственной социальной политики 90-х гг. XX в., а именно нейтрализация негативных последствий трансформации российского общества посредством социальной защиты кризисных групп населения. Соответственно, семьи классифицировались государственной социальной политикой исключительно по критериям нуждаемости. Однако, безоговорочное принятие наукой «практического» определения молодой семьи привело к тому, что до сих пор в круг интересов исследователей попадают лишь «слабые» молодые семьи, к которым могут быть отнесены далеко не все из общей совокупности молодых семей современного российского общества. Кроме того, обозначенные характеристики молодой семьи не учитывают изменения демографической и социокультурной ситуации, произошедшие в России за период с 80-х гг. XX в. по настоящее время, что обуславливает неэффективность их использования при реализации современных социальных программ.

Исходным пунктом социологической концептуализации понятия «молодая семья», на наш взгляд, должно стать то обстоятельство, что разделение жизненного пути на этапы по количественным критериям (например, возраст супругов) значительно варьирует в межкультурном сравнении и в историческом процессе. Так, возраст вступления в брак, – характеристика, которая находится в сильной зависимости от множества факторов, в том числе и от исторической динамики половозрастной структуры населения. В настоящее время законодательно разрешено вступать в брак, не достигнув восемнадцатилетия, и доля таких браков продолжает расти. Что касается верхней границы вступления в брак, то здесь также происходит изменение в сторону увеличения. Начиная с 90-х годов XX века возникает новая долговременная тенденция «позарения» брачности (рост среднего возраста вступления в первый брак). В результате те молодые семьи, которые образуются при вступлении в брак партнеров в возрасте 28-30 лет, фактически не могут участвовать в государственных программах поддержки молодой семьи.

Другая традиционная характеристика молодой семьи – очередность брака. Предполагается, что вступление в повторный брак хотя бы одного из супругов не позволяет считать семью «неопытной» [6]. Таким образом, молодая семья изначально, в самом своем определении не рассматривается в качестве самостоятельной и самодостаточной «единицы бытия», а лишь как явление со знаком минус – недостаточная компетентность, незрелость, отсутствие навыков [7]. Кроме того, долгое время консенсуальные браки не были широко распространены в нашей стране, и в подавляющем большинстве случаев можно было безошибочно на основании соответствующих документов определить очередность брака у каждого из супругов. Однако, в настоящее время брак, регистрируемый в органах записи актов гражданского состояния, перестает быть доминирующей формой брака в России. Явление консенсуальных браков все больше стало привлекать внимание исследователей брачно-семейных отношений. «Тенденция более позднего вступления молодежи в брак и распространение конкубината – одна из характеристик удлинения процесса проживания молодости» – постулирует Т. А. Гурко [8]. Вследствие затянувшегося образования, переквалификации и трудностей интеграции в сферу труда возникают другие жизненные

перспективы самореализации, семья перестает рассматриваться как «бытие для другого», затухает традиционное стремление к ее основанию. В результате широко распространяются консенсуальные браки. Все это следствие индивидуализации, экспериментирования с собственным стилем жизни.

Таким образом, в настоящее время точное определение очередности брака у супругов становится практически невозможным. Поэтому данная характеристика молодой семьи, на наш взгляд, не отвечает современным тенденциям в развитии брачно-семейных отношений. Использование ее в законодательстве и в научных исследованиях приводит к исключению из совокупности молодых семей тех, кто состоит в повторном зарегистрированном браке и оставляет тех, кто также состоит в повторном браке, но первый брак зарегистрирован не был. Оба случая, идентичные по содержанию, формально оказываются классифицированными как разные формы семьи.

И, наконец, третий критерий отнесения к молодым семьям, – стаж брака 3-5 лет. Используя данную характеристику, авторы, как правило, ссылаются на концепции жизненного цикла семьи, согласно которым молодая семья представляет собой начальную стадию в развитии семьи. В зависимости от количества выделяемых стадий рассчитывается примерная продолжительность каждой из них. Отсюда – разница в определении временных границ данного периода: у одних авторов продолжительность стадии составляет 3 года, у других – 5 лет. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что количественное измерение стадий жизненного цикла может применяться только с определенной степенью условности. Большинство авторов концепций жизненного цикла семьи подчеркивают именно содержательные качественные характеристики стадий и критериев перехода между ними.

Дискуссионность понятия «молодая семья» во многом обусловлена и отсутствием общепринятого определения семьи в целом. В настоящее время скорее можно говорить о существующих в социологии теоретических подходах к определению понятия «семья».

Традиционно в литературе выделяют два подхода к определению семьи, предлагающие рассматривать семью как социальный институт и как малую социальную группу. сторонники первого подхода сосредотачивают внимание на таких институциональных характеристиках семьи, как функции, выполняемые семьей в обществе, нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, санкции за невыполнение тех или иных норм, поддерживаемых институтом семьи, роли, выполняемые членами семьи. Исследователи, изучающие семью как малую группу [9], ставят во главу угла проблему внутрисемейной солидарности, личного приспособления в семье, достижения тех или иных результатов семейного поведения.

В соответствии с перечисленными подходами к пониманию семьи анализируется и феномен молодой семьи. Молодая семья рассматривается, с одной стороны, как социальный институт, функционирующий среди других институтов общества, с другой стороны, молодая семья представляет собой малую группу «со своей семейной биографией или историей, с учетом приватного характера семейного климата» [10].

В настоящее время в социальной науке существуют различные вариации изучения молодой семьи как социального института и малой группы. Так, можно выделить структурно-функциональный подход, который исходит из идеи первичности семейных статусов и ролей перед всеми другими. С этой точки зрения молодая семья состоит из индивидов, имеющих определенные статусы и роли. Связь между молодой семьей и обществом определяется через понятие функции [11]. В рамках данного подхода рассматривается соотношение между функциями молодой семьи, трансформация

семейных функций под влиянием происходящих в обществе изменений, механизмы социального контроля в отношении молодой семьи. Словом, в рамках структурно-функционального подхода молодая семья представляет собой скорее «пакет» статусов и ролей, чем активного, инициирующего свои действия субъекта общественных отношений.

Универсально-функциональный подход связан с культурно-историческим анализом брачно-семейных отношений. Сторонники данного подхода доказывают универсальность функций семьи и соответствующих им ролей в различных культурах. В центре внимания оказывается индивид и культурные ценности, которые он разделяет. Напряженность и конфликты в обществе объясняются с позиции данного подхода неэффективным выполнением семьей, в целом, и молодой семьей, в частности, своих функций. Снижение авторитета молодой семьи вследствие ее дисфункциональности неизбежно ведет к деморализации общества и, наоборот, важным условием стабильности общества выступает успешность функционирования молодой семьи.

Ситуационный подход фиксирует внимание не на взаимодействии между членами молодой семьи, а на ценностях и нормах в сфере брачно-семейных отношений, рассматривающий их как социальную ситуацию, определяющую функционирование молодой семьи. Для исследователей данного направления центральными являются понятия социальной ситуации и роли.

В рамках интеракционистского подхода исследуется взаимодействие членов молодой семьи, занимающих определенные, связанные с соответствующими ролями позиции внутри семьи. В большинстве исследований, использующих данный подход, молодая семья рассматривается как относительно закрытая система, имеющая слабую связь с окружающими институтами, организациями и даже группами. Институциональный и культурный аспект молодой семьи практически не анализируется. Для этого подхода базовыми являются такие понятия, как «статус» и «межстатусные отношения в процессе коммуникации», «конфликт», «принятие решений».

Назовем и еще один подход, представители которого сосредотачивают внимание на отношениях внутри семейной группы, изучаемые при помощи социологии повседневной жизни, включающей в рассмотрение факты и действия, которые ранее большей частью оставались без внимания и расценивались как малозначимые.

Особо отметим, что долгое время изучение семьи как социального института являлось приоритетом макросоциологии. Поэтому достаточным основанием для получения достоверных знаний о семье как институциональном явлении признавалось лишь количественное исследование со своими строго систематизированными и стандартизированными методами. Групповые характеристики семьи в свою очередь представляли сферу интересов микросоциологии и качественных методов исследования.

В настоящее время понятие социального института претерпевает существенные изменения. В литературе выделяют четыре подхода к пониманию и анализу социальных институтов. Согласно первому под институтом понимается совокупность формальных организаций, удовлетворяющих определенную общественную потребность [12]. В этом случае социальные институты относятся к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется социальными нормами и ролями. Согласно второму подходу, социальный институт рассматривается с точки зрения праксиса в контексте передачи власти и наделения полномочиями, подразумеваемая, что целью является только достижение общего блага при помощи гарантий, договорных обязательств и защиты прав личности. Третий подход к пониманию социального института придает особое значение верованиям и образцам поведения, которые, предшествуя индивидам, способны породить единство целого. И, наконец, четвертый подход не признает эффективной

автономии институциональной реальности вне экономической (разделение задач, отношения господства-подчинения, борьба интересов) или культурной (легитимация системы ценностей и устранение напряженности) сфер.

Наряду с указанными подходами к пониманию и анализу социальных институтов сегодня все более широкое распространение получают идеи о «непрерывном взаимопроникновении макро- и микромира» [13]. Любой социальный институт, соответственно, представляет собой явление макроскопическое, равным образом, как и микроскопическое [13]. «Зачатки институционализации появляются в каждой ситуации, продолжающейся какое-то время» – констатируют П. Бергер и Т. Лукман [14]. Процесс институционализации имеет место, даже если только два индивида начинают взаимодействовать заново. Таким образом, социальный институт в рамках данного подхода определяется как совокупность взаимодействующих некоторое время деятелей разного рода. При этом акцент в анализе институциональных образований делается на динамичности, процессуальности явлений социального мира. Данный подход расширяет границы понимания социальных институтов современного общества, обозначая важность качественного исследования подобных общественных образований. Объяснение социальных целостностей макроуровня (институты, структуры, нормативные порядки) «может и должно быть «прописано» на уровне поступков отдельных людей» – постулирует И. Девятко [15].

Данное обстоятельство обуславливает и изменения, произошедшие в изучении семьи как социального института. Наряду с традиционно используемыми институциональными характеристиками семьи (социальные нормы, функции, санкции) в поле внимания исследователей попадают и такие параметры как уровень солидарности, характер семейной деятельности, особенности взаимодействий внутри семенной группы, коммуникации в семье, структура распределения власти, способы реализации семейных стратегий. До недавнего времени, взаимодействие института семьи и общества изучалось с точки зрения влияния макроструктур на эффективность реализации основных функций семьи. Конструктивистский подход позволяет увидеть связи семьи и общества с точки зрения жизненного опыта отдельных семей и совместить рассмотрение единичного, частного случая с анализом социальных процессов и закономерностей. Более того, данный подход обращает внимание на необходимость изучения институциональных образований в динамике, что в гораздо большей степени соответствует процессуальной природе социальной реальности. Социальные институты не есть что-то один раз заданное и неизменное. Изменения, происходящие в обществе, неизбежно ведут как к их модификации, так и к возникновению новых социальных институтов и институциональных форм. Кроме того, индивиды не просто следуют предписанным образцам поведения, а обладают определенной свободой «выработки ролей» в своем взаимодействии с другими индивидами.

В соответствии с этим молодая семья понимается нами не как статичная окончательно сформировавшаяся структура, а как социальный феномен, находящийся в процессе непрерывного развития, то есть в процессе институционализации семейных взаимодействий. Также как при анализе семьи как малой группы мы говорим о жизненном цикле, рассматривая молодую семью как первую стадию циклического развития семьи. Также при изучении семьи как социального института можно говорить об институционализации семейных отношений, определяя молодую семью как начальный этап данного процесса [16].

В соответствии со сказанным под институционализацией семейных отношений будем понимать процесс формирования относительно устойчивых и повторяющихся во времени семейных практик, позволяющих семье развиваться, сохраняя свою целостность. Развитие моло-

дой семьи регулируется не статичным набором норм и санкций, а самим секвенциальным течением семейной жизни. В центре внимания тем самым оказывается последовательность событий, структурирующих горизонты семейной жизни, позволяющих молодой семье ориентироваться и планировать свою семейную жизнедеятельность. Подобное понимание молодой семьи как социального института позволяет наиболее полно вписать изучение данного феномена в контекст трансформирующегося социокультурного пространства.

Процесс институционализации не является необратимым, из чего проистекает возможность существования форм деинституционализации. Одной из таких форм деинституционализации молодой семьи является неполная молодая семья, образующаяся вследствие развода супругов. Показателями деинституционализации молодой семьи могут также выступать отказ от ребенка, ориентация на индивидуальные цели и ценности, раздельное проживание.

Одной из определяющих характеристик молодой семьи как начального этапа институционализации семейных отношений является формирование целостной структуры. Однако именно формирование целостной семейной структуры оказывается для молодой семьи в современных условиях одной из самых сложных задач. Еще П. Сорокин обращал внимание на наличие в обществе тенденций, способствующих «семейному распылению», превращающих семью из «цельного слитка» в «разрозненный конгломерат осколков» [17]. В настоящее время описанный П. Сорокиным процесс получил название индивидуализации образа жизни. Индивидуализация отвечает стремлению личности к самореализации и базируется на представлении молодого человека о себе как «единице». Таким образом, создание и развитие целостной семейной структуры в условиях, когда ориентация на индивидуальные цели и ценности становится приоритетной, оказывается для молодой семьи достаточно трудной задачей.

Анализ молодой семьи с точки зрения институционализации позволяет объяснить зависимость исследовательского и практического интереса к молодой семье от изменений, происходящих в обществе. Молодая семья предстает перед нами не как естественное образование, обладающее постоянным набором определенных характеристик, но как явление «социально построенное», отражающее развитие общественных потребностей. Нередко молодая семья становится ставкой в политических играх и включается в сферу интересов официальной идеологии. Само существование молодой семьи как самостоятельного феномена – это продукт истории, подверженный изменению и обусловленный уровнем развития общества. Так, вряд ли можно говорить о сколько-нибудь продолжительном периоде становления семейных отношений в первобытном обществе. Интерес к молодой семье появляется лишь на определенном этапе общественного развития, свидетельствуя об осознании ценности данного периода для развития общества. Высоким является уровень требований к социально-психологической выживаемости в современном обществе [18]. Исторически понятие молодой семьи связывается с определенным социальным статусом, с кругом прав и обязанностей, присущих данному периоду жизни, с набором доступных для него видов и форм деятельности, которые общество ему задает.

Резюмируя сказанное подчеркнем, что молодая семья концептуализируется нами как социальный институт, находящийся на стадии формирования основных институциональных характеристик, позволяющих молодой семье развиваться, сохраняя свою целостность. Под институционализацией семейных отношений будем понимать процесс формирования относительно устойчивых и повторяющихся во времени семейных практик, позволяющих семье развиваться, сохраняя свою целостность. Основным механизмом институционализации в рас-

сматриваемом контексте выступает адаптация молодой семьи к трансформирующемуся обществу. Обращение к понятию институционализации позволяет рассматривать молодую семью как динамическую конструкцию, явление «социально построенное», отражающее общественные потребности, политические взгляды, нормы, предписывающие определенное социально одобряемое поведение в сфере брачно-семейных отношений. Данный подход к социологическому анализу молодой семьи соответствует процессуальной природе социальной реальности и позволяет учитывать контекстуальное влияние на развитие молодой семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: [постановление Верховного Совета РФ от 3 июня. 1993 г.] // Российская газета. 1993. 3 июля.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом / К. Манхейм. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 74-75.
3. Zhelnina E., Zhelnin, O. Attitude of Industrial Enterprises Employees to Innovations // Modern European Researches. 2014. № 1. P. 36-39.
4. Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования) / Г. А. Чередниченко. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 29.
5. Дементьева И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи / И. Ф. Дементьева. М.: Наука, 1991. С. 69.
6. Архангельский, В. Н. Факторы рождаемости / В. Н. Архангельский. М.: ТЕИС, 2006. С. 69.
7. Холлоуэй С. Пространство и детство: новые направления социальных исследований / С. Холлоуэй, Д. Валентай; реф. Е. В. Якимовой // Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 11. Социология. 2002. № 3. С. 106.
8. Гурко Т. А. Трансформация российской системы устройства детей, лишенных родительского попечения / Т. А. Гурко // Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 12.
9. Горбачева Н.Б. Влияние семьи на становление социальной зрелости молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 148-153.
10. Антонов, А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) / А. И. Антонов. М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.
11. Горбачева Н.Б. Влияние семьи на становление социальной зрелости молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 148-153.
12. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. М.: Дело, 2004. С. 111-112.
13. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: «Медиум», 1995. С. 93.
14. Бергер П. Л. Социология: биографический подход / П. Л. Бергер, Б. Бергер // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004. С. 36.
15. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования / И. Ф. Девятко. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 25.
16. Горбачева Н.Б. Ценности семейной жизни в сознании толъятинской молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 4. № 4. С. 90-92.
17. Сорокин П. Кризис современной семьи / П. Сорокин // Социология. Ежемесячный журнал. 1916. №2-3. С. 186.

18. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи // Иванова Т.Н. // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.

CONCEPTUALISATION OF INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF THE YOUNG FAMILY

© 2015

Y.A. Kostrova, senior teacher of chair of the theory and technology of social work
Samara State University, Samara (Russia)

Abstract: In this article characteristics of a young family as social institute at the present stage of development of the Russian society are considered. Approach to understanding of a young family as the social institute which is at a stage of formation of the main the institutional of the characteristics of a family allowing to develop locates, keeping the integrity. The concept of an institutionalizing of the family relations which designates process of formation rather steady and repeating in time family the practicing is entered. Such institutional characteristics of a young family as the functions which are carried out by a young family in society, the norms governing the matrimonial relations, sanctions for non-performance of these or those norms supported by institute of a young family, the roles which are carried out by family members are allocated. The constructivist approach to conceptualization of a young family allowing considering it as a dynamic design, the phenomenon "social constructed", reflecting the public requirements, political views, norms ordering a certain socially approved behavior in the sphere of the matrimonial relations is presented in article. This approach to the sociological analysis of a young family corresponds to the procedural nature of social reality and allows considering contextual influence on development of a young family.

Keywords: social institute, institutionalizing, institutional characteristics, family, young family.

УДК 37

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

© 2015

Ю.Е. Криводонова, педагог-психолог,
МБОУ «СОШ № 40 имени В. Токарева», Бийск (Россия)

Аннотация: Социализация, становление личности – процессы усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Социализация человека начинается с рождения и продолжается на протяжении всей жизни. Взаимодействие в социуме позволяет ребенку приобретать необходимые для жизни в обществе знания, умения и навыки, а также формирует у него различные ценностные приоритеты, без которых жизнь теряет всяческий смысл.

Ключевые слова: социализация, психолого-педагогическая поддержка, коррекционно-развивающие занятия.

Одним из элементов социализации школьников является адаптация в социально значимую среду, которая предполагает включение их в различные сферы жизнедеятельности (семья, друзья, взаимодействие в системе «учитель-ученик»). Однако наряду с позитивными моментами социализации детей в обществе встречаются и негативные, накладывающие неизгладимый след на становление и формирование психики и личности в целом. К числу основных негативных моментов социализации в детском возрасте относятся:

1. Отсутствие взаимопонимания между ребёнком и родителями. Данная проблема имеет в своей основе разлад в отношениях ребёнка как с родителями в целом, так и с кем-либо из них в отдельности (диада мама-ребёнок, папа-ребёнок).

2. Нарушение взаимодействия в системе «ученик-учитель». Данная проблема вытекает из комплекса разноплановых поведенческих особенностей детей (гиперактивность, отсутствие мотивационной готовности к обучению, демонстрация ребёнком защитных поведенческих реакций). В результате проявления вышеописанных особенностей, учитель затрудняется в решении возникшей у ребенка проблемы. Вследствие этого он не оказывает ему своевременную помощь, что в конечном итоге приводит к формированию у ребенка основных патохарактерологических [1, с. 48] и личностных черт личности, таких как повышенная тревожность, снижение самооценки в значимых ситуативно обусловленных видах деятельности, агрессивность и так далее. На этой основе, на базе МБОУ «СОШ № 40 имени Вячеслава Токарева» специалистами социально-психологической службы, социальным педагогом и психологом, была предпринята попытка всестороннего содействия, направленного на оказание психолого-педагогической помощи детям в трудной жизненной ситуации, а также на нивелирование основных травмирующих переживаний, влияющих на становление психики и личности школь-

ников, находящихся на различных стадиях развития. Оказание психолого-педагогической помощи школьникам связано с тем, что дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, имеют проблемы, связанные с нарушением процесса социализации в целом. Это выражается в том, что имеющиеся индивидуальные личностные особенности детей в силу определенных психологических деформаций претерпевают существенные изменения, которые выражаются в неосознанно формирующихся поведенческих установках, например, «меня никто не любит», «я не такой как все», в поведении, называемом отклоняющимся. Перечисленные особенности личности затрудняют не только процесс социализации ребёнка, но и негативно влияют на уровень успешности его адаптации в школьной ситуации. Данная картина формирования психики ребенка осложняется тем, что он приходит в школу уже имея те или иные негативные личностные особенности, которые закрепляются по причине попустительского отношения к воспитанию ребенка в семье, а также в результате гиперопеки, гипоопеки, безнадзорности со стороны родителей. В таких ситуациях у детей не удовлетворяются базовые социальные потребности в защищенности, потребности в популярности, в положительных социально одобряемых результатах деятельности [2, с. 105].

Одним из ключевых элементов психолого-педагогической поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, является проведение коррекционно-развивающих индивидуальных и групповых занятий, способствующих формированию основных поведенческих эталонов, которые позволяют им адаптироваться в социуме. Построение групповых коррекционно-развивающих занятий базируется на имеющихся трудностях детей (страхи, тревоги, отсутствие у ребенка представлений о себе как о школьнике, о модели семьи как таковой). Основу занятий составляют тренинговые элементы проработки психологических проблем школьников, про-

ведение которых способствует формированию в сознании детей, находящегося в трудной жизненной ситуации, адекватного представления о себе, о своих поступках. В процессе проведения тренинговых занятий, школьники овладевают социально значимыми ролевыми поведенческими позициями, помогающими им во взрослом возрасте выстраивать отношения с людьми в различных сферах жизнедеятельности.

Индивидуальные коррекционно-развивающие занятия базируются на формировании активной жизненной позиции школьников, находящихся на различных стадиях становления и формирования психики. Педагог-психолог в процессе индивидуальных занятий делает основной акцент на снятие различных проблем и психологических переживаний у детей. К числу таковых можно отнести наличие у них неуверенности в себе и, на этой основе, замкнутости и нерешительности. У таких детей тихий голос, все их движения и действия характеризуются робостью, быстротой и суетливостью. Такие дети предпочитают быстро выполнить предлагаемое педагогом-психологом задание и с волнением ожидают его реакции. Их дыхание учащено, а на первый план при общении с ними выступает чрезмерная их психологическая напряжённость, что в какой-то мере не позволяет им проявлять свою активность как при обучении, так и в процессе межличностного взаимодействия со сверстниками. Другим немаловажным моментом проведения индивидуальных коррекционно-развивающих занятий является формирование основных психических познавательных процессов у учащихся. В частности данная проблема особо остро возникает в младшем школьном возрасте, когда в силу тех или иных причин дети имеют недостаточно сформированную мотивационную готовность к обучению в школе. Их мотивами обучения являются не получение положительных оценок и не желание узнать что-то новое, а стремление прийти в школу и просто пообщаться с учителем и сверстниками, а учебная деятельность, к сожалению, остается на втором плане. Отсюда и возникают проблемы недостаточной сформированности познавательных интересов. У школьников подобного плана снижена функция памяти, внимания, мышления, восприятия и воображения. В связи с наличием вышеописанных особенностей, занятия с детьми подобного плана проводятся таким образом, чтобы в центре внимания был именно ребёнок с его позитивными чертами. Негативные же особенности сами собой снимаются при постоянном поощрении детей, а также в процессе привлечения их к значимым видам деятельности. При этом основной акцент психологической проработки проблемных ситуаций делается на применении именно индивидуального подхода, позволяющего сформировать в сознании ребёнка представление о своей значимости и нужности для психолога: «меня здесь понимают». Это позволяет ребёнку с желанием посещать психологические занятия и способствует раскрытию в сознании ребёнка каких-то его внутренних особенностей, способностей. Наряду с коррекционно-развивающими психологическими занятиями специалистами школьной социально-психологической службы проводятся индивидуальные и групповые психолого-педагогические комплексные занятия, на которых используются разнообразные средства, такие как песочная терапия. Рисование песком на световом столе – это своего рода релаксация. Эта не та техника, где выражаются основы художественного образования. Здесь главное выразить свои эмоции, чувства, фантазии. Сделав ошибку, можно все стереть и нарисовать заново. Приходят учащиеся просто «порисовать», но у кого-то есть страхи, тревожности, сомнения. Не всегда свои эмоции дети могут проявить в обычной жизни (кто-то не может что-либо рассказать родителям, у кого-то со сверстниками в общении проблемы). Рисуя же, ребята освобождают себя. Все законы, которым обучают в художественных заведениях, сохраняются: игра света и тени, формы и объёма. Но

главное в рисовании песком – выразить свое внутреннее состояние. Социальный педагог, обучая техникам рисования, давая теоретические знания, старается следовать за детьми, а не вести за собой. Главное, чтобы ребенок почувствовал себя счастливым, свободным, чтобы он знал, что для него есть такое место, где его не будут стеснять, заставлять делать то, чего он не хочет. Он рисует не для того, чтобы сдать экзамен, а чтобы проявить себя.

Забота о здоровье школьников – основная составляющая социально-психологической поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Именно забота о состоянии здоровья учащихся является основным элементом, при учёте которого нами моделируются различные коррекционно-развивающие занятия. Сущность данного направления работы заключается в том, что сохранение здоровья учеников, а также проведение занятий по здоровьесбережению способствуют предупреждению возникновения невротоподобных состояний. С этой целью нами проводятся классные часы по здоровьесбережению, тематика которых имеет самую разную направленность и зависит от возрастных особенностей школьников, а также от их психологических особенностей. Под таким понятием, как забота о здоровье детей, подразумевается «организация системы профилактических мер по предупреждению отклоняющегося поведения детей и подростков; влияние на формирование их нравственно-правовой устойчивости; организация системы мер социально-педагогической поддержки семьям и детям» [3, с. 26-27]; шадящую корректировку индивидуальных качеств и контактов личности. Таким образом, в образовательном пространстве большая роль отводится специалистам социально-психологической службы. Благодаря их грамотной помощи осуществляется психолого-педагогическая поддержка учащихся. Она предполагает «оказание всесторонней психолого-педагогической помощи ребёнку в саморазвитии, самопознании, самооценки, самоорганизации, самореабилитации, самореализации» [4, с. 27]. Это достигается тем, что психолог и социальный педагог стремятся облегчить последствия имеющейся у ребенка поведенческой или иной проблемы, повысить эффективность его социализации.

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России сказано, что ребенок *школьного* возраста наиболее восприимчив к эмоциональному, духовно-нравственному развитию, гражданскому воспитанию, пережитое и усвоенное в детстве отличается большей психологической устойчивостью. В.А. Сухомлинский также утверждал, что «... забота о здоровье ребенка – это не просто комплекс санитарно-гигиенических норм и правил ... и не свод требований к режиму, питанию, труду, отдыху. Это, прежде всего, забота о гармонической полноте всех физических и духовных сил, и венцом этой гармонии является радость творчества» [4, с. 61].

Помимо классных часов, направленных на здоровьесбережение, нами проводятся и разноплановые тематические часы, связанные как с формированием основных ценностных приоритетов школьников, а также с навыками межличностного взаимодействия в коллективе. На классных часах и групповых занятиях нами делается акцент на ценностях гуманистического характера, под которыми понимается чистота человеческих отношений. Общение, которое эмоционально окрашено, способствует познанию учениками партнеров по общению и самих себя. При этом жизненные ситуации и решаемые проблемы в многообразной деятельности коллектива становятся предметом специального внимания на занятиях, связываются с анализом и самоанализом поступков, чувств, реакций детей, с миром разнообразных эмоций в сфере отношений. То, что эмоционально воспринято, что находит отклик чувств, становится побудительной основой опыта поведения.

Таким образом, психолого-педагогическая поддержка учащихся, находящихся в трудной жизненной ситуации, содействует формированию у них потребности в здоровом образе жизни, интересном, созидающем общении, мотивации к приобретению качественных, приносящих пользу знаний, умений, навыков; снижению поведенческих рисков, опасных для здоровья. В целом все это способствует сохранению, укреплению физического и эмоционального здоровья учащихся, их саморазвитию, самореализации и успешной социализации.

PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT AS THE FACTOR OF SOCIALIZATION OF SCHOOL-BOYS

© 2015

Ju.E. Krivodonova, educational psychologist

MBEI middlecover secondary school № 40 named after V. Tokarev, Biysk (Russia)

Abstract. Socialization, the personality - the processes of assimilation of individual behavior patterns, attitudes, social norms and values, knowledge, skills, allowing it to function successfully in society. Socialization begins at birth and continues throughout life. The interaction in society allows the child to acquire the necessities of life in a society of knowledge, skills and abilities, as well as different forms his value priorities, without which life loses its meaning every kind.

Keywords: socialization, psychological and pedagogical support, correctional and developmental activities.

УДК 37.013

ВКЛАД НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

© 2015

Е. В. Сараева, кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента
Херсонский государственный университет, Херсон (Украина)

Аннотация: Весомый вклад в разработку проблемы формирования детского коллектива, совершили советские учёные во второй половине XX в. Характерным для этого периода является то, что детский коллектив вошёл в научно-педагогическую и научно-психологическую плоскость. Хотя исследования и основывались на марксистско-ленинской идеологии, однако приобрели иную специфику (в отличие от научных разведок раннесоветского периода), поскольку советские учёные внедряли новые методы и методики изучения. Научную разработку проблемы формирования детского коллектива осуществляли в различных организациях, лабораториях, объединениях СССР, созданных при Педагогических обществах, и консолидирующих учёных, учителей, работников народного образования, представителей производственных коллективов и др. Руководство и координацию их деятельности осуществлял специальный совет. Активно работали следующие лаборатории: «Коллектив и личность» (г. Москва) – Л. Новикова, М. Казакина, А. Куракин, А. Мудрик и др.; «Производственный коллектив – воспитатель детского коллектива» (г. Свердловск) – З. Аранович, Н. Нелюбин, А. Онуфриев, Н. Шурова и др.; «Ученическая бригада – трудовой коллектив общества» (г. Ставрополь) – Е. Максименко, К. Пронин, П. Годин, И. Феник; «Ученический коллектив в борьбе за знания» (г. Мурманск); «Самовоспитание школьников в коллективе» (г. Ленинград) – М. Качурин, З. Гинзбург, Ю. Илларионова; «Коллектив и личность» (г. Киев) – А. Киричук, В. Галузинский, М. Красовицкий, М. Чернобаева и др. Деятельность названных лабораторий была направлена на обобщение опыта, разработку теоретико-методологической основы вопроса и экстраполяцию методического инструментария в современное образовательное пространство учебных заведений.

Ключевые слова: детский коллектив, научная лаборатория, личность, социометрия, ученический коллектив, воспитательный коллектив, концепция детского коллектива, социальная психология.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современной науке накоплен значительный опыт по разработке теоретических и практических составляющих разных ключевых проблем. В первую очередь это относится к гуманитарным наукам: философии, истории, психологии и др. Педагогика не является исключением: большинство образовательных проблем были в той или иной мере разработаны на предыдущих этапах развития педагогической науки. Поэтому, научнообоснованным и целесообразным считаем требование к изучению истории вопроса при исследовании педагогического формата любого феномена или отдельной проблемы.

Рассматривая проблему формирования детского коллектива, останавливаемся на анализе научных подходов, предложенных учёными во второй половине XX в. Характерным для этого периода является то, что детский коллектив вошёл в научно-педагогическую и научно-психологическую плоскость. Хотя исследования и основывались на марксистско-ленинской идеологии, однако приобрели иную специфику (в отличие от научных раз-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маслоу, А. Самоактуализация, самореализация и развитие личности. – М.: АСТ, 2002. – 480 с.
2. Зейгарник, Б.В. Патопсихология. – М.: Политиздат, 1986. – 250 с.
3. Шишковец, Т.А. Функции социального педагога: справочник социального педагога. – М.: Вако, 2007. – 336 с.
4. Соловейчик, С.Л. В.А. Сухомлинский о воспитании / под ред. Т.Е. Яковлевой. – М.: Политиздат, 1979. – 270 с.

ведок раннесоветского периода), поскольку советские учёные внедряли новые методы и методики изучения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешённых ранее частей общей проблемы. В последние десятилетия внимание учёных привлекали отдельные аспекты выбранной нами проблемы. Так, историю педагогической науки изучали Е. Адаменко, Э. Панасенко; теоретико-методологические основы проблемы детского коллектива раскрыли М. Красовицкий, О. Сухомлинская; вскользь осветили деятельность лабораторий второй половины XX в. М. Богуславский, М. Красовицкий, Л. Маценко, Л. Новикова, Н. Селиванова и др.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью нашей публикации является исследование вклада научных лабораторий второй половины XX в. в разработку проблемы детского коллектива. Задачи статьи предусматривают 1) анализ теоретических и практических разработок учёных выделенного периода по проблеме детского коллектива; 2) определение специфики

исследований научных лабораторий.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Научную разработку проблемы формирования детского коллектива осуществляли в различных организациях, лабораториях, объединениях СССР, созданных при Педагогических обществах, и консолидирующих учёных, учителей, работников народного образования, представителей производственных коллективов и др. Руководство и координацию их деятельности осуществлял специальный совет.

Научная лаборатория в контексте нашего исследования представляет собой объединение педагогов с целью проведения экспериментальных, а на их основе теоретико-методологических исследований в сфере актуальных проблем теории и практики образования.

Во второй половине XX в. в союзных республиках были открыты лаборатории, предметом исследования которых выступали различные аспекты проблемы детского коллектива. Так, в Москве в указанном направлении работала лаборатория «Коллектив и личность», образованная при Педагогическом обществе РСФСР по инициативе НИИ теории и истории педагогики АПН СССР в 1964 г. В неё вошли Л. Новикова, М. Казакина, А. Куракин, А. Мудрик и др. Как позже оценят ученики Людмилы Ивановны, именно с деятельности в лаборатории «Коллектив и личность» и зародилась научная школа Л. Новиковой [4].

Участниками лаборатории в диссертационных исследованиях (М. Казакина «Формирование нравственных идеалов у подростков в общественно значимой деятельности» (1967), А. Мудрик «Проблемы свободного общения старшеклассников» (1970), Л. Новикова «Коллектив и личность как педагогическая проблема» (1978), Н. Селиванова «Процесс формирования коллективных отношений подростков» (1979) и др.) были изложены ключевые позиции и подходы к проблеме детского коллектива: «положения о двойственной природе коллектива как организации и психологической общности, рассмотрение его в качестве инструмента воспитания таких аспектов личности школьника как самоутверждение, самосознание, творческая индивидуальность, общительность, индивидуальные интересы» [4, с. 7]. Весь творческий коллектив был убеждён, что «исследовательский поиск должен охватывать и науку, и практику в их взаимосвязи как единое целое» [4, с. 324] и работал в этом направлении.

А. Куракиным, Л. Новиковой была разработана педагогическая концепция детского коллектива. В ней на основе системного подхода, который дал возможность соединить представления о детском коллективе как «цели, субъекте и объекте исследования» [3, с. 10], были осуществлены серьёзные теоретические обобщения, позволившие сформулировать современную методологию детского коллектива и довольно широко представить ее педагогической общественности и научным кругам.

Исследователи определили детский коллектив как «явление социально-педагогическое, которое возникает, функционирует и развивается в рамках того или иного воспитательного института, с одной стороны, под влиянием воспитателей – взрослых, а с другой – в силу тех внутренних процессов самоорганизации, саморегуляции и самоуправления, которые ему свойственны как социально-психологической общности» [3, с. 10].

В среде взрослых он воспринимается в трех системах координат: цель воспитательной работы с детьми; объект воспитательных воздействий; инструмент организации и совершенствования воспитательного процесса. В детском окружении же выступает средой их жизнедеятельности.

Ученые ввели ряд новых понятий, среди них «поле коллектива», обосновали как исходное понятие «воспитательный коллектив» и др.

Кроме того в начале 70-х гг. учёные объединились

в научном совете при Президиуме АПН по проблеме «Коллектив и личность», возглавленном сопредседателями Х. Лийметсом и А. Петровским.

Весомость вклада учёных-психологов А. Петровского, В. Абраменковой, В. Петровского, В. Шпалинского, Ю. Янотовской, которые проводили исследования по изучаемой нами проблеме в контексте развития социальной психологии не вызывает сомнения. Учёные сконцентрировались на исследовании межличностных взаимоотношений в коллективе, теоретическом обосновании и экспериментальной проверке стратометрической концепции групп и коллективов.

Инициатива ведущих учёных была поддержана и распространена по всей республике. При их непосредственном влиянии были образованы и активно функционировали проблемные группы и в других городах – Краснодаре, Свердловске, Ставрополе, Мурманске, Ленинграде.

В лаборатории «Производственный коллектив – воспитатель детского коллектива» города Свердловска обобщали опыт взаимодействия школьных и производственных коллективов, позволивший открыть перспективы для выявления закономерностей этого взаимодействия и условий, при которых влияние производственного коллектива на детский являются наиболее благоприятными. Участниками этого творческого коллектива были З. Аранович, Н. Нелюбин, А. Онуфриев, Н. Шурова и др.

Активная разработка проблемы велась Е. Максименко, К. Прониным, П. Гоудиным, И. Феник в деятельности лаборатории «Ученическая бригада – трудовой коллектив общества» в Ставрополе. Исследователи изучили тенденции развития ученической бригады как специфического коллектива, выявили его воспитательные возможности, роль во всестороннем развитии личности сельского школьника.

В лаборатории «Ученический коллектив в борьбе за знания» в Мурманске под руководством М. Погодина был проанализирован опыт коллективного воспитания в процессе познавательной деятельности учащихся.

Участники Краснодарской лаборатории Ф. Брюховецкий, Б. Олейникова, Е. Чаус, П. Гребенюк работали над созданием монографии, обобщающей опыт целенаправленного коллективного воспитания детей общими усилиями учителей и родителей.

Проблему «Самовоспитания школьников в коллективе» изучали в Ленинградской лаборатории М. Качурин, З. Гинзбург, Ю. Илларионова.

Проводя активную деятельность: «регулярные симпозиумы, собиравшие педагогов, психологов, социологов, философов Москвы, Ленинграда, Тарту, Таллина, Киева, Минска и доброй дюжины областных центров РСФСР и УССР» [4, с. 5] ученые обсуждали идеи, наблюдения, выделяли тенденции, закономерности, разрабатывали ключевые положения проблемы. Наиболее значимыми были симпозиумы в Эльве (Эстонская ССР), Умани (Украинская ССР), Таллине (Эстонская ССР) и других городах.

В Киеве в 1969 г. на общественных началах при Педагогическом обществе УССР, была образована Республиканская научная лаборатория «Коллектив и личность» (1969 – 1985 гг.). Она обеспечивала одно из направлений деятельности общества, а именно: «содействие развитию педагогической науки, привлечение педагогов к научно-исследовательской работы, укрепления связи педагогической науки и практики; создание научно-методических секций и общественных лабораторий, творческих групп исследователей, школ молодых ученых, осуществление массовых мероприятий, направленных на вооружение молодых ученых методикой проведения научных исследований» [1, с. 69].

Возглавил украинскую лабораторию «Коллектив и личность» А. Киричук, а в состав вошли украинские ученые В. Галузинский, М. Красовицкий, М. Чернобаева и

др. Разным аспектам проблемы детского коллектива они посвятили диссертационные исследования: А. Киричук «Формирование коллективных взаимоотношений между учащимися начальных классов в процессе деятельности» (1964), В. Галузинский «Исследование особенностей развития детского коллектива в школе-интернате (на материалах I – VIII)» (1963), «Индивидуализация воспитания учащихся в условиях школьного коллектива» (1984), М. Красовицкий «Мнение ученического коллектива как средство воспитания верности общественному долгу (старший школьный возраст)» (1969), М. Чернобаева «Особенности ценностных ориентаций подростков в сфере общения и пути их формирования» (1974) и др. Они изучали проблему детского коллектива в разных координатах, проводили экспериментальные исследования и внедряли свои разработки в практику работы учебных заведений.

Вклад всех участников творческого коллектива в исследование проблемы был существенным. Так, А. Киричук кроме новаторских исследований в сфере проблемы детского коллектива, выступил руководителем 48 кандидатских диссертационных исследований, из них 12 в контексте изучения проблемы лаборатории [5].

Отличительной особенностью деятельности украинской лаборатории была тесная связь с практикой, все исследования носили практико-ориентированный характер и базировались на социометрической методике. Ученые, опираясь на основные положения марксистско-ленинской педагогики, идеи А. Макаренка, изучали разные аспекты проблемы детского коллектива.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, деятельность научных лабораторий второй половины XX в. по проблематике детского коллектива была направлена на обобщение опыта, разработку теоретико-методологи-

ческой основы вопроса и экстраполяцию методического инструментария в современное образовательное пространство учебных заведений. Исследования были разновекторными. Их тематическая направленность была обусловлена проблемами образовательной практики. Новаторским в отечественной педагогической науке второй половины XX в. стало появление работ социально-психологического формата, основой которых выступали социометрическая и стратометрическая методики.

Перспективным считаем дальнейшее детальное изучение содержательного компонента деятельности советских лабораторий по проблемам детского коллектива, а также обобщение их практикоориентированных разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Напередодні VII з'їзду Педагогічного товариства УРСР // Радянська школа. 1983. № 4. С. 69.
2. Новикова Л. І. Колектив і особистість як педагогічна проблема // Радянська школа. 1968. № 8. С. 38–43.
3. Новикова Л. И., Куракин А. Т. Теоретические исследования. Педагогическая концепция детского коллектива. Актуальные проблемы. Режим доступа <http://www.voppsy.ru/issues/1983/835/835009.htm>
4. Новикова Л. И. Педагогика воспитания: избр. пед. труды / Под ред. Н. Л. Селивановой, А. В. Мудрика. М.: ООО «ПЕР СЭ». 2010. 336 с.
5. Олександр Васильович Киричук – академік НАПН України, доктор педагогічних наук, заслужений працівник освіти України: бібліогр. покажч. наук. ред. Рогова П. І. К.: [б. в.], 2010. 82 с.
6. Сухомлинська О. В. Колектив і особистість у контексті філософії освіти // Шлях освіти. 2011. № 4. С. 2–5.

THE CONTRIBUTION OF SCIENTIFIC LABORATORIES IN THE DEVELOPMENT OF THE PROBLEM CHILDREN'S COLLECTIVE (THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY)

© 2015

E.V. Saraieva, candidate of pedagogical sciences, associate professor, doctoral candidate of the chair of pedagogic, psychology and educational management
Kherson State University, Kherson (Ukraine)

Abstract: A significant contribution to the development of problems of formation of a children's collective, committed by soviet scientists in the second half of the twentieth century. Characteristic is that children's collective entered the scientific-pedagogical and scientific-psychological plane. Although research and was based on marxism-leninism ideology, however, has acquired a different specificity (in contrast to the scientific investigations of the early soviet period), as Soviet scientists introduced new methods and techniques of studying. Scientific development of the problem of formation of a children's collective carried out in various organizations, laboratories, associations of the USSR, created with Pedagogical societies and consolidating scientists, teachers, workers of public education, representatives of the production teams, etc. Guidance and coordination of their activities was carried out by a special Council. Actively worked with the following laboratories: «Collective and individual» (Moscow) – L. Novikova, M. Kazakina, A. Kurakin, A. Mudrik, etc.; «Production collective – the tutor of children's collective» (Sverdlovsk) – Z. Aranovich, N. Nelyubin, A. Onufriev, N. Shurova, etc.; «Student brigade – labor collective society» (Stavropol) – E. Maksimenko, K. Pronin, P. Godin, J. Fenik; «Student collective in the fight for knowledge» (Murmansk); «the Self-education of students in the collective» (Leningrad) – M. Kachurin, Z. Ginzburg, Y. Illarionov; «Collective and individual» (Kiev) – A. Kirichuk, V. Galuzinskiy, M. Krasovitskiy, M. Chernobaieva, etc. the Activities of the mentioned laboratories was aimed at summarizing the experience, the development of theoretical and methodological fundamentals of the issue and extrapolation of methodological tools in the modern educational space educational institutions.

Keywords: children's collective, a scientific laboratory, personality, sociometry, educational collective, student collective, social psychology, the concept of children's collective.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

© 2015

И.А. Юрьева, студентка магистратуры кафедры «Педагогика и психология воспитания»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. Автором статьи рассматриваются возрастные и психологические особенности учащихся старших классов в школе. Основной проблемой юношества является нахождение молодым человеком собственных жизненных целей. Развитие личностных качеств: уверенность в себе, самостоятельность в принятии решений, объективность самооценки, настойчивость, целеустремленность, коммуникативные способности позволяет сгладить кризисные явления этого возрастного периода. Социальное самоопределение школьников связано в первую очередь с выбором профессии. Успешность в дальнейшей жизни связана с осознанием старшеклассниками зависимости жизненных и профессиональных достижений от готовности трудиться и самостоятельности в решении поставленных целей.

Ключевые слова: психологические особенности, возрастные особенности, профессиональное самоопределение, подростковый возраст, самооценка личности.

Современные социально-экономические условия в России требуют от выпускников школ готовности к обоснованному профессиональному выбору и умению выстраивать свою жизнь осознанно и самостоятельно. В ст.66 п.2. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» говорится, что среднее общее образование направлено на дальнейшее становление и формирование личности обучающегося, развитие интереса к познанию и творческих способностей обучающегося, формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации содержания среднего общего образования, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности [1].

В старших классах большинство школьников рассматривают учёбу как необходимую базу для будущей профессиональной деятельности. Появляется сознательное отношение к учебной деятельности. Современное российское образование направлено на создание таких условий в процессе обучения, при которых интеллектуальные и творческие возможности учащихся раскрываются, формируется оценка личностных свойств, что способствует осознанному выбору будущей профессии. Тем не менее, учащиеся при составлении своего жизненного плана и выбора способов достижения конкретных целей из этого плана сталкиваются с рядом трудностей.

Основная сложность выбора профессии подростками в том, что старшекласснику, несмотря на отсутствие собственного опыта, приходится ориентироваться в различных профессиях. Выбор профессии - сложный и длительный процесс [2-7]. В подростковом возрасте существуют две опасности. Во-первых, неблагоприятные семейные условия, низкая успеваемость и другие отрицательные факторы, снижающие уровень сознательности. Во-вторых, инфантильность поведения и социальных ориентаций школьников. Попытки ускорить этот процесс со стороны взрослых могут вызвать тревожность и отказ от самоопределения. Необходимо не только формировать высокую заинтересованность в получении знаний, навыков и умений, но и обучать школьников применять их на практике самостоятельно решая возникающие проблемы.

Таким образом, можно констатировать, что профессиональное самоопределение учащихся является актуальной проблемой, в том числе и психологического характера, и требует всестороннего изучения.

Профессиональное самоопределение старшеклассников было рассмотрено в ряде работ ведущих отечественных и зарубежных ученых. Отечественные исследователи отмечают, что профессиональное самоопределение личности это не единый акт выбора, а длительный процесс (А.Г. Асмолов, Е.А. Климов, С.Н. Чистякова). Именно в школе формируется интересы и

склонности личности, способствующие осознанному выбору профессионального пути в старших классах. У большинства подростков недостаточно развиты такие качества как ответственность, целенаправленность, самостоятельность, отсутствуют знания о мире профессий, о потребностях своего региона, о возможных путях продолжения своего образования.

Таким образом, профессиональное самоопределение учащихся – это динамический процесс, состоящий в нахождении профессиональных предпочтений и построение траектории профессионального развития в соответствии с личностными ценностями и запросами современного рынка труда. На основании изученной литературы факторами профессионального самоопределения можно выделить: профессиональную направленность (П.А. Шавир), набор ценностных ориентаций и личностных смыслов (О.М. Разумникова, В.С. Лукина и др.) и самооценку личности (В.И. Моросанова, Е.А. Аронова).

Рассмотрим психологические особенности старшего школьного возраста. В.С. Мухина определяет возрастные рамки этого периода от 16-17 до 21-25. В юности наблюдается нехватка прошлого опыта, его не хватает, чтобы планировать будущее. Восприятие времени противоречиво, юношеский максимализм побуждает старшеклассников стремиться вперед в уверенности, что там будет лучше.

Изучение отечественной литературы позволило автору следующие характерные черты юношества. В первую очередь отметим такую черту как самоопределение. Самоопределение старших школьников связано с характерным соотношением прошлого и будущего. Юность – период расцвета всей умственной деятельности. Старшеклассники стремятся проникнуть в сущность явлений природы и общественной жизни, объяснить их взаимосвязи и взаимозависимости. Почти всегда этому сопутствует стремление выработать собственную точку зрения, дать свою оценку происходящим событиям. Самостоятельность характера в этом возрасте приобретает определяющий характер. Овладение общими законами природы и общественной жизни приводит к формированию научного мировоззрения. Экономические процессы невозможно объяснить, не изучив психологию и социологию. На экономику оказывает влияние политика. Экономика тесно связана с историей. Знания в области математики способствуют пониманию экономических законов и экономических моделей. Также экономика взаимодействует со статистикой, которая представляет факты экономической жизни страны. Изучение всех этих дисциплин проходит в течение школьных лет. Обобщение полученных ранее данных повысит стремление старшеклассников к осознанному и правильному выбору жизненного пути.

В этом возрасте происходит перестройка эмоциональной сферы, наблюдается решительность,

критичность, самостоятельность, неприятие грубости и лицемерия. Чем старше, тем сильнее выражено улучшение эмоционального состояния. Ранней юности характерны неуравновешенность, тревожность, резкая смена настроений. Возрастают концентрация внимания, объем памяти, формируется абстрактно-логическое мышление. Внешний мир начинает восприниматься через себя. Становится важна внешность, происходит соотношение себя с идеалом. Семья остаётся местом, где спокойно и уютно. Именно в семье познаётся жизнь, набирается опыт. Жизненные планы дети обсуждают, как правило, с взрослыми, чьё мнение для них важно.

В юношеский период одним из видов эмоциональных контактов является общение со сверстниками. Становится актуальным поиск спутника жизни, возрастает значимость связи со своей социальной группой. На фоне полового созревания наблюдается рост интереса к сексуальным вопросам. Развитие эмоциональности в юношеском возрасте связано с самосознанием и самооценкой. В этот период складывается система представлений о самом себе. Самоуважение – необходимое качество в этом возрасте, показывающее степень принятия (непринятие) себя.

Юность, по мнению В.И. Слободчикова, – завершающая стадия ступени персонализации. «Главные новообразования юношеского возраста – саморефлексия, осознание собственной индивидуальности, появление жизненных планов, готовность к самоопределению, установка на сознательное построение собственной жизни, постепенное вращение в различные сферы жизни» [8].

Старший школьник стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь и теперь значимыми качествами являются: умение трудиться, готовность к семейной жизни, гражданская позиция. «Мотивы, связанные с будущим, начинают побуждать учебную деятельность. Проявляется большая избирательность к учебным предметам. Основной мотив познавательной деятельности — стремление приобрести профессию» [9].

Старшекласснику кажется, что он сам выбирает свой жизненный путь, и он действительно делает это, хотя на его выбор влияют и предшествующее воспитание, и социальная среда, и многое другое. Трудности, неизбежно встречающиеся на жизненном пути, дают личности новые возможности самореализации. Выбор профессии отражает определённый уровень личных притязаний, включающий оценку своих объективных возможностей. Полезно, когда уровень притязаний завышен, так как стимулирует личность к росту и преодолению трудностей. В целом, можно определить основной для этого возраста «...задачу развития человека как личности, целенаправленную систему образования на формирование способности растущих людей к активному функционированию в конкретно-исторической ситуации современного общества при обеспечении развития каждого ребёнка как неповторимой человеческой индивидуальности» [10].

Подростковый возраст – один из самых важных, сложных, противоречивых периодов в жизни человека. В этом возрасте желание моральной и материальной независимости связано с желанием реализовать себя в профессиональной деятельности. Наряду с этим учащиеся старших классов плохо ориентируются в реальных особенностях привлекающей профессии, требованиях которые она предъявляет, в собственных возможностях. Это затрудняет выбор сферы будущей профессиональной деятельности. Анализ вышесказанного позволяет утверждать, что существует неразрывная связь между профессиональным самоопределением и самореализацией подростков в других важных сферах жизни. В старших классах происходит смена с учебно-познавательной направленности на учебно-профилированную, когда

приоритетными становится развитие способностей и знаний для успешно продолжения образования в выбранном направлении. Основными педагогическими направлениями в этом возрасте является вовлечение подростков в жизнь общества, необходимости личностного жизненного самоопределения, социально-психологической адаптации.

Потребность в профессиональном самоопределении возникает у подростков в результате изменения психического развития. Именно формирование внутренней позиции взрослого человека приводит к появлению разных противоречий личности: между потребностями, интересами и требованиями взрослых, общества в целом. Самостоятельное решение этих противоречий способствует формированию профессионального самоопределения старшеклассников. Показателями профессионального самоопределения старшеклассников можно выделить: наличие реалистичной самооценки, установок по отношению к себе и окружению; сформированность целей, ценностей, потребностей; стремление к действию.

Обобщая вышесказанное можно утверждать, что успешность профессионального самоопределения старшеклассников к моменту завершения обучения в школе и выбора дальнейшего профессионального обучения определяется как:

- на уровне субъектно-личностного компонента – наличие способности к самоанализу, адекватное оценивание своих возможностей относительно выбранной профессии;

- на уровне ценностно-мотивационного компонента – стремление к самостоятельности и независимости в решениях и поступках, направленность на профессиональное самосовершенствование;

- на уровне ориентировочно-поведенческого компонента – совпадение интересов школьника и выбора направления дальнейшего обучения, улучшение успеваемости по предметам соответствующих выбранному направлению профессионального обучения, посещение дополнительных курсов в соответствии с будущей профессией.

Итак, можно сделать вывод, что с одной стороны профессиональное самоопределение является первоочередной задачей для старшеклассников, с другой, общество также заинтересовано в профессиональном самоопределении старшеклассников с целью их успешной интеграции в социум. Одним из путей решения поставленных задач может стать психолого-педагогическое сопровождение старшеклассников, направленное на создание условий, способствующих формированию представления о своей личности, жизненных ценностях, интеграции образовательного процесса с практикой профессионального самоопределения старшеклассников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 29.12.12 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»
2. Писаренко В.Г. Педагогическое сопровождение развития профессионального самоопределения учащихся в условиях общеобразовательной среды // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 3 (14). С. 220-222.
3. Юрьева И.А. Роль психолого-педагогического сопровождения в формировании профессионального самоопределения старшеклассников // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 95-98.
4. Разуваев С.Г. Педагогическое сопровождение профессиональной социализации обучающихся в условиях многоуровневого образовательного комплекса // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. № 4. С. 256-261.
5. Кочисов В.К., Гогицаева О.У. Социально-

- педагогические основы исследования профессионального самоопределения старшеклассника // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 90-93.
6. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.
7. Ильясов М.И.О. Выбор профессии и социализация личности учащихся // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 82-85.
8. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенез. Учебное пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М., 2000.
9. Дарвиш, О.Б. Возрастная психология: учебное пособие для вузов. / Под редакцией профессора В.Е. Ключко. – М., ВЛАДОС-ПРЕСС ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003
10. Фельдштейн, Д.И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Д.И. Фельдштейн – М: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.-16с.

AGE AND PSYCHOLOGICAL CONSIDERATIONS THAT AFFECT PROFESSIONAL SELF OF HIGH SCHOOL STUDENTS

© 2015

*I.A. Yureva, student of chair «Pedagogic and education psychology»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: psychological characteristics, age features, professional self-determination, adolescence, self-identity

Abstract: The author considers the age and psychological characteristics of high school students. The main problem is to find young people young person's own life goals. The development of personal qualities: self-confidence, independence in decision-making, self-objectivity, perseverance, commitment, communication skills helps to smooth crisis this age period. Social self-determination of schoolboys is primarily due to the choice of profession. Success in later life associated with high school students the knowledge based life and professional achievements of the readiness to work and self-reliance in addressing the goals.

УДК 378.001.7

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2015

*В.Н. Якунин, доктор исторических наук, профессор, проректор
по научной и инновационной деятельности
Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти (Россия)*

Аннотация: Рассмотрена история инновационного развития современного российского вуза на примере Поволжского государственного университета сервиса.

Ключевые слова: инновационное развитие, научная школа, сфера сервиса.

В начале 80-х гг. XX века наша страна находилась в преддверии больших перемен во всех областях жизни, более того – объективной необходимости коренного переустройства общества по всем основным направлениям. Логика мировой истории, в сущности, основана на идее общественного прогресса. В XX веке эта идея получила конкретное подтверждение: развитые страны достигли высокого уровня жизни. Одной из главных черт такого уровня является не производство как таковое, а обслуживание и потребление результатов этого производства. В широком смысле – это сервис. Производство не ради производства, а для обеспечения достойного уровня жизни – вот лейтмотив сервиса. Мощный толчок развитию г. Тольятти дал Волжский автомобильный завод. Город становился мегаполисом. Объективно не учесть особенности подобного образования было нельзя: нужды растущего населения требовали адекватной реакции. И она последовала. В 1981 г. в Тольятти был открыт филиал Московского технологического института. Первым его директором стал к.т.н., доцент В.А.Иевлев. В филиале появились первые факультеты и кафедры, началась научная работа.

В 1983 г. в филиале была создана научно-техническая комиссия. На комиссию были возложены следующие функции: организация, планирование и управление хозяйственными работами, организация внедрения в народное хозяйство научных достижений института, участие в выставках, конференциях, семинарах [4, с. 15-16].

Любой серьезный вуз - не только учебный, но и научный центр. Практически со дня основания в ТФМТИ началась организация хозяйственно-договорных и гос-

бюджетных работ. Так, в 1982-1983 годах проводились научно-исследовательские работы по хозяйственным договорам с объемом 35000 рублей в год. Численность занятых в этих исследованиях составила 32 человека, в том числе 18 студентов. Выполнялись также 3 госбюджетные работы с общим объемом в 2,9 тысячи рублей. В этот период было заключено 5 договоров о сотрудничестве с предприятиями и учреждениями, что предусматривало прохождение в них производственной практики студентов (завод «Электрон», КПО «Экран», п/о «Куйбышевтелерадиобыттехника»), научные консультации, материально-техническая помощь и др.

В 1986 г. объем привлеченных средств по науке составил более 100000 рублей, в 1989 г. - 237500 рублей, в 1991 г. - 319460 рублей.

В январе 1983 года было организовано студенческое научное общество. В результате научно-исследовательской работы студентов было создано 4 экспоната на выставку «Научно-техническое творчество молодежи» в Москве. Авторами их стали студенты Кулямзин С. (Р-102), Кутырева Ю., Голодная Т., Литвинова М. и Саянова И. (соответственно руководители тем - доц. Бочкарев А.И., доц. Иевлев В.А., ст. преподаватель Туищева Р.И. и доц. Иевлев В.А.) [4, с. 17] В вузе проводились предметные олимпиады для студентов по математике, физике, химии, иностранным языкам, общественным наукам. Студенческая научная деятельность была составной частью научного развития филиала. Студенты были заняты в ведении госбюджетных научно-исследовательских работ, в разработке хозяйственных тем. На зональных, республиканских и всесоюзных конкурсах филиал ежегодно представлял студенческие работы. Многие курсо-

вые проекты носили исследовательский характер, год от года росло количество дипломных проектов с элементами научных исследований, рекомендованных ГЭК к внедрению. Активное участие принимали студенты филиала в межвузовских, областных, республиканских студенческих конференциях, олимпиадах, симпозиумах. В филиале работали студенческие научные кружки. Совместно с преподавателями студентами подавались статьи в межвузовские сборники. Студенты, активно занимающиеся НИР, по окончании филиала направлялись в аспирантуру ведущих вузов, или оставались в институте в качестве преподавателей и одновременно продолжали свои научные исследования в качестве соискателей ученых степеней. Студенты вуза принимали участие в написании госбюджетных и хоздоговорных НИР. Проводились конкурсы на лучшие дипломные проекты.

В апреле 1985 года была проведена первая (ставшая затем традиционной) научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава. Впоследствии научные конференции проводились с такими названиями: «Студент, научно-технический прогресс и творчество», «Научно-технический прогресс в службе быта», «Новые формы хозяйствования в БОН», «Социальная работа в России», «Современные проблемы рыночной экономики», «Шаг в ПТИС», «Наука - сервису города», «Новые методы, средства и технологии в промышленности, экономике и социально-культурной сфере» и др.

В вузе выходили в свет сборники научных трудов: «Философские, технические, методические и социальные аспекты преподавательской, научной и производственной деятельности», сборник научных трудов ПТИС, (публикация этого научного издания в последующие годы станет регулярным и традиционным); сборники статей по итогам научных конференций.

Ежегодно увеличивалось количество опубликованных статей: в 1986 г. – 37, в 1998 – 158, в 2000 – 315, в 2003 – 462. Если в 1985 г. преподавателями вуза была опубликована только 1 монография, то в 1998 г. уже 2, 2000 г. – 3, в 2004 – 7.

Результаты научных исследований преподавателей и сотрудников филиала были использованы в докладе Института социально-экономических проблем АН СССР в июне 1985 года (г. Саратов), а также в коллективной монографии этого института «Социально-экономические проблемы регионального АПК» (М., Наука, 1985 г.).

В апреле 1987 года филиал совместно с Домом техники НТО и Куйбышевским направлением НТО РЭС им. А. Попова провел областную научно-техническую конференцию «Проблемы разработки средств диагностики и контроля бытовой РЭА, технологических комплексов, узлов и деталей сложной бытовой техники», в которой приняли участие преподаватели НИИ, КБ, заводов и вузов Москвы, Минска, Куйбышевска, Шахт; было заслушано 49 докладов.

С течением времени ТфМТИ всё более усиливает связи с промышленностью и производством г. Тольятти. Приказом Минбыта РСФСР 1986 года № 308 и приказом ректора МТИ от 24 сентября 1986 года № 87/2 на базе Тольяттинского завода «Электрон» был организован филиал кафедры бытовой и радиоэлектронной аппаратуры ТфМТИ. Тем самым появилась отличная возможность подготовки инженерных кадров по специализации «Ремонт и обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры». Студенты этой специализации проводили практические занятия, производственную и преддипломную практику в реальных производственных условиях, выходя на непосредственный контакт с запросами клиентов.

О связи вузовской науки с практикой свидетельствует заключение договоров о научном сотрудничестве. Так, кафедра «Бухгалтерский учет и анализ хозяйственной деятельности» (заведующий - к.э.н., доцент Чапенко

А.Н.) заключила договоры с Тольяттинским заводом «Электрон», Тольяттинской фабрикой № 8 ремонта и пошива одежды, заводом № 1 «Рембытмашприбор», Тольяттинским филиалом производственного объединения «Куйбышевоблбывбыт». Стороны обязались оказывать взаимную помощь по улучшению работы бухгалтерии, внедрению нормативного метода планирования и учета затрат на производство и организацию учебного процесса. Пунктами договоров было предусмотрено содействие повышению квалификации работников предприятий, консультирование экономических служб, оказание помощи предприятиям по внедрению прогрессивного нормативного метода планирования и учета затрат на производство, чтение лекций по линии общества «Знание», формирование совместно с руководителями предприятий тем курсовых, дипломных, научно-исследовательских работ, внедрение в практику бухгалтерий, экономических отделов, рекомендаций госбюджетных научно-исследовательских работ.

Секцией физики и электроники кафедры «Радиотехника» был заключен договор о сотрудничестве с прессовым производством Волжского автозавода. Договор предусматривал разработку первичного преобразователя для бесконтактного сканирования модельной оснастки, программного обеспечения, устройства сопряжения с ЭВМ в комплекте с полной технической документацией для ВАЗа. ВАЗ, в свою очередь, брал на себя обязательства изготавливать по эскизам филиала макеты, нестандартные элементы, оказывать помощь в приобретении микропроцессорной и вычислительной техники, в комплектации элементарной базы.

Кафедра «Радиотехника» заключила договор с Куйбышевским производственным объединением «Экран». Договор предусматривал целевую подготовку студентов для объединения, согласование учебных программ, выполнение реальных курсовых и дипломных проектов по заданию объединения, выполнение по заказам объединения на хоздоговорных началах научно-исследовательских работ с привлечением студентов целевой подготовки и дальнейшей передачей разработок вместе со специалистами. П/о «Экран», в свою очередь, обязался оказывать помощь в осуществлении пунктов договора и обеспечивать оборудованием, инструментом, оснасткой.

В 1990 году в филиале выполнялось 33 научные темы, в том числе 10 хоздоговорных. К выполнению хоздоговорных НИР на условиях внутривузовского совместительства было привлечено 22% преподавателей, из них 33% кандидатов наук. По планам отраслевых министерств выполнялись 2 темы. В 1990 году в вузе работало 10 штатных сотрудников НИСа.

В 1991 году в филиале насчитывалось 45 ЭВМ (в 1990-м - 99). Имеющиеся ЭВМ использовались в учебном процессе, для разработок НИР и АСУ-ВУЗ.

В 1991 году в филиале в целях совершенствования управления научной деятельностью был создан Научно-технический совет в следующем составе:

Председатель: зам. директора по НИР, к.т.н. Ильичев В.М., зам. председателя: начальник НИСа Дьячкова Л.А., секретарь: Тимофеева С.В., члены совета: к.т.н. Гаврилова Н.И., к.т.н. Славянский В.В., к.э.н. Волкова Л.А., к.т.н. Бочкарев А.И., к.э.н. Саблукова Е.В., к.ф.-м.н. Миляков В.П., к.т.н. Артюхин Б.Н., к.т.н. Иевлев В.А., к.т.н. Туишев А.И., к.т.н. Фаритова Л.Х., к.э.н. Кулишов Е.Н., к.т.н. Краснов С.В., к.т.н. Жулидов А.В., Семенова Л.В.

На научно-технический совет возлагались функции, многие из которых остаются актуальными и по сей день: рассмотрение основных направлений научной, научно-организационной деятельности и научно-исследовательской работы, рассмотрение и утверждение мероприятий по использованию новых форм организации научно-исследовательских работ в филиале при переходе на рыночную экономику, оценка результативности выполне-

ния плана научно-исследовательских работ в целом по филиалам и факультетам, утверждение основных направлений научной деятельности филиала и контроль за ходом выполнения хозяйственной и государственной тематики, контроль за выполнением комплексных договоров о творческом сотрудничестве, координация и контроль за проведением фундаментальных и прикладных исследований, имеющих отраслевое и народно-хозяйственное значение, рассмотрение и утверждение плана мероприятий по организации и участию в выставках, конференциях, семинарах и т. п.

В научно-исследовательский сектор (НИС) филиала входили 2 проблемные научно-исследовательские лаборатории, хозрасчетные творческие коллективы кафедр и межвузовская научно-исследовательская лаборатория. Филиалом были учреждены 2 малых предприятия и 4 акционерных общества, реализующих новые формы организации научной деятельности.

В филиале сформировались свои, оригинальные научные направления по разработке и созданию систем сверхвысокочастотных измерений, экспертных систем для диагностики бытовой радиоэлектронной аппаратуры, систем автоматизации проектирования одежды, использованию ультразвука для стирки и химчистки, автоматизации программирования, интеллектуальных обучающих систем и тренажеров, безреагентной очистки сточных вод [2? с/ 196-198].

Разработки ученых филиала использовались на предприятиях службы быта, в центрах технического обслуживания населения при ПС «Горизонт» (г. Минск), при Самарском и Саратовском телевизионных заводах.

Научные исследования велись по заказам таких крупных предприятий, как ПО «АВТОВАЗ», ПО «Волгоцеммаш», НПО «Энергия» и др. По результатам научных исследований было подготовлено 2 докторских и 3 кандидатских диссертации.

С избранием Лидии Ивановны Ерохиной на должность ректора в 1995 г. началась новая страница в истории ПВГУС. В несколько раз увеличился объем привлеченных средств на НИР (27750000 руб. в 1994 г., 74200000 руб. в 1995 г., 162100000 руб. в 1996 г.) ПВГУС стал региональным университетом по подготовке специалистов для сферы сервиса. За последние годы коллектив университета добился впечатляющих результатов: В ноябре 2002 г. Поволжский технологический институт сервиса из филиала Московского государственного университета сервиса реорганизован в самостоятельный вуз – Тольяттинский государственный институт сервиса, в апреле 2004 г. получил статус академии, в январе 2006 г. университета. В мае 2008 г. он был преобразован в Поволжский государственный университет сервиса, единственный вуз по подготовке специалистов для сферы сервиса в Приволжском федеральном округе.

На базе ПВГУС проводятся городские и региональные конкурсы научно-технического творчества молодежи. Студенты университета ежегодно являются победителями международных и всероссийских конкурсов и олимпиад, принимают активное участие в международной деятельности вуза. ПВГУС является организатором многочисленных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, олимпиад и конкурсов.

Профессорско-преподавательский состав университета начал выполнять научные исследования не только по заказам мэрии Тольятти и предприятий города, но и Министерства образования и науки РФ.

Созданная в университете электронная библиотека является значимым вкладом вуза в развитие единого библиотечно-информационного пространства в городе Тольятти и Поволжском регионе.

За 1995-2003 гг. ППС вуза было защищено 70 диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, 9 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук; получен 21 патент и свидетельство на изобретения, промышленные образцы и полезные модели, издано 30 на-

учных монографий общим объемом 332,72 п.л., выпущено 14 сборников научных трудов. Девять научных разработок ППС получили грантовую поддержку городского фонда «Развитие через образование», одна - грантовую поддержку Минобразования по комплексной межвузовской программе «Наукоемкие технологии образования». К 2004 г. преподаватели, аспиранты и соискатели академии ежегодно публиковали, в среднем, более 400 статей в научных журналах и сборниках научных трудов, принимали участие в научных конференциях различного уровня (150 докладов ежегодно). Оригинальность научных разработок была подтверждена 65 свидетельствами на изобретение.

Научными коллективами ППС велись исследования по заказам АО «АВТОВАЗ», мэрии г. Тольятти, АО «МАГТолмет», ортопедического областного отделения (г. Самара) и других. Были установлены научные связи с такими организациями, как АО «АВТОВАЗ», АО «Поволжское», АО «Компас», ТОО «МагТолМед», Самарское протезно-ортопедическое предприятие, с научными центрами в городах Москва, Самара, Саратов, Ульяновск, С.-Петербург.

Преподаватели кафедры «Рисунок и живопись» принимали участие в выставках Тольяттинской организации Союза художников России; зарубежной художественной выставке «Два Автограда» городов Париж, Гамбург (Алехин А.И., Киселев В.Я., Зыков М.В., Лаптев О.Ю.).

В сентябре 2003 года в ТГИС открылся отдел аспирантуры. Но пока еще в нашем вузе не было советов по защите диссертаций, поэтому аспиранты ТГИС готовились в других вузах, в первую очередь - в МГУС. По различным научным направлениям готовили кандидатские диссертации 45 соискателей.

К этому времени научная деятельность велась в рамках 9 основных научных направлений:

Экономические науки (д.э.н., профессор Ерохина Л.И., д.э.н., профессор Васильчук О.И., д.э.н., профессор Горелик О.М.);

Электротехнические комплексы и системы (д.т.н., профессор Туищев А.И., д.т.н., доцент Кувшинов А.А.);

Приборостроение, метрология и информационно-измерительные приборы и системы (д.т.н., профессор Аникин В.И., д.т.н., профессор Абрамов Г.Н., к.т.н., доцент Иванов В.В.);

Технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности (к.т.н., доцент Фаритова Л.Х., к.т.н. доцент Радюхина Г.В.);

Исторические науки (д.и.н., профессор Овсянников В.П., д.и.н., профессор Якунин В.Н., к.и.н., доцент Брежнева С.Н.);

Языкознание (д. филолог. наук, профессор Анохина С.П., к. филолог. наук, доцент Ниссен Ф.Х.);

Педагогические науки (д.п.н., профессор Бочкарев А.И., д.п.н., профессор Мешеряков В.Н., к.ф.н.);

Техническая эстетика и дизайн (к.т.н., доцент Белько Т.В., к.ф.н., доцент Золотарев А.И.);

Социологические науки (к.ф.н., доцент Рузова Л.А., к.с.н., доцент Попкова О.В., к.с.н., доцент Ельчанинов М.С.).

В рамках этих направлений в 2003-2009 гг. было защищено 9 докторских диссертаций; 50 кандидатских диссертаций; издано 37 монографий; опубликовано 200 статей ВАК; выдано 20 патентов на разработки. В аспирантурах различных вузов обучалось 59 преподавателей и сотрудников.

В 2004 году университетом был выигран грант Минобразования и науки РФ на разработку научных подходов к проектированию перечня направлений подготовки (специальностей) и совершенствованию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования в области индустрии туризма на общую сумму 510000 рублей.

С 2005 г. удалось добиться включения НИР, разрабатываемых на кафедрах ТГУС, в бюджетное финанси-

рование Министерства образования и науки РФ по тематическому плану на сумму 100000 рублей. Работа по тематическому плану (впоследствии госзадание) проводится с того времени ежегодно [6, с. 21-26; 7, с. 118-123].

С 2004 г. началось подписание договоров о сотрудничестве нашего университета с ведущими российскими вузами.

В 2006 году университете вышло 7 спецвыпусков ВАКовского сборника «Известия Самарского научного центра РАН» по сериям «Экономика», «Сервисные технологии», «Гуманитарные знания».

ТГУС выступил соучредителем различных научных конкурсов студентов, аспирантов, молодых учёных. В 2005 г. на базе университета прошёл городской конкурс творческой молодёжи, в 2006 г. он трансформировался в региональный конкурс научно-технического творчества молодёжи и в таком качестве проводился два года, в 2006 и 2007 гг., в 2008 г. конкурс стал внутривузовским мероприятием. В 2006 г. был проведён конкурс на соискание именной стипендии ООО «ЭКОВОЗ» за успехи в учебной, научной и творческой деятельности студентов в области экологии и защиты окружающей среды. В 2007 г. был проведён конкурс на лучший проект модернизации и функционального развития имеющихся сооружений на базе спортивного клуба «Мега-Лада» [9, с. 7-11].

Начиная с 2006 г. в университете ежегодно проходят конкурсы «Лучший аспирант года», «Лучший научный руководитель аспирантами и соискателями», «Лучший студент года», «Лучший научный руководитель студентами» (с 2008 г. «Лучший руководитель научной работы студентов»).

С 2006 г. в вузе начинает проводиться активная международная деятельность. Преподаватели университета ежегодно стали выезжать для стажировок в зарубежные вузы, в наш университет с ответными визитами приезжает зарубежная профессура. С целым рядом зарубежных вузов были заключены договора о сотрудничестве [5, с. 107-109].

Кафедры университета организуют свои конкурсы и олимпиады: ДиХПИ – конкурс «Артишок», «ФиК» – конкурс «Финансовый эрудит».

Из числа выпускников вуза за период 2007-2014 годы депутатами Думы городского округа Тольятти и Самарской Губернской Думы были избраны 6 человек.

Выпускники университета являются руководителями и ведущими специалистами предприятий и организаций в сфере экономического, банковского, страхового, технического, технологического сервиса, специалистами в области государственного и муниципального управления и вносят существенный вклад в развитие экономики региона [1, с. 88; 3, с. 60-69; 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ерохина Л.И. Спектральный анализ: взгляд на подготовку специалистов для сферы сервиса // Экономика и образование сегодня. 2006. № 7. С. 88.
2. Ерохина Л.И., Башмачникова Е.В. Проблемы формирования научных школ в современных условиях // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2012. № 22. С. 196-198.
3. Ерохина Л.И., Наумова О.Н. Подготовка квалифицированных кадров для индустрии сервиса - залог инновационного развития предприятий сферы услуг // Инновации. 2010. № 4. С. 60-69.
4. История становления и развития ПВГУС. Тольятти: ПВГУС, 2008.
5. Поротькин Е. С. Зарубежный опыт стимулирования инноваций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007. № 4. С. 107-109.
6. Поротькин Е.С. Инновационный потенциал как фактор инвестиционной привлекательности экономики Самарской области // Материалы конференций. Сборник статей под редакцией В.К. Семёнычева; Самарская академия государственного и муниципального управления. 2012. С. 21-26.
7. Поротькин Е.С. Эффективность реализации государственных стратегий инновационного развития Российской Федерации // Материалы конференций. Сборник статей под редакцией В.К. Семёнычева. Самара, 2013. С. 118-123.
8. Система подготовки специалистов для сферы услуг: региональный аспект. Монография / Л. И. Ерохина [и др.]. Санкт-Петербург, 2009.
9. Якунин В.Н. Поволжский государственный университет сервиса на путях инновационного развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 3 (57). С. 7-11.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SCIENCE AT THE PRESENT STAGE

© 2015

V.N. Yakunin, Doctor of History, Professor, Vice-rector of Science and Innovative Activity
Volga Region State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract: The history of the innovative development of a modern Russian university on the example of the Volga Region State University of Service.

Keywords: innovative development, scientific school, service sphere.

УДК 159.9

ПРОТОТИПЫ, ТРОПИЗМЫ И НОВАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПОДСОЗНАНИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП

© 2015

Е.В. Бакишутова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Т.К. Рулина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: В статье обсуждаются результаты исследования (САЭ) категориальных процессов в конфессиональных и этнических группах в аспекте динамики изменений. Устойчивость категориальных прототипов, их тропизм, ведущий к новациям, а также сами ассоциативно-вербальные новации объясняют глубинные изменения содержательного генезиса социального сознания. Представлено, как соединение теоретических положений анализа проблемы групповой идентичности с эмпирическим позволяет определить так называемый концептуальный уровень изучения группового ассоциативной памяти (ассоциативно-вербальных сетей сознания групп) в его различных содержательных пространствах и его действительное положение в массовом сознании общества. На примере разноэтничных и разноконфессиональных выборок (русские православные христиане и татары мусульмане, каждая выборка N=100) показано, что при всей внешней атрибутике языкового сознания, эксплицирующей современное российское общество как постсовременное, языковое подсознание, а соответственно, подсознание социальных макросубъектов находится в ригидном состоянии, подверженном не столько новациям, сколько тропизму. Приводятся примеры, полученные в исследовании состояний языковых единиц, находящихся в стадии прототипа, тропизма и новации, в частности прототипы русских православных и татар-мусульман, хотя и обладают приоритетами над тропизмами и новациями категориальных систем сознания, демонстрируют специфику на уровне религиозной и этнической принадлежности.

Ключевые слова: символическая идентификация; групповая идентичность; прототип; категориальный тропизм; категориальная новация; ассоциативно-вербальное подсознание; социоментальный континуальный макросубъект.

В эпоху позднего капитализма язык перестает отражать действительность в силу ее непрерывной изменчивости. Реальное языка остается референтным, но не тождественным реальности. Зеркальная образность языкового Я заменяется абсолютно символическими идентификациями (политика, реклама, мода, феминизация, космополитизм, демократия, профессия и др.). Несмотря на то, что символический субъект увлечен игрой с отражениями, реальность противится полной символизации. Континуальность психологии группы контролируется континуальностью языкового развития. Особенно наглядно этот процесс протекает в группе интеллигенции как группе функционального дискурсотворчества [1]. Даже здесь дискурс не схватывает реальность в полном объеме, так как означающее никогда не в силах выразить для субъекта все, что является реальностью [2], [3], [4], [5]. Бесчисленные попытки по-новому символизировать реальность (незапланированность интеграционного процесса развития человечества, отставание организации чувств и совести от социальных идеалов и др.) порождают бесчисленные лакуны смысла, вынужденно заполняемые субъектом фантомами реальности (симулякрами). Выход субъекта идентификации на референт, Реальное, становится глобальной проблемой понимания на современном этапе выхода групповой идентификации за рамки государственных границ, ведущего к парадоксальным конфигурациям МЫ-идентичностей (фанатские, гендерные, террористические квази-группы).

Социально-ментальный макросубъект (большая социальная группа, духовная общность, организационная общность, класс, нация, государство) – органическая витальная система, живая, взаимодействующая с миром реальность, все субъекты которой выполняют определенные важные функции в социальном гомеостазисе и его эволюции. Система параметров (например, устойчивость, энтропия и др.) социоментального макросубъекта с необходимой степенью точности определяет степень общности или отличий одного макросубъекта от подобных, тенденции его эволюции и угроз бифуркации как накопления энтропийных свойств. Особенность социоментальных макросубъектов заключена в том, что они в отличие

от только социальных, могут существовать, не столько непрерывно воспроизводясь, сколько регенерируясь. Различия в значениях соответствующих показателей групповой редукции сознания позволяют оценивать регенерирующиеся параметры систем, их взаимосвязь и взаимовлияние, так как эволюционная кумуляция изменений характеристик состояний социальных макросубъектов непрерывно ведет к их перестройке и регенерации.

Историческими формами существования социоментальных макросубъектов являлись и являются фундаментальные типы отношений «общины» и «общества». Наиболее архаичной формой общины является этнос, психология которого основана на семейно-клановом типе ценностей и политизме. На этой фундаментальной системе в истории человека развились и развиваются в постистории глобальные монотеистические религиозные суперобщности, которые в Новое время были инкорпорированы национальными государствами [6]. Историческая дифференциация этнорелигиозных общностей в искусственных «телах» государств породила причудливые синклиты и симбиозы этнорелигиозных общностей. Часть огосударственных обществ осталась под властью религиозных ценностей (идеологем), в то время как модернизирующиеся государства переориентировались на либерально-классовые (буржуазные) ценности, породив тем самым идентификационную дезориентацию традиционных групп. Наибольшую угрозу для благополучной идентификации (сохранности) современных социоментальных макросубъектов стали представлять революционные кризисы государственных систем, религиозные, политические и экономические конфликты [7]. Начало III тысячелетия ознаменовано всплывшей ценностных трансформаций социоментальных макросубъектов и, как следствие, индивидуальных субъектов. Даже осознанный отказ индивида от группового опыта поведения (чувственной, интеллектуальной, социальной действительности), который создает иллюзию субъектности, не отменяет закономерностей языкового сознания (тотальность значений и смыслов языка) как матрицы «неорганической жизни» (Ж. Делез) ограничивающей свободу мысли «безличной непричастностью» (А. Бадью), что и позволяет последнему определять мышление как «развязывание языка» безличных единичностей [8]. Современная ментальная ситуация в России, где в

конец XX века обрушилась социалистическая картина мира и на ее обломках связь между означаемым и означающим начала медленно агонизировать, представляет собой когнитивное пространство, где в агонии смыслов зародились символы новых впечатлений. Символическое мышление социума под воздействием новых впечатлений и образов превращает сегодня реальность в невыразимый опыт переживаний, для которых в старом общеупотребительном языке не находится эквиваленций. Так формируются условия для рождения языковых новаций [9], [10].

Ассоциативная способность интеллекта обеспечивает игру с символическими отражениями, а ее ограничением и гарантом стабильности и релевантности сознания служат базисные категории, которые в отличие от субъектных фантомов сознания наиболее адекватны Реальному психической системы сообщества, так как контролируется культурной системой знаково-символических прототипов, принадлежащих языковому подсознанию групп [11], [12]. Однако теория когнитивных изменений нуждается во вводе теоретических новаций в верификационный «оборот» социальной психологии понятие тропизма. Когнитивный тропизм по своей структуре напоминает рефлекс, поскольку представляет закономерную и неотвратимую реакцию интеллекта на внешнее воздействие (фундаментальная для когнитивно-сенсорной сферы функция различения сред) [13, с.23]. Организация ассоциативной системы рассматривается как система связанных тем, способных изменяться в зависимости от значения, важности и взаимосвязанности. Наиболее связанные темы могут организовываться в сегменты более высокого уровня – доминанты. Иерархия доминант «составляет» вертикальную организацию системы, а основным параметром горизонтальной организации служит их близость [14].

Здесь следует указать на фундаментальную мнемическую функцию психики, представление о которой как о всеобщем свойстве живого было выдвинуто еще в 1870 году физиологом Герингом в речи «Память как общая функция организованной материи». Речь шла о способности запечатления и воспроизведения. Развивая теорию опыта, биолог Р. Леб указывал, что для приобретения организмом нового опыта необходимо одновременное течение двух процессов, оставляющих следы, которые сливаются вместе, так что, если повторяется какой-либо процесс, необходимо должен повториться и другой [15]. Этот механизм, названный «ассоциативной памятью», демонстрирует, почему данный стимул способен не только вызвать эффект, соответствующий его природе и специфической структуре стимулированного органа, но и произвести дополнительный эффект, который прежде вызывали другие причины.

Авторская версия концепт-анализа тропизма базируется на принципе категориально-смысловой организации группового подсознания, согласно которому сближение когнитивных явлений (ассоциативность, категоризация, атрибутивность) с категорией знаковой природы смысла позволяет обнаруживать семиотическую природу тропизмов (Л. Сонди), связанную в качестве «ведущих влечений как с унаследованными, генетически обусловленными факторами, так и с социальными аспектами человеческих судеб» [16, с.82], и рассматривать их как семиотическое явление, а ассоциативные процессы интерпретировать как смысло-знаковые действия интеллекта.

Соединение теоретических положений анализа проблемы групповой идентичности с эмпирическим позволяет определить так называемый концептуальный уровень изучения групповой ассоциативной памяти (ассоциативно-вербальных сетей сознания групп) в его различных содержательных пространствах и его действительное положение в массовом сознании

общества.

Концепты – базовые категории – способны выявлять и структурировать категориальный процесс группового сознания в целом [17]. Внеинтеллектуализированные (неотрефлексированные) формы категоризации (ассоциативные процессы группового сознания) представляют социолингвистический дискурс, рассматриваемый с позиции их принадлежности к тому или иному типу сознания, тех или иных групповых эвристик имплицитного знания (прототипов – неизменного, тропизмов – изменяющегося, новаций – измененного). Учет социального контекста, с которым сопряжены социальные группы в силу культурной обусловленности коммуникативных и социальных отношений, необходим, так как психологический феномен множественности Я личности носит групповую природу и вариативно функционирует в зависимости от социального контекста. Утверждается, что доопределение новой символической связи может протекать в соответствии с развитием новой логики вменяемых социальных отношений. Однако новые символические порядки отношений в современной России представляют богатейший спектр алогичности. Русская идентичность симбиотизировала поляризованные позиции: утопичность и приземленность, несвободу и волю, служение и сибаритство, подражательность и автономию. Русские катастрофически неспособны жить в ситуации неопределенности, когда дихотомии становятся смещенными, разворачиваются игры идентичностей, формируется множественность ролей и идентичностей, что для русского бинаризма ценностей – дьявольское искушение, от которого можно спастись, лишь восстановив бинарный код координат ориентации. К тому же кризис социального сознания и самосознания усугубляется стратегией позднего капитализма как солипсизацией субъекта, превращением его во внешний объект манипуляций на основе мобилизации внутренних механизмов тревожности.

Таким образом, изменение социального макросубъекта блокируется исключительно жесткими, исторически ригидными структурами групповых базисных категорий (прототипами), в плену которых бушует океан их тропизмов понимания реальности и зачатков категориальных новаций, скроенных по рецептам массовых технологий. Технизация покорения природы, война и расовая рознь как новая тоталитарная сущность времени в глобальных масштабах (Хайдеггер) [цит. по: 18] заселяет ассоциативно-вербальные сети социальных групп, свидетельствуя тем самым, что новые групповые идентификации подчинены экспансии инструментального разума, обслуживающего массовые технологии сверхпотребления и власти.

Гипотезируя непроизвольную ассоциативность мышления в качестве порождающей групповое подсознание, мы актуализируем конструирующую способность сознания группы, обрекающую индивидов на единомыслие.

Категории, которые обладают властью над сознанием, которые его определяют, опредмечивают и задают поле возможных границ идентификации, не предопределяют пути преодоления ограниченности группового сознания. Однако поиск их изменения ведется каждой группой как неосознаваемое развитие и преобразование форм психического и практического опыта.

Проведенный в 2014 г. ассоциативный эксперимент по выявлению частотных топиков и базовых категорий ассоциативно-вербальных сетей (ABC) в сфере религиозного, правового, этнического и регулятивного сознания на различных выборках россиян позволили нам выявить 754 частотных топика (топики с частотой ≥ 3 и ≥ 2 , что для ассоциативного эксперимента является показателем значимости категории (см. Э. Рош, топика – это группы одинаковых ассоциатов; каждая выборка $N=100$).

Исследования ассоциативно-вербальной сети группового сознания (изучение ассоциативного значения слова; измерение семантической близости между словами и степени вхождения этих слов в единое семантическое поле; изучение влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых (конфессиональность, этногенез, правосознание) позволяют наблюдать категориальный генезис группового подсознания. По содержанию связи в АВС выделялись реакции как семантические множители и реакции, отражающие сферу функционирования символов. Приведем примеры результатов анализа, выявляющие категориальную трансформацию как систему: «прототип – тропизм – новация».

В результате анализа была выявлена ассоциативно-вербальная сеть концепта «право» и его субконцептов: закон, государство, свобода, справедливость, ответственность, нормы. Анализ ассоциатов позволил создать своеобразный ассоциативный прототип концепта «право» и его субконцептов. Данные эксперимента также позволяют сформировать группу стереотипных ассоциаций концепта «право» и его шести субконцептов с учетом конфессионального и этнического параметров (к таковым относим наиболее частотные реакции (≥ 3 , их 360) на все предъявляемые стимулы русских православных христиан и татар-мусульман, причем у русских 88 топиков, у мусульман – 38).

Итак, концепт «право» у русских православных структурирован ассоциатами: закон (18), свобода (10), выбор (6), возможность (8), защита (4), не значимо (4), общество (4), обязанность (4), самовыражение (3), мышление (3), книги (3). Концепт «право» у татар-мусульман структурирован ассоциатами: – закон (21), возможность (15), свобода (15), льгота (12), привилегия (9), законодательство (6), свобода действия (6). Как следует из списка, топики ассоциатов двух выборок имеют сходную семантику, из чего следует заключение, что конфессиональность и этнизм не контролируют категориальный прототип «право».

Однако на уровне субконцептов категории заметны существенные различия. Так, субконцепт «закон» в первом случае более многообразен, вбирает антропные характеристики, в то время как во второй выборке он схематичен и безличностен.

Субконцепт «закон» (русские православные): порядок (19), правило (9), суд (8), правосудие (6), справедливость (6), нарушить (6), совесть (4), сила (4), управление (4), страх (4), право (4), правопорядок (4), государство (4), власть (4), тюрьма (3), свобода (3), покорность (3), защищенность (3). Субконцепт «закон» (татары мусульмане) – правила (27), порядок (18), конституция (15), постановление (9), обязанности (6), власть (6), права (6), указ (6). Графически количественное распределение ассоциатов концепта «закон» представлено на рисунке 1.

Очевидно, что никаких языковых новаций, противоречащих «долгой ментальности» традиционалистского общества данный концепт не содержит – весь ассоциативный тезаурус представлен еще в русской публицистике XIX века [19]. Однако сравнение ассоциатов русской и татарской выборок при общем семантическом сходстве обнаруживает специфику этнических тропизмов языкового подсознания.

Например, в семантике концепта «Справедливость» у русских частотность имеет ассоциат «равенство», а у татар – верность (то есть в имплицитной репрезентации справедливости русские опираются на историческую память общины, а татары – на верность Аллаху).

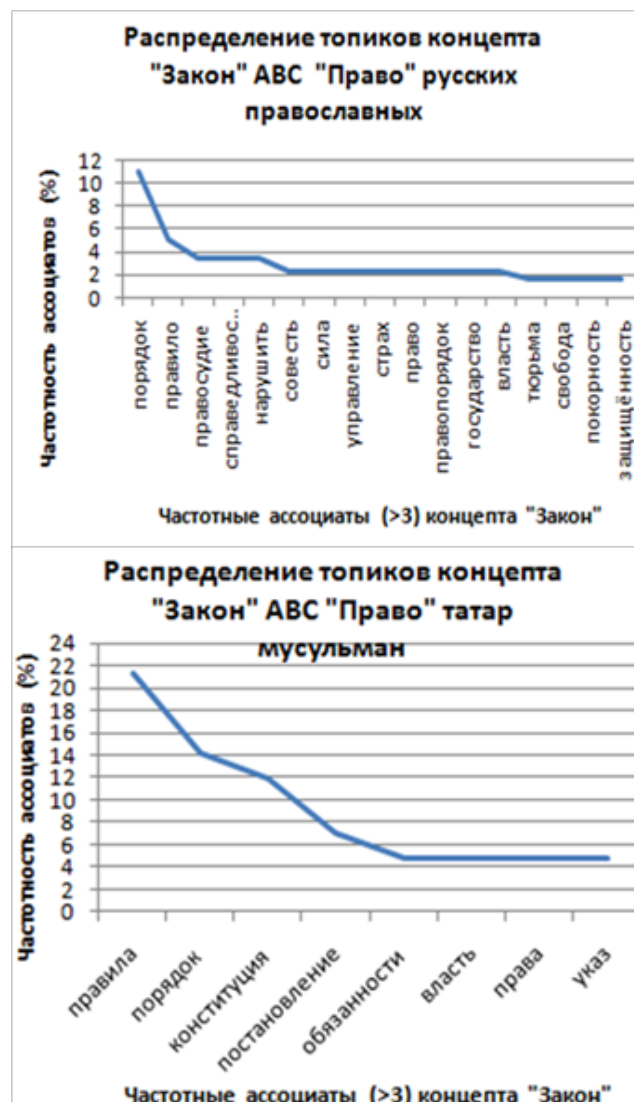

Рисунок 1 – Структура концепта «Закон» ассоциативно-вербальной сети русских сельских христиан

Также субконцепт «государство» первой выборки полисемичен, ассоциаты «схватывают» широкий круг символов, во втором случае он принимает обедненный характер. Субконцепт «государство» (русские православные): президент (10), власть (9), страна (9), Россия (8), законы (8), Родина (5), насилие (5), границы (4), держава (4), защита (4), империя (4), общество (4), политика (4), СССР (4), территория (4). Субконцепт «государство» (татары мусульмане) – страна (24), закон (12), империя (12), власть (9), республика (6). Вся ассоциативно-вербальная сеть правового сознания показывает, что топиков с частотой ≥ 3 у русских православных – 88, а у мусульман – 38, топиков же с частотой ≥ 2 в первой выборке – 212, тогда как во второй – 41. Это свидетельствует о разном уровне энтропии языкового подсознания групп [20].

Аналогичным образом структурируются все ассоциативно-вербальные сети по 32 категориям, выступавшим в качестве стимульного материала для ассоциирования. То есть при всей внешней атрибутике языкового сознания, эксплицирующей современное российское общество как постсовременное, языковое под-сознание, а соответственно, подсознание социальных макросубъектов находится в ригидном состоянии, подверженном не столько новациям, сколько тропизму.

При изучении АВС религиозного сознания некоторые новации языка выявлены в связи с категорией «нужда». Для группы русских православных частотными топиками оказались «бедствие» (14,9%), «потребность» (9%), «нищета» (6%), «необходимость» (4,5%), «голод» (4,5%). Для группы татар мусульман – «потребность» (20%), «бедность» (17,5%), «нищета» (10%), «необходимость» (10%). Наряду с прототипами в обеих группах функционирует новация: в обеих группах выявлена значительная частотность ассоциата «потребность», что для религиозного сознания любого макросубъекта является новообразованием, причем, даже протестным – не принимается все, чем обладает субъект как данное свыше, напротив, по отношению к богу существуют определенные требования – вот что, на наш взгляд, скрывается за данным новационным ассоциатом. Также появление ассоциата «потребность» свидетельствует о том, что в религиозном сознании людей разной религиозной принадлежности, живущих в одно время и в одном обществе, аналогичным образом перестраивается категориальная структура. Ассоциат «потребность» как новация представляет собой характерный признак современной установки массового общества.

Анализ содержания АВС наших респондентов, репрезентирующих социальные макросубъекты, позволил вывить одну категорию, в которой сосуществуют тропизмы и новации – это категория «Свобода» (таблица 1) в АВС еще одной выборки, где проводилось исследование – молодежи, проживающей в г. Самара (N=100), в этой выборке этничность и религиозность не являются значимыми для респондентов.

Тропизмы, т.е. изменяющиеся прототипы субконцепта «свобода» – эмоциональны, заимствованы

из поэзии и романтической литературы – «радость», «ветер», «небо» и т.д. В этом ряду совершенно необычно выглядят ассоциаты «выбор», «независимость», «ответственность». Мы видим, что они попадают в поле частотных топиков, то есть присутствуют в языковом подсознании молодежи, и свидетельствуют о неосознаваемом стремлении общества к обновлению.

Устойчивость категориальных прототипов в разноконфессиональных и разноэтнических группах носит как антропный (видовой), так и этноконфессиональный характер. Прототипы русских православных и татар-мусульман, хотя и обладают приоритетами над тропизмами и новациями категориальных систем сознания, демонстрируют специфику на уровне религиозной и этнической принадлежности.

Прототипы татар мусульман характеризуются более каноническими с точки зрения религии топиками по сравнению с русскими православными. Причем прототипы русских православных отличаются энтропией религиозных ассоциатов и характеризуются актуализацией этнической семантики.

Наряду с преобладанием неизменных прототипов в категориальном языковом подсознании выделены как тропизмы, изменяющиеся категории, так и новации, уже измененные языковые категории. Изменяемость тропизмов представлена влиянием идеологической глобализации сознания исследуемых объектов (общество позднего капитализма). Семантика категориальных новаций требует дополнительного анализа генезиса языковых инклюзий.

Таблица 1 – Распределение ассоциатов АВС субконцепта «Свобода» по принадлежности к темпоральности сознания городской молодежи (N=100)

Ассоциаты	Прототипы				Тропизмы									Новации							
	воля	пространство	природа	поле	полет	простор	воздух	ветер	радость	легкость	крылья	слово	счастье	мысль	мир	путешествие	выбор	независимость	одиночество	ответственность	
%	9	2,9	1,9	1,4																	
%					6,7	5,3	4,8	2,4	2,4	1,9	1,9	1,9	1,4	1,9							
%															1,9	1,4	4,8	2,9	2,9	1,4	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакшутова Е.В. Социальное конструирование определения и самоопределения интеллигента и интеллигенции // Наука и бизнес, 2012. № 5 (11). С.5–9.
2. Иванов Вяч.Вс. Знаковая система бессознательного как семиотическая проблема // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. III. С.168–172.
3. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. 184 с.
4. Гусейнов Г.Ч. Язык и травма освобождения // Новое литературное обозрение, 2008. № 94 « Постсоветское сознание и postcolonial studies». Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gg14-pr.html>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и опи-

6. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. 288 с.
7. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
8. Бадью А. Делез. Шум бытия. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», издательство «Логос-Альтера» / «Esse homo», 2004. 184 с. – («Интеллектуальные биографии»).
9. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
10. Эпштейн М. Н. Философия возможного: СПб.: Алетейя, 2001. 334 с. – (Тела мысли).
11. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: «Прогресс», 1996. 416 с.

12. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization / Edited by Eleanor Rosch and Barbara B. Lloyd. Lawrence Erlbaum associates, Publishers. Hillsdale, New Jersey, 1978. P.27–48.

13. Roth G. Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen. Suhrkamp, 1994: Frankfurt am Main.

14. Deese J. The structure of associations in Language and thought. Baltimore, 1965.

15. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. М., 1996. 416 с.

16. Собчик Л.Н. Тест восьми влечений Сонди и его модификация. Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1998. 96 с.

17. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: АСТ «Восток–Запад», 2007. 314 с.

18. Хабермас Ю. Философский дискурс о Модерне. М.: Издательство «Весь мир», 2003. 416 с.

19. Бакшутова Е.В. Интеллигенция в России: историко-психологический подход в изучении большой социальной группы. Самара: ПГСГА, 2011. 268 с.

20. Рулина Т.К., Бакшутова Е.В., Безуглов А.В. Устойчивость и изменчивость категориальных программ сознания больших социальных групп: религиозный аспект // Материалы Всероссийского церковно-государственного форума (Форума) «Наследники победителей» 21–24 мая 2015 г., Самара. – Самара, 2015. В печати.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этно-национального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

PROTOTYPES, TROPISMS AND INNOVATION LANGUAGE SUBCONSCIOUS LARGE GROUPS

© 2015

E.V. Bakshutova, candidate of psychological sciences, docent of the
Department of General and Social Psychology

T.K. Rulina, candidate of pedagogical sciences, docent of the
Department of General and Social Psychology

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article discusses the results of a study (free associative experiment) categorical processes in religious and ethnic groups in terms of the dynamics of change. Stability categorical prototypes, their tropism, leading to innovations, as well as themselves associative verbal innovations explain the genesis of the profound changes meaningful social consciousness. Presented as a compound of the theoretical analysis of the problem of the provisions of group identity with the empirical allows you to define the so-called conceptual level study group of associative memory (verbal associative networks of groups of consciousness) in its various content spaces and its actual position in the mass consciousness of society. For example, samples of different ethnic groups and confessions (Russian Orthodox Christians and Tatars, Muslims, each sample of N=100) indicated that for all the external attributes of linguistic consciousness explicated modern Russian society as postmodern, linguistic unconscious, and accordingly, the subconscious social macro-subject is in the rigidity condition, exposed not so much innovations as tropism. The examples obtained in the study of states of language units that are in the prototype stage, tropism and innovation, in particular prototypes of Russian Orthodox and Muslim Tatars, although precedence over tropisms and innovations categorical systems of consciousness, demonstrating the specificity at the level of religion and ethnicity.

Keywords: symbolic identification; group identity; prototype; categorical tropism; categorical innovation; associative verbal subconscious social and mental continual macro-subject.

УДК 159.922.736.3:618.53

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ С ЗАДЕРЖКОЙ РАЗВИТИЯ ПЛОДА

© 2015

Т.Н. Ковалевская, аспирант

Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, Витебск (Беларусь)

Аннотация. Психосоциальная адаптация (ПСА) является одним из ключевых процессов становления и развития личности. Дети, рожденные с задержкой развития плода, на фоне отклонений в ПСА, не имеют возможности максимально раскрыть свой внутренний потенциал, многочисленные неудачи приводят к тому, что со временем они перестают предпринимать такие попытки. Отклонения в процессе социализации являются предпосылками к развитию таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, асоциальное поведение и т.д.

Ключевые слова: задержка развития плода, психосоциальная адаптация, дезадаптация, онтогенез.

В настоящее время многие исследователи уделяют внимание изучению проблемы детей, рожденных с задержкой развития плода (ЗРП) [1,2,3]. Вместе с тем вопросы, касающиеся особенностей протекания психосоциальной адаптации (ПСА) у детей, рожденных с ЗРП, их отличий от сверстников, рожденных соответствующими гестационному возрасту (ГВ), недостаточно представлены в литературе. До сих пор не определены характеристики психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП. Отсутствуют сведения о возрастной динамике отклонений психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП, не выявлены прогностически значимые показатели психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП. Успешность протекания ПСА тесно взаимосвязана с приоритетными направлениями деятельности личности в определенных значимых сферах.

Так, в школьном возрасте – это усвоение знаний, в подростковом – формированием межличностного взаимодействия, в юношеском – реализация в учебно-профессиональной деятельности [4]. Безусловно, в реализации личностного потенциала существует преемственность, и если на каком-то возрастном этапе в процессе самореализации, раскрытия своего внутреннего потенциала произошли определённые затруднения, они в свою очередь приведут к определённым нарушениям на последующих этапах онтогенеза. При этом, в случае успешного протекания ПСА, индивид успешно адаптируется и сможет самореализоваться более адекватным образом, либо – в случае нарушения процесса ПСА, возникнет ситуация противоречия между его индивидуальными возможностями и их социальной невостребованностью [4,5,6]. Вследствие неудачного исхода своих действий,

субъективно ощущаемой неуспешности, формирования безынициативной личности, дети с ЗРП перестают предпринимать попытки изменить социальную ситуацию развития. Причиной является то, что они не прошли нужный этап развития адаптационного потенциала, в результате чего не сформировались новые потребности и потенциальные возможности возраста, составляющие личностный потенциал, необходимый для их реализации. В результате определённых барьеров на разных уровнях самореализации личности: в образовательной сфере, профессиональной, семейно-бытовой, творческой, индивид, не получая удовлетворенности трудом, характером межличностного взаимодействия, семейными отношениями, оказывается в ситуации одиночества, безработицы, являющимися предпосылками к развитию у физически и психически здоровых лиц, на фоне нарушения психологического здоровья таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, асоциальное поведение и т.д.

Целью данного исследования является изучение процесса ПСА на отдалённых этапах онтогенеза личности у детей, рожденных с ЗРП.

Исследование проводилось методом возрастных срезов на базе ГУО «Сад-ясли № 6 г. № 9, № 84 г. Витебска», УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет».

Методами исследования являлись: методика Е.А.Стребелевой, К.Л.Печора многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛЮ-АМ) (А.Г.Маклаков и С.В.Чермянин), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К.Яхин, Д.М. Менделевич). Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением программ Microsoft Office Excel 2007, Statistica 8.0. Для установления достоверности различий использовались непараметрические критерии: Манна-Уитни (Mann-Whitney Test), точный критерий Фишера, критерий хи-квадрат (χ^2).

В исследовании приняли участие 96 детей в возрасте 2,5 – 3 лет, из них 30 человек – дети с ЗВУР (среднее значение массы тела 2283 ± 267 гр.), 29 человек – недоношенные, соответствующие по массо-ростовым показателям (МРП) ГВ (среднее значение массы тела 2389 ± 302 гр.), 37 человек – доношенные, соответствующие по МРП ГВ (среднее значение массы тела 3303 ± 239 гр.), а также 119 студентов 4-5 курсов фармацевтического и лечебного факультетов УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», из них 19 человек – дети, рожденные с ЗВУР (масса тела 2412 ± 239 г.), 21 человек, дети, рождённые недоношенными соответствующими по массо-ростовым показателям ГВ (масса тела 2492 ± 78 г.) и 79 человек – доношенные, соответствующие ГВ (масса тела 3168 ± 361 г.). Необходимо отметить, что на всех этапах исследования принимали участие дети, родившиеся недоношенными, ГВ которых составляет 34-36 недели, соответствовали при рождении указанному ГВ. Мы намеренно не включали в исследование глубоко недоношенных детей, т.к. имеются многочисленные данные, доказывающие наличие глубоких неврологических патологий, физических и психологических отклонений у таких детей [7,8,9].

Анализ полученных данных свидетельствует об отсутствии значимых различий в развитии детей с ЗРП и детей, соответствующих по МРП ГВ на первом возрастном срезе по всем основным линиям развития: понимаемая и активная речь, сенсорное развитие, игра, движения, навыки, конструктивная деятельность, образательная деятельность, социальное развитие ($p \geq 0,05$).

Можно предположить, что это связано с компенсаторным или «догоняющим» ростом, характеризующим в неонатологии и педиатрии процесс усиленного развития после периода замедленного роста. Однако, как отмечают исследователи [1,2,3,10], со второго года жизни у детей с ЗРП наблюдается срыв компенсаторных возмоз-

ностей, что связано с истощением компенсаторных резервов адаптации. С другой стороны, отсутствие различий между детьми с ЗРП и их сверстниками, рожденными соответствующими ГВ в раннем возрасте и дальнейший срыв компенсаторных возможностей, могут быть связаны с интенсивным медицинским сопровождением детей, рожденных с ЗРП в раннем возрасте, и практически полным отсутствием дальнейшего медико-психолого-педагогического сопровождения детей данной группы на последующих этапах онтогенеза личности. Кроме того, компенсация, как биологический процесс, носит индивидуальный характер, и поэтому является более узким процессом, чем адаптация, являясь его составной частью. Следовательно, она способствует благоприятному течению периода ранней неонатальной адаптации, не переходя в долговременную адаптацию.

На следующих этапах нами была проанализирована адаптация детей 6-7, 11-14 и 15-18-летнего возраста [10,11]. Как показывают наши исследования, дети, рожденные с ЗРП, отличаются от своих сверстников, рожденных доношенными ($p < 0,01$) и доношенными ($p < 0,01$), соответствующими ГВ, более высоким уровнем дезадаптации на всех возрастных срезах. Наиболее высокие показатели выявлены по наличию таких негативных явлений, как тревожность ($p = 0,001936$), эмоциональный дискомфорт ($p = 0,000183$), эскапизм ($p = 0,000001$), дезадаптивность ($p = 0,000044$), что указывает на нарушение общения, отсутствие чувства эмоциональной уверенности и защищенности, уход от проблем в мир иллюзий и фантазий.

Следующим возрастным срезом нами был выбран юношеский возраст. По сравнению с младшими классами, где дети с ЗРП только начинали испытывать трудности в общении и обучении, метод возрастных срезов показал, что в различных возрастных периодах показатели дезадаптации увеличивались, усугубляя общий процесс социализации личности, приводя к закреплению патологических адаптивных механизмов, депрессиям, стрессу и нарушению психологического здоровья в целом. Отсутствие наличия образования и трудоустройства в юношеском возрасте может быть свидетельством нарушения психологического здоровья личности, выраженного в эскапизме (уходе от проблем), инфантильности, принятии социальной ситуации развития, отказом от попыток её изменить и улучшить [10,11]. Исходя из результатов опроса студентов Витебского медицинского университета (фармацевтического и лечебного факультет), нами также были выявлены отклонения процесса ПСА у детей с ЗРП. Необходимо отметить, что среди респондентов, относящихся к группе недоношенных детей, соответствующих по МРП ГВ не выявлено значимых отклонений в процессе ПСА ($p \geq 0,05$). У респондентов группы ЗРП выявлен преобладающий уровень тревожности – 68,4% ($n=13$) по сравнению с респондентами группы доношенные, соответствующие ГВ – 6,3% ($n=5$), невротической депрессии – 57,9% у детей с ЗРП ($n=11$) и 17,7% у доношенных ($n=14$) ($p < 0,01$). Особенно важным является выявленный уровень астении – 84,2% ($n=16$) и вегетативных нарушений – 52,6% ($n=10$), которые являются показателями повышенной утомляемости, неспособности справиться с психофизическим напряжением и требованиями окружающей социальной среды. У респондентов группы доношенные, соответствующие по МРП ГВ данные состояния выявлены в меньшей степени – астения – 49,4% ($n=39$) и вегетативные нарушения – 7,6% ($n=6$), либо если принимать в расчет пограничные состояния, то вегетативные нарушения составят – 11% ($n=14$) ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$). Следовательно, правомерно сделать вывод, что дети с ЗРП, менее удачно справляются с нагрузками и стрессовыми факторами, и более подвержены истощению функциональных возможностей нервной системы при ее перенапряжении. Необходимо так же отметить, что по всем указанным критериям, кроме истерического типа реагирования и обсессивно-фобических нарушений, не выявлено значимых различий между респондентами групп недоношенные и доношенные дети, соответствующие по МРП ГВ ($p \geq 0,05$). Полученные данные не изменяются вне зависимости от выбранной методики исследования, так, в ходе проведения диагностики дезадаптационных нарушений

с использованием методики «Адаптивность» (МЛО-АМ), так же был выявлен высокий уровень астенических реакций ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$) у респондентов группы ЗРП (рисунок 1) – 15,8% – средние показатели (n=3) и 68,4% низкие показатели (n=13).

Таким образом, общий показатель дезадаптационных расстройств у детей группы ЗРП составляет 84,2% (n=16) и 29,1% среди респондентов группы доношенные дети, соответствующие по МРП ГВ (n=23). Так же значимые различия ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$) между группами наблюдаются и по таким показателям, как поведенческая регуляция (низкие показатели) – 84,2%

(n=16), коммуникативный потенциал (низкие показатели) – 57,9% (n=11) и моральная нормативность (средние показатели) – 47,3% (n=9). Обращает на себя внимание и тот факт, что у респондентов группы НД выявленные отклонения не являются значимыми ($p \geq 0,05$) (рисунок 2).

Кроме высокого уровня астенических реакций, у детей с ЗВУР выявлен также высокий уровень низкой поведенческой регуляции (рисунок 3) – 84,2% (n=16), что указывает на трудности в межличностном взаимодействии, склонность к конфликтам, агрессии, нервно-психическим срывам.

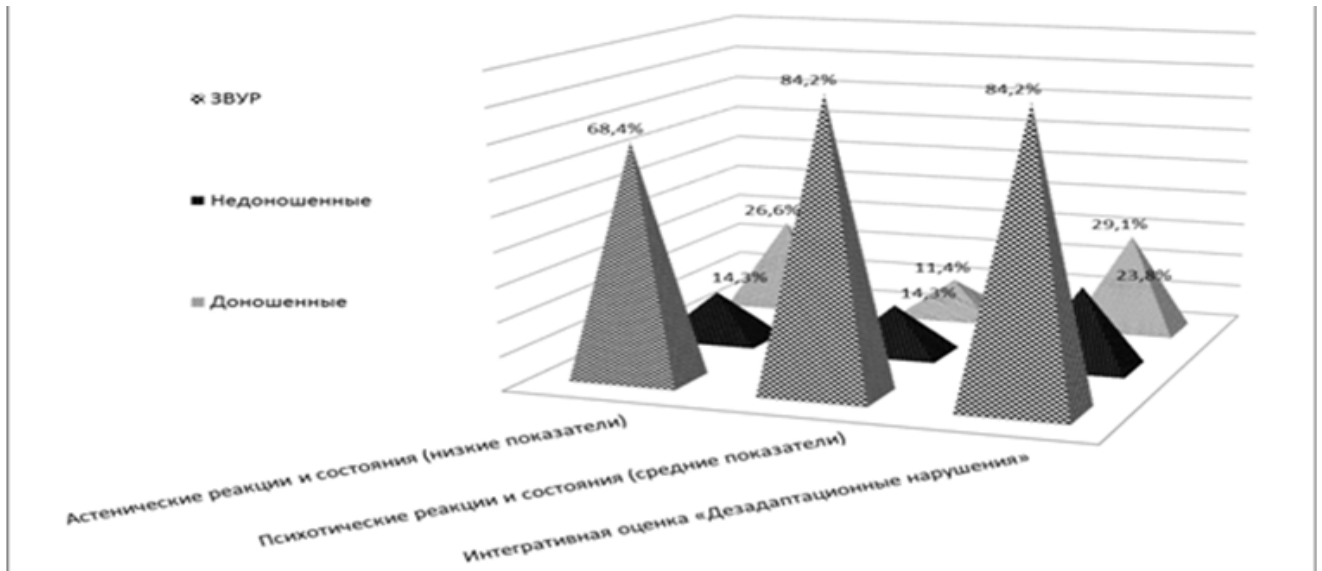

Рисунок 1 - Показатели дезадаптационных нарушений у детей с ЗРП в возрасте 20 – 23 лет (%)

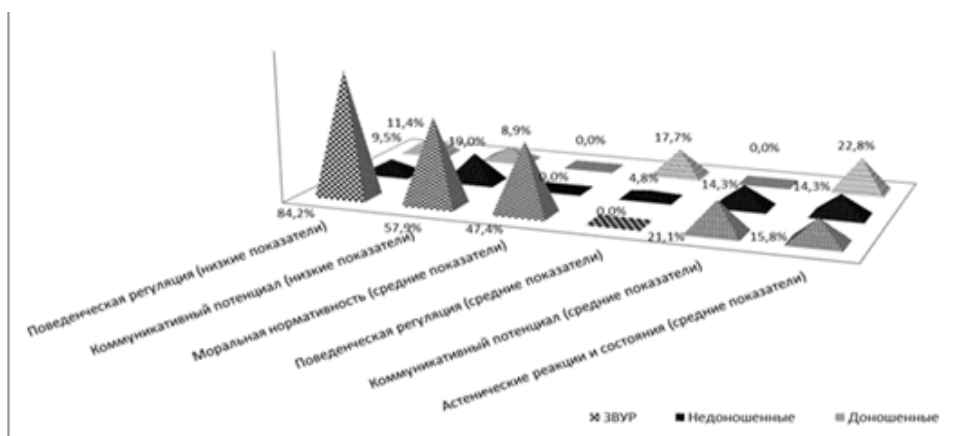

Рисунок 2 - Сравнительные показатели дезадаптационных нарушений (%)

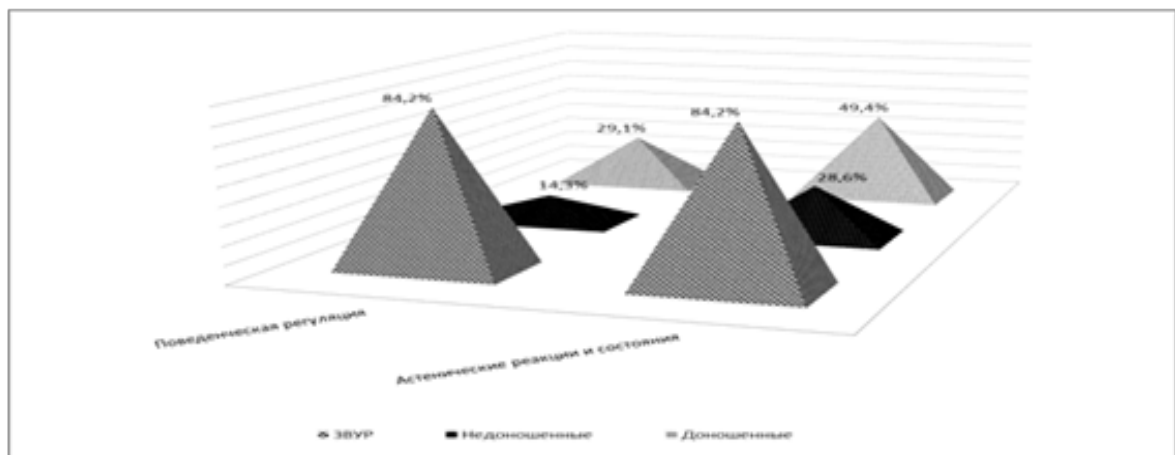

Рисунок 3 - Сравнительные показатели поведенческой регуляции и астенических состояний

Таким образом, существуют значимые различия в протекании процесса ПСА и социализации между детьми, соответствующими по массо-ростовым показателям ГВ и рождёнными с ЗРП, для которых характерны низкие показатели личностного адаптационного потенциала ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$) и, соответственно, принадлежность к группе низких адаптационных способностей. Составляя группу сниженной адаптации, дети с ЗРП, характеризуются наличием трудностей в протекании процесса ПСА, низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтностью, и соответственно, невозможностью максимально раскрыть свой внутренний потенциал, самореализоваться в одной из значимых сфер жизни на данном возрастном этапе (рисунок 4).

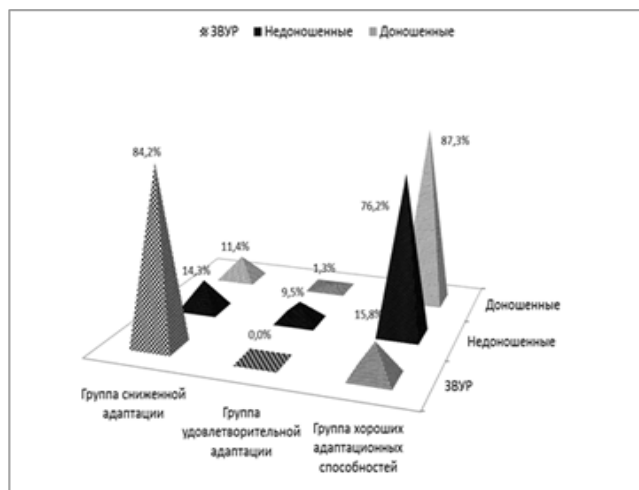

Рисунок 4 - Показатели личностного адаптационного потенциала

При этом необходимо отметить, что их сверстники, рожденные как недоношенными, так и доношенными, соответствующими ГВ, в подавляющем большинстве относятся к группе хороших адаптационных способностей 76,2 % респонденты группы недоношенные (n=16), 87,3% – доношенные дети (n=69), и лишь 11,4% респондентов группы доношенные дети (n=9) характеризуются низким личностным адаптационным потенциалом. Необходимо так же отметить, что респонденты, рожденные доношенными и недоношенными, соответствующими ГВ, не имеют значимых различий по указанным параметрам процесса ПСА, кроме таких показателей, как коммуникативный потенциал и моральная нормативность ($p > 0,05$). Кроме того, исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что выявленные у детей с ЗРП показатели дезадаптации, если не увеличиваются со временем, то не имеют тенденции к снижению (рисунок 5).

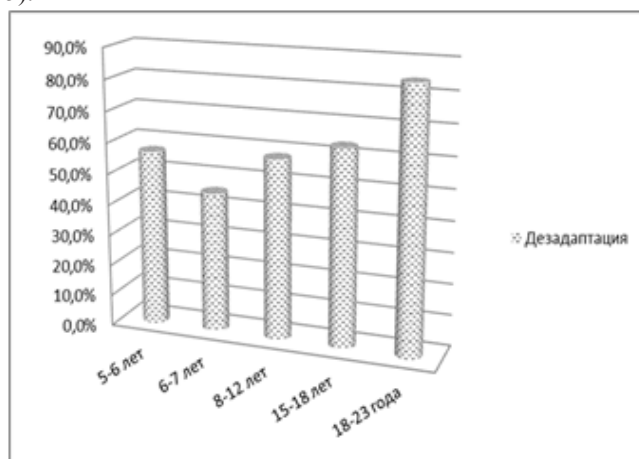

Рисунок 5 - Уровень дезадаптации детей с ЗРП в различные возрастные периоды

Таким образом, при изучении особенностей протекания процесса ПСА у детей с ЗРП методом срезов, можно проследить отдельные элементы или этапы отклонений процесса ПСА в различные возрастные периоды. Выявлены сложные, диалектические взаимосвязи между массой тела при рождении и психологическими показателями развития ребёнка на отдалённых этапах онтогенеза: в младшем возрасте испытываемые подвержены трудностям в когнитивном развитии, тревожности и детским страхам, в старшем возрасте происходит нарушение таких социально-значимых функций развивающейся личности, как коммуникативные, организаторские способности, способности противостоять стрессовым факторам и решать возникающие проблемы. В подростковом возрасте у большинства респондентов с ЗРП выявлены эскапизм и высокий уровень тревожности. Наиболее высокие показатели отклонений процесса ПСА выявлены в социальной и психологической сферах в возрасте 15-18 и 18-23 лет, что, несомненно, оказывает влияние на психологическое здоровье в целом [10,11]. В современных условиях налицо необходимость в психологически здоровой, быстро адаптирующейся личности, а соответственно и в совместной деятельности психологов и медицинских работников по профилактике факторов риска дезадаптации детей, и снижении числа детей с дезадаптивными проявлениями. Поэтому важно изучать условия процесса ПСА, а также искать такие формы и методы работы с детьми с ЗРП, которые будут способствовать их эффективной социализации, снятию внутреннего напряжения и тревожности, адекватному восприятию себя и окружающих и тем самым успешной ПСА и повышению качества жизни.

Следует отметить, что мы наблюдали не целостный процесс протекания и нарушения ПСА, а лишь отдельные его элементы. Поскольку феномен ПСА является довольно обширным процессом, охватывающим все психологические категории и особенности личности, специфика нашего исследования строилась на методе срезов, изучение отдельных фрагментов процесса ПСА и его особенностей, пилотажном исследовании отдалённых последствий. Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о том, что нарушения ПСА тесно связаны с отсутствием дальнейшей самореализации личности. Выявленную тенденцию вероятно можно объяснить тем, что недостаточно сформированные механизмы ПСА приводят к общему отставанию в психологическом развитии, что сказывается не только на самореализации личности, но и на качестве жизни в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хитров М.В. Внутриутробная задержка роста плода. Ярославль: ЯГМА, 2001. 22 с.
2. Raikonen K. Prenatal and postnatal growth and cognitive abilities at 56 months of age: a longitudinal study of infants born at term // Pediatrics. 2008. Vol. 121. P.1325 – 1333.
3. Иванян А.Н. Задержка внутриутробного развития плода. Смоленск: СГМА, 2005. 88 с.
4. Егорычева И.Д. Субъективное благополучие: критерий или детерминанта самореализации? // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 4. С. 92-96.
5. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 246 с.
6. Анисимова О. М. Самореализация и субъективность // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С.84
7. Hankyu L. Cognitive development of preterm low birth weight children at 5 to 8 years old // Journal of developmental and behavioral pediatrics. 1993. Vol. 14. № 4. P. 242 – 248.
8. Устинович А.А. Недоношенные новорожденные.

- Минск: БГМУ, 2005. 28 с.
9. Качан Г.Л. Глубоко недоношенные дети (определения, проблемы, принципы реабилитации). Минск: БелМАПО, 2006. 24 с.
10. Ковалевская Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на социально-психологическую адаптацию детей на различных этапах онтогенеза. Витебск: ВГУ, 2015. 226 с.
11. Ковалевская Т. Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на нарушение социально-психологической адаптации на различных этапах онтогенеза // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2014. №4(19). С. 78 – 82.

PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN, WHO WERE BORN WITH INTRAUTERINE GROWTH RETARDATION

© 2015

T. N. Kovalevskaya, post-graduate student
Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk (The Republic of Belarus)

Abstract: Psychosocial adaptation (PSA) is one of the key processes of formation and development of personality. Children, who were born with fetal growth retardation, against variations in PSA, have no opportunity to maximize reveal their inner potential, numerous failures lead to the fact that over time they cease to undertake such efforts. Deviations in the socialization process are prerequisites to the development of negative phenomena such as alcoholism, drug abuse, antisocial behavior, etc.

Keywords: growth retardation, psychosocial adaptation, maladjustment, ontogenesis.

УДК 159:316.9 (073)

ББК 60.5

АНАЛИЗ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2015

Ю.А. Лившиц, директор Гуманитарно-педагогического института
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. В последние годы институт образования в нашей стране претерпевает серьёзные изменения. Появились единые экзамены для выпускников 9–х и 11–х классов школ – ГИА и ЕГЭ. Введение уровневой системы обучения, т.е. разделение программ подготовки специалистов на 2 этапа, бакалавриат и магистратуру, вносит серьёзные изменения в образовательный процесс и сомнения в головы студентов. Реформы были негативно восприняты обществом, на их идеологов обрушилась мощная критика. Поднимались и вопросы нервного перенапряжения учащихся, и необъективности принятых критериев оценивания, многие упрекали авторов реформы в создании «недоспециалистов». Если попытаться обобщить, то надежды правительства на либеральные настроения социума, очевидно, не оправдались, и причиной тому видимо то, что система образования – это чуть не единственное, чем мы могли гордиться к моменту развала СССР, и что хотелось бы сохранить неизменным. На рубеже XX–XXI веков в мире произошли существенные изменения, связанные с глобализацией социальных отношений и формированием нового типа общественного устройства – информационного общества. Одним из приоритетных направлений развития такого общества является информатизация образования – процесс обеспечения образовательной сферы методологией и методикой наилучшего использования современных информационных технологий, которые ориентированы на процессы управления образованием и реализацию целей обучения. Современный научно-технический прогресс приводит нас к тому, что полученные знания быстро устаревают, и требуется их постоянное обновление и пополнение, создание новой качественной системы непрерывного профессионального образования. В то же время, на сегодняшний день появилась реальная возможность целенаправленного обучения и переобучения людей, практически независимо от их возраста, уровня квалификации, условий работы, состояния здоровья и т.д. Такое обучение, возможно, реализовать путем предоставления образовательных услуг дистанционно, с использованием современных информационных технологий и сети Интернет, что позволит поднять общеобразовательный уровень населения. В условиях постоянных изменений особо важным становится правильный выбор вуза. Учебное заведение должно быть не только доступным в финансовом и интеллектуальном плане, но и соответствовать множеству других критериев: наличие нужного направления подготовки и нужных дисциплин в учебном плане, иметь наработанные контакты с работодателями и хорошие возможности для академической мобильности, ну и, конечно, быть престижным и обладать положительным имиджем. Учитывая этот факт, остановимся подробнее на процессе подготовки к поступлению в вуз и, непосредственно, Приёмной кампании в учреждениях высшего профессионального образования. Сдача выпускных экзаменов, в настоящий момент, превратилась в один из самых ответственных, сложных, и потому стрессовых процессов в жизни российской молодёжи. Нагнетание обстановки вокруг Единого государственного экзамена не только не способствует правильному психологическому фону и настрою у учащихся, но также и отодвигает на задний план такую важную функцию общего среднего образования, как профессиональное ориентирование индивида. Зачастую представители школьной администрации обеспокоены не столько тем, чтобы обеспечить своим ученикам комфортные условия для самоопределения, сколько сугубо статистическими показателями, формирующимися по результатам итоговой аттестации их учеников. Иными словами, работа в школах, по нашему предположению, ведётся исходя из принципа «выбирай то, что лучше всего сдать». При этом собственные пожелания учащихся получают второстепенное значение. Итогом такого подхода становятся абитуриенты, не имеющие не то что чётких профессиональных планов, но и даже представлений о своей будущей сфере занятости. Выбор вуза и направления подготовки, для многих – лишь соотношение имеющихся учебных вакансий с результатами ЕГЭ. Таким образом, люди сугубо гуманитарного склада нередко выбирают технические направления подготовки, и наоборот – имеющие задатки инженера пытаются связать свою жизнь, к примеру, с экономикой.

Ключевые слова: образование, вуз, социализация, профессионализация, студент, экзамен, прием, абитуриент, развитие, обучение, статус, способности, личность.

Место и роль высшего образования в процессе профессиональной социализации можно рассмотреть с точки зрения двух подходов: системного и институционального.

Рассмотрим кратко сущность системного подхода. В законе Российской Федерации «Об образовании» (принятом в 1992 г. и затем, несколько раз дополнявшемся и изменявшемся) глава II названа «Система образования»,

а статья 8 раскрывает это понятие. Система образования характеризуется как совокупность взаимодействующих: преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности; сети реализующих их образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов; органов управления образованием и подведомственных им учреждений, и организаций [1].

Система образования в России представляет собой совокупность подсистем дошкольного, школьного, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. Каждой из этих образовательных подсистем соответствуют образовательные программы, которые подразделяются на общеобразовательные (основные и дополнительные) и профессиональные (основные и дополнительные). При этом к общеобразовательным относятся программы дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования. К профессиональным относятся программы начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального, послевузовского профессионального образования.

Можно отметить задачи высших учебных заведений, согласно главе II Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», согласно которому: «Основными задачами высшего учебного заведения являются:

1) удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего и (или) послевузовского профессионального образования;

2) развитие наук и искусств посредством научных исследований и творческой деятельности научно-педагогических работников и обучающихся, использование полученных результатов в образовательном процессе;

3) подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников с высшим образованием и научно-педагогических работников высшей квалификации;

4) формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии;

5) сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества;

6) распространение знаний среди населения, повышение его образовательного и культурного уровня» [2].

Можно также проанализировать цели начального, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования, согласно Федеральному закону «Об образовании»: «Начальное профессиональное образование имеет целью подготовку работников квалифицированного труда по всем основным направлениям общественно полезной деятельности на базе основного общего и среднего (полного) общего образования. Среднее профессиональное образование имеет целью подготовку специалистов среднего звена, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе основного общего, среднего (полного) общего или начального профессионального образования. Целями высшего профессионального образования являются подготовка и переподготовка специалистов соответствующего уровня, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования. Послевузовское профессиональное образование предоставляет гражданам возможность повышения уровня образования, научной, педагогической квалификации на базе высшего профессионального образования» [3].

В исследовании места и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации большой интерес представляет институциональный подход, который используется в социологии образования. Перед тем, как перейти к описанию специфики этого подхода, рассмотрим понятие социального института.

Понятие «социальный институт» в социологии ис-

пользуется для описания регулярно повторяющихся в течение длительного времени социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм и имеющих важное значение в структуре общества. Так же, как и понятие *роли*, понятие *института* обозначает установленные образцы поведения, однако институт рассматривается как единица более высокого порядка и включает множество ролей [4].

С точки зрения рассмотренной в предыдущем параграфе концепции Бергера и Лукмана, институт образования в современном обществе является основным механизмом распределения специфическо-ролевого знания, процесс освоения которого представляет основу содержания вторичной социализации. Подсистемы образования, перечисленные выше, являются ступенями, на которых происходит углубление этого знания.

Кроме того, что с переходом на каждую последующую ступень происходит углубление знания, происходит также и процесс вертикальной социальной мобильности. Чем выше уровень образования индивида, тем больше у него шансов занять более высокую профессиональную позицию, и, следовательно, приобрести более высокий социальный статус. Эта функция института образования довольно подробно рассматривалась П. Сорокиным. Таким образом, высшее образование служит приобретению более глубокого и сложного специфическо-ролевого знания, а также повышает конкурентоспособность индивида на рынке труда, способствуя, тем самым, его вертикальной социальной мобильности.

Рассмотрим более подробно сущность институционального подхода к образованию. В рамках институционального подхода образование рассматривается как элемент системы общественных отношений, взаимодействующих с другими её элементами (производством, наукой, культурой, другими социальными институтами, системами и подсистемами) [5-8].

Институциональная характеристика образования нацеливает на изучение его как определённой устойчивой и динамичной формы организации общественной жизни в сфере обучения, воспитания, профессиональной подготовки.

Институциональный подход предполагает анализ деятельности и взаимодействия социальных общностей в сфере образования, определённым образом организованное для достижения целей и выполнения задач обучения, воспитания, развития личности, социализации, профессиональной подготовки. Поскольку интересы социальных общностей в сфере образования не совпадают, а их взаимодействие, как правило, насыщено противоречиями, институциональный анализ образования предполагает изучение не только его организации, но и форм совместной деятельности различных групп и слоёв [9-13]. Институциональный подход направлен на определение характера, содержания, способа проявления этих противоречий и поиск путей их разрешения, как в самой сфере образования, так и за её пределами.

Институциональный подход позволяет выявлять и объективные характеристики функционирования системы образования, и субъективные мнения, оценки, позиции, ценностные ориентации, установки, интересы различных социальных общностей, взаимодействующих друг с другом. Он даёт возможность увидеть противоречия между элементами (звеньями, уровнями) системы образования на основе изучения отношения к ним со стороны различных категорий населения. Другими словами, выявляется престиж и авторитет системы образования, а также её составляющих (в нашем случае, высшего образования).

В анализе места и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации можно выделить четыре аспекта:

1. оценку данного социального института с позиции тех людей, которые учатся или повышают свой уровень профессиональных знаний;

2. исследование социальной позиции, целей, установок, ориентаций тех, кто обучает;

3. оценку тех, кто является потребителем продукции высшей школы, т.е. принимает на работу выпускников высших учебных заведений;

4. исследование нормативной базы, на которую опирается общество при оценке эффективности высшего образования, когда сравниваются реальные и декларируемые показатели его функционирования [14].

В исследовании места и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации, на наш взгляд, важно установить его взаимосвязь с производством, наукой и процессом вертикальной социальной мобильности.

Характер взаимосвязи высшего образования как института профессиональной социализации с производством и наукой определяется характером взаимосвязи науки и производства в современных обществах, характеризующихся использованием наукоёмких технологий. Инженеры, менеджеры, психологи, экономисты и т.д. нуждаются в научном обеспечении своей профессиональной деятельности [15-20]. Поэтому специалисту с высшим образованием необходимо уметь творчески применять научные разработки в процессе исполнения своей профессиональной роли, совершенствовать существующие технологии, устанавливая тем самым посредничество между наукой и обществом. На наш взгляд, в этом состоит качественное отличие профессиональной социализации в рамках института высшего профессионального образования от профессиональной социализации на других ступенях профессионального образования – начального и среднего.

Если говорить о зависимости высшего профессионального образования от производства, то такую зависимость не следует трактовать прямолинейно как направленность на непосредственную подготовку людей к конкретной производственной деятельности. Особенно недопустима такая трактовка в современных условиях, поскольку она обрекает работников, получивших высшее образование, на очень узкую сферу применения их знаний, умений, навыков, приёмов деятельности. Требования производства к высшему образованию на рубеже XX–XXI вв. состоят в том, что полученные знания и умения должны легко модифицироваться в смежных сферах применения, что будет способствовать успешной адаптации работника, получившего образование, к мировым изменениям в той или иной области деятельности. Рассмотрим более подробно взаимосвязь науки и высшего профессионального образования.

Содержательно зависимость высшего образования от науки (и наоборот) определяется тем, насколько полно и глубоко используются достижения науки в развитии высшего образования, как они отражаются в его содержании. Эта зависимость определяет уровень образования: чем лучше используются новейшие достижения науки, тем он выше. По данным Центра «Истина» и учёных Томского государственного университета, исследовавших качество высшего образования на биологических факультетах в классических университетах, такие современные дисциплины как биотехнология растений, физико–химическая технология, электронная микроскопия преподаются лишь в 9% вузов [14]. Это говорит о существовании определённых проблем соответствия содержания высшего профессионального образования в России развитию современных научных направлений. В этом случае профессиональная социализация, несмотря на всю глубину знаний, которые даёт вуз, может оказаться недостаточно эффективной, т.к. не будет соответствовать уровню развития современной науки.

Кроме преподавания современных дисциплин, многое зависит от способов трансформации научного знания в другой специальный вид знания – образовательный. Это крайне важная и сложная задача, успешное решение которой зависит и от достижения науки, и от

потенциала образования.

Следует отметить особую важность разработки различных технологий передачи знания, осуществляемой в вузах. Профессиональная социализация в рамках высшего образования заключается в освоении студентами довольно абстрактного, по сравнению с другими образовательными уровнями, знания. Здесь важно, чтобы способы передачи такого рода знания были эффективными по отношению к обучаемым. Теперь, рассмотрим место и роль высшего образования в процессе профессиональной социализации через призму процесса вертикальной социальной мобильности [21-28].

Профессиональная социализация в рамках высшего образования и процесс вертикальной социальной мобильности сопряжены. Высшему образованию принадлежит очень важная роль в определении социального статуса личности. Получив высокую квалификацию, в современном обществе гораздо легче сделать карьеру. Большую роль здесь играет качество образования, которое во многом связано с престижем конкретного учебного заведения. Тем не менее, такое распространённое для российского общества явление как получение высшего образования исключительно ради диплома, образно говоря, ради «бумажки», свидетельствует о значительной роли высшего образования в процессе вертикальной мобильности (по крайней мере, в сознании людей эта идея присутствует), даже без учёта соответствия нормативно установленного уровня подготовки специалиста его реальному уровню. Таким образом, современный российский человек может быть в большей степени заинтересован в формальной стороне высшего образования, а не в содержательной.

Стремление членов российского общества получить высшее образование всеми возможными способами выглядит довольно парадоксально, если учесть, что прямая связь между уровнем образования людей и уровнем их доходов в российском обществе – не такая очевидная, как в некоторых других обществах с процветающей стабильной экономикой. Например, в США работники, окончившие лишь среднюю школу, зарабатывают в среднем в 1,5 – 2 раза меньше, чем их сверстники, имеющие диплом бакалавра, и почти втрое меньше, чем доктора. Примерно такая же картина в странах Европы.

Возможно, широко распространённое стремление получить высшее образование, в современном российском обществе, обязано высокому престижу высшего образования в СССР. Но высшее образование в СССР не было таким доступным, в том плане, что не существовало коммерческой основы обучения в вузе, и количество подготавливаемых специалистов ограничивалось нуждами производства. В 90-е годы произошла рыночная трансформация системы образования, когда предложение образовательных услуг приобрело товарную форму. Это привело к притоку в вузы определённого контингента граждан, чей материальный достаток позволял оплачивать обучение в вузе, хотя уровень подготовленности к получению высшего образования не всегда соответствовал должному. Высшее образование в определённой степени стало ориентироваться на тех, кто платит за образовательные услуги, т.к. данная категория студентов стала представлять собой весомый источник финансирования вузов, переведённых на «хозрасчёт». Такая ориентация вузов, в определённой степени, противоречила потребностям общества в высококвалифицированных специалистах, прошедших качественную профессиональную подготовку, способствуя понижению планки требований, предъявляемым к абитуриентам и студентам, а, следовательно, снижению качества высшего образования. Этому же способствовал и процесс распространения коррупции в высших учебных заведениях.

Следует также отметить, что высшее образование в современном российском обществе не является достаточным средством профессиональной социализации личности, если личность ориентирована на достижение

высокого профессионального статуса и социального статуса в целом. В современном российском обществе специалист, получивший высшее образование, обладающий высоким уровнем материального достатка и необходимыми «связями» в бизнесе, различных уровнях государственного и муниципального управления, получает больше шансов на достижение такого статуса, нежели специалист, получивший высшее образование, но не обладающий перечисленными ресурсами. Для продвижения по карьерной лестнице необходимо к высшему образованию прилагать ещё и наличие определённых «связей», а для трудоустройства после вуза наличие трудового стажа. Последнее стало практически повсеместным требованием для принятия на работу выпускников вузов, обусловленным низким уровнем организации производственной практики. Таким образом, высшее образование повышает конкурентоспособность человека на рынке труда, но оно является далеко не единственным фактором, повышающим эту конкурентоспособность. Высшее образование зачастую даёт просто документ, позволяющий занимать определённые должности в государственной, муниципальной или коммерческой организации. Трудовой стаж студента, который он может приобрести исключительно посредством вторичной занятости, в свою очередь, свидетельствует о том, что человек уже сталкивался с производственной деятельностью и может успешно осуществлять определённую профессиональную роль. Вторичная занятость как способ профессиональной социализации для студентов становится более важным, нежели посещение лекционных и семинарских занятий в вузе. Производственная практика часто не способна дать тот опыт, который студент получает в рамках вторичной занятости, а также возможность продолжения трудовой деятельности на этом предприятии в будущем. Что касается так называемых «связей» и «знакомств» как средства повышения конкурентоспособности на рынке труда, то они обеспечивают возможность «внеконкурсного» прохождения на ту или иную профессиональную позицию. Несмотря на то, что подобные проблемы могли, так или иначе проявляться и в советский период, распределение студентов после окончания вузов, способствовало их сглаживанию.

Институт самообразования также может выступать одним из основных в процессе профессиональной социализации [29, 30, 31], наряду со вторичной занятостью, компенсируя низкое качество образования в вузе. Возможно также, что функция профессиональной социализации часто возлагается студентами на образование за пределами вуза, например, на разного рода курсы, мастер-классы и т.д., что тоже в определённой степени можно считать такого рода компенсацией.

Безусловно, нельзя сказать, что на данный момент роль высшего образования в профессиональной социализации свелась исключительно к получению документа о нём. Место и роль высшего образования в процессе профессиональной социализации личности зависит и от конкретного учебного заведения. Уровень качества образования не одинаков в различных вузах, так же, как и система неформальных норм. При этом, различия имеют не только вузы, но и факультеты, кафедры внутри этих вузов. Из этого следует, что месту и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации нельзя дать универсальную оценку. Здесь уже возникает проблема классификации вузов, которая может производиться, например, по критериям состояния материально-технической базы, качеству преподавательского состава, организации производственной практики, уровню развития науки, оценки студентами уровня коррупции в вузе и т.д.

Таким образом, оценка места и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации в современной России представляет собой достаточно сложную и многогранную исследовательскую проблему, обусловленную существованием большого количе-

ства противоречий внутри института образования и российского общества в целом.

Подведём итог. Мы рассмотрели два подхода к исследованию места и роли высшего образования в процессе профессиональной социализации: системный и институциональный. Системный подход к оценке роли высшего образования в процессе профессиональной социализации нацелен в большей степени на характеристику его положения в системе образования, выявление его функциональных отличий от других образовательных подсистем. Институциональный подход ориентирован на оценку роли высшего образования в реализации планов учащихся в процессе профессиональной социализации, выявление взаимосвязей с другими социальными институтами, такими как производство, наука, а также установление роли высшего образования в процессе вертикальной социальной мобильности. Высшее образование в рамках данного подхода – это лишь один из институтов профессиональной социализации, существующих в обществе, который обеспечивает вхождение индивида в институты производства и науки, расширяет возможности для его вертикальной социальной мобильности. Высшее образование как институциональный способ профессиональной социализации избирается индивидом исходя из того запаса социального знания, которым он обладает. Согласно этому знанию индивид формирует определённые ожидания относительно роли высшего образования в процессе профессиональной социализации, которые в дальнейшем могут быть приведены в соответствие с реальными результатами от получения образования, а могут им и не соответствовать, приводя к фрустрации. Также важно отметить, что в рамках институционального подхода основным источником получения информации являются субъекты образовательного процесса, а также те, кто с ними взаимодействует. В системном подходе основным источником информации служат документы об образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» <http://www.garant.ru/law/35916-000.htm> (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании») (Дата обращения 14.09.2015)
2. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» <http://www.garant.ru/law/35916-002.htm> (Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании») (Дата обращения 07.08.2015).
3. Закон РФ «Об образовании» <http://www.consultant.ru/popular/edu/> (Закон РФ «Об образовании»).
4. Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ./ Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. С.167.
5. Тимирясова А.В., Крамин Т.В. Предпосылки и направления интеграции в российском образовании // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 144-150.
6. Вахтина М.А. Институционализм как отражение социокультурного подхода а в экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11-2. С. 23-25.
7. Кондратьева Т.В. Институциональное равновесие как фактор экономического развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 1. С. 59-62.
8. Тимирясова А.В. Разработка рекомендаций по совершенствованию институционального окружения образовательной системы Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 101-107.
9. Моисеев В.Б., Найденова Л.И. Методологический

- подход к формированию инновационного капитала вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. № 4. С. 187-193.
10. Жданкина И.Ю., Смирнов А.Н., Шамин Е.А. Предпосылки и факторы, влияющие на конкурентоспособность образовательных услуг организаций высшего образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 113-119.
 11. Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2011. № 1 (40). С. 41-47.
 12. Бурганов Р.А. Процессы создания институционального поля рынка услуг // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 26-32.
 13. Жданкина И.Ю., Шамин Е.А. Сущность и понятие конкурентоспособности образовательных организаций // Вестник НГИЭИ. 2014. № 9 (40). С. 12-18.
 14. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – 3-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей: Юрайт. М, 2007. С. 436.
 15. Люсев В.Н. Эвристические средства интеграции образовательной и профессионально-производственной деятельности // Педагогическое образование и наука. 2012. № 1. С. 81-86.
 16. Воронин В.Н., Коростелев А.А. Системный подход к управлению качеством подготовки будущих специалистов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № S10. С. 25-32.
 17. Люсев В.Н. Педагогические технологии интеграции учебной и производственной деятельности // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 2. С. 183-188.
 18. Волков С.Н. К проблеме развития науки и образования на современном этапе: социально-философский аспект // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Т. 1. № 11 (15). С. 163-167.
 19. Люсев В.Н., Мишин А.В. Современные формы взаимодействия образования и производства // Педагогическое образование и наука. 2012. № 1. С. 79-81.
 20. Степанова Е.С. Роль естественных наук в профессиональном становлении будущих бакалавров (на примере дисциплины «Геология») // Самарский научный вестник. 2014. № 2 (7). С. 122-124.
 21. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.
 22. Бекоева М.И. Формирование профессиональной мобильности студентов как важная составляющая проблемы трудоустройства выпускников вуза // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 3. С. 27-30.
 23. Иванова Т.Н. О структурных элементах социально-трудовой мобильности молодежи на рынке труда // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 15-18.
 24. Иванова Т.Н. Конструирование региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности и занятости молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. С. 25-27.
 25. Бураева В.Г. Сущность и содержание профессиональной мобильности студентов как педагогической категории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 3. С. 51-54.
 26. Иванова Т.Н. Скорость и интенсивность как основные показатели количественного анализа процессов социально-трудовой мобильности молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 142-144.
 27. Еременко Т.А. Адаптация выпускников как критерий профессиональной мобильности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 83-85.
 28. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. С. 28-30.
 29. Овчинникова Л.П. Теоретический аспект организации самостоятельной работы студентов-заочников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 2 (13). С. 236-240.
 30. Кондаурова И.К., Гусева М.А. Место дисциплины «Введение в систему математического образования России» в профессиональном становлении педагога-математика // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 62-65.
 31. Юрловская И.А. Индивидуальная траектория профессионального развития студентов как педагогическая проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 2. С. 230-233.

ANALYSIS OF HIGHER EDUCATION AS AN INSTITUTE OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION (THEORETICAL ASPECT)

© 2015

Y.A. Livshits, director of the Institute of Humanities and Education
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. In recent years, the Institute of Education in our country is undergoing major changes. There were common exams for graduates of 9th and 11th grade schools - the DPA and the exam. The introduction of tiered system of training, ie, training programs split into 2 stages, undergraduate and graduate, is making major changes in the educational process and doubt into the minds of students. The reforms were perceived negatively by society, their ideologists struck a powerful critic. Questions were raised and nervous strain of pupils and bias evaluation criteria adopted by many authors criticized the reform in the creation of "nedospetsialistov." If we try to generalize, the hope of the government to the liberal mood of society, obviously, did not materialize, and the reason is probably the fact that the education system - this is almost the only thing we can be proud of at the time of the collapse of the Soviet Union, and that we would like to keep the same. At the turn of XX-XXI centuries the world has undergone significant changes due to the globalization of social relations and the formation of a new type of social organization - the information society. One of the priority directions of development of a society is the informatization of education - the process of providing educational services methodology and methods best use of modern information technologies, which are focused on the process of education management and implementation of learning objectives. Modern scientific and technological progress leads us to the fact that this knowledge quickly become obsolete, and require constant renewal and updating, creation of new high-quality system of continuous professional education. At the same time, today there is a real possibility of purposeful training and retraining of people, almost regardless of their age, skill level, working conditions, health, etc. Such training may be implemented through the provision of educational services remotely, using modern information technology and the Internet, which will raise the level of general education

of the population. In conditions of constant change becomes especially important right choice of university. The institution must not only be accessible both financially and intellectually, but also fit a variety of other criteria: the availability of the training areas and relevant disciplines in the curriculum, have established contacts with employers and good opportunities for academic mobility, and, of course, be prestigious and have a positive image. Given this fact, let us dwell on the process of preparing for university entrance and directly, admission campaign in institutions of higher education. Final exams, for the moment, has become one of the most important, complex and stressful process because in the life of Russian youth. Pressure situation around the Unified State Examination is not only not conducive to the proper background and psychological mood of the students, but also masks a such an important feature of secondary education, as a professional orientation of the individual. Often, school officials are concerned not so much to provide its students a comfortable environment for self-determination as a purely statistical indicators, emerging as a result of the final certification of their students. In other words, work in schools, according to our assumption, is conducted on the basis of the principle of "to choose what is best hand over." At the same time students get their own wishes of secondary importance. The result of this approach are the applicants who do not have not that clear professional plans, but even ideas about their future employment. The choice of the university and training areas for many - only the ratio of the existing training vacancies with the results of the exam. So people purely humanitarian warehouse often choose technical training areas, and vice versa - have the makings of an engineer trying to connect his life, for example, with the economy.

Keywords: education, school, socialization, professionalization, student, exam technique applicant, development, training, status, abilities, personality.

УДК 159.9

МЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФАСИЛИТАЦИИ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СООБЩЕСТВА

© 2015

Т.К. Рулина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье обсуждаются ментальные подходы к фасилитационным процессам, способствующим согласованию группового интеллекта, обосновывается возможность разработки программ воспроизводства значений и их смыслов, ведущих к росту полисемии языкового подсознания как основы смысловых компромиссов в группе. Вводится понятие «категоризация опосредования», задающая неоднозначность понимания и тем самым способствующая росту его полисемии как основы компромиссов. Утверждается, что фасилитационная семиургия в преддискурсивных процессах мышления способствует значительным изменениям смысла при незначительных изменениях параметров категоризации, так как более фундаментальные подсознательные слои языкового сознания групп, легитимируемые в процессе социальной работы, означают новые способы мышления. Речь идет о процессах семиургии в сфере неявного знания больших социальных групп, их коррекции, активизации и мобилизации. Психологическое торможение модернизационных процессов в России, системные вспышки насилия в мире актуализируют необходимость разработок систем фасилитационного воздействия на группы, массы, сообщества с целью снижения вирулентной опасности их кризиса и распада. Показано, что фасилитация группового самосознания на основе ассоциативно-вербальных сетей подсознания как искусственных программ предметного действия способна служить инструментом превентивного акционизма групповой согласованности, снижая уровень когнитивных диссонансов в расколотом обществе.

Ключевые слова: дезорганизация группового мышления; программы воспроизводства значений и их смыслов; неосознаваемые концепты группы; категоризация опосредования; языковое подсознание группы; фасилитация.

Лучший способ для группы стать разумной — позволить каждому ее участнику думать и действовать как можно более независимо.

Д. Шуровьски

Я выхожу из своего одиночества к вашему сиротству и обворованности.

М. Мамардашвили

Академическая психологическая наука на основе существующих подходов к анализу быстро изменяющихся обществ не может дать объяснения глобальным процессам дезорганизации и дезориентации психологии и поведения больших социальных групп и предложить способы социальной самоорганизации и самоуправления. Согласно А.С. Ахизеру, проблема научной беспомощности заключается в отсутствии понимания общественного сознания как расколотого, кризисного и потому не готового преодолевать кризисы дезорганизации и дисперсии групповых значений. На протяжении последних трех десятиков лет проблема социальной согласованности российского общества драматично проявляется и в бессознательном ощущении угрозы жизненным стандартам, повышающем уровень агрессивности, и в массовых стрессах, и в копировании чуждого образа мыслей и поведения, блокирующем мобилизацию органических форм жизни. Кризисные феномены социального сознания смещают спектр политических, этических, эстетических, правовых критериев, принятых в оценках людей, ценностей,

событий, деформируют нравственные самозапреты («нельзя украсть, убить, солгать, слухавить»). В результате становятся массовыми палаческое отношение к человеку, одобрение мошенничества и тирании, манипулятивное искажение смыслового контекста реальности в угоду конъюнктуре. Рост дезорганизации группового сознания приводит к возникновению противоречий, конфликтов, расколов в разных формах, не в последнюю очередь, между сложившейся культурой и отношениями в обществе. Это рождает стимул к изменению ментальной культуры, то есть совершенствованию программ воспроизводства значений и их смыслов как социокогнитивной основы групповой психологии. Социальные отношения существуют в рамках в разной степени замкнутых сообществ, т.е. систем, составляющих некоторую целостность, имеющую центр управления, специфический опыт, формирующий субкультуру. Сообщества, от малой группы до гигантского общества, могут существовать, если деятельность их членов противостоит бесконечным разрушительным факторам (враждебности соседей, внутренним конфликтам, дезорганизации, нехватке жизненно важных ресурсов и т.д.), т.е. они существуют лишь как субъекты собственного воспроизводства» [1].

Все, что человек воспринимает и понимает, помещено для него в определенные рамки значений, подвергается своего рода «априорному означиванию»; нечто воспринимается и понимается человеком всегда уже из определенной «предвосхищающей» групповой

схемы, рамок памяти [2], позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом. Каждое общество (группа) производит отбор значений, классифицирует объекты реальности, синтезирует, противопоставляет и выстраивает иерархические системы ее категорий своим уникальным способом, который одновременно является условием понимания обществом самого себя и коммуникации между его членами на основе неосознаваемых концептов группы. (Концепты – ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта). Групповые концепты отличаются многослойностью значений, которые могут принимать как полифоничный, так и диссонансный характер. Будучи иерархически-структурами интеллекта, групповые концепты/категории различаются по степени эксплицитности и разделяемости ментальных комплексов. Понятие «ментальный комплекс» обозначает в данном случае систему представлений субъекта о картине мира, в котором он живет и работает. В его содержание входят как коллективные представления человека (групповая ментальность), так и индивидуальные (индивидуально-личностная ментальность). Так, русский образ жизни более тысячи лет формировался на основе соборности, родственности и товарищества, а психологически некомплементарный ему образ жизни российских татар вместо товарищества развивал клановость, а вместо соборности – авторитаризм [3]. Психологический синтез между некомплементарными (Л. Гумилев) образами жизни больших этнических групп принимал дидьюнктивный характер, схватывающий различия в качестве взаимотношения сущностей и ведущий к формированию специфического способа взаимной категоризации, так называемой категоризации опосредования, задающей неоднозначность понимания и тем самым способствующей росту его полисемии как основы компромиссов. Неинструментальные теории утверждают, что наша связь с социальными категориями и наша идентификация с ними – вещь предельно негибкая. С тем, что мы родились принадлежащими к этнической группе, не так просто что-то поделать. Просто выйти из нее невозможно: нельзя не принадлежать ни к какой этничности, а другие откажутся нас принять. Изменить свойства, ассоциирующиеся с этой группой, можно, но только в известных пределах, и это требует значительных усилий [4]. На этой основе пришли идеологии, признававшие за каждой формой групповой или коллективной идентичности право на существование и уважение [5].

Многолетние исследования социально-психологических самоорганизующихся систем привели к экспериментальным моделям объяснения смысловой и действенной природы психологических явлений дезорганизации групп путем истолкования их в качестве информации и информационной самопричинности (миросозерцание, мировоззрение). В постнеклассической науке объектом познания легатимировались саморазвивающиеся системы с присущими им свойствами системности, симметрии, дополненности, наблюдаемости, соответствия [6]. Это снимает ограничения с правил анализа ментальных процессов, не разрешимых ранее в классике и неклассике науки, которые сочли необходимым, борясь с религией, отказаться от познания неосознаваемых процессов, которые в древности были наделены нуминозными признаками.

В справочной литературе по философии ([7], [8], [9]), ряде других изданий понятие «миросозерцание» не дифференцировано или вовсе отсутствует. В редких случаях «миросозерцание» определяется через его соотношение с «мироощущением» и «мировосприятием» – как одна из составных частей «мировоззрения» – его эмоциональный компонент. «Личное ощущение

собственного пребывания в лоне мира» [10, с.169], порождение коллективных представлений о реальности как о воображаемом объекте [11] контролируется ассоциативными процессами дорефлективной групповой ментальности (мировоззрение, миросозерцание, мироощущение), редко достигающей индивидуальной осознаваемой предикации, но органично присущей языковому подсознанию индивида. Нерелективный тип языковой субъективности обеспечивает понимание как схватывание смысла, которое происходит в интервале между словами, прежде чем слово осознается.

Ментальная объективация реальности (когнитивная основа адаптации), малые различия между ее внутренними образами порождают бессознательные определения объектов реальности. Увеличение различий между ними ведет к осознанию как спецификации знаковых потоков. Игры ассоциативных механизмов скорее всего восходят к функциональным привычкам рефлекторного и сенсомоторного характера, порожденным созерцающим неокортексом.

Методы изучения мозговой активности: автоматической активации реакций понимания в соответствии с предметными задачами, непровольное формирование запасных вариантов языкового реагирования, автоматическая одновременная подготовка параллельных программ языкового реагирования при совершении сложного действия для всех вариантов развития действия, опознание предметов по категориальной модели объекта восприятия – все эти процессы свидетельствуют об антропной специфике мозга создавать вероятностную модель объектов процессе неосознаваемой объективации предмета в отсутствие осознанных представлений об объекте (консолидации / реконсолидации информации, записи / перезаписи информации и ее стабильных схем) [6]. «Самостный мир опытной ментальности остается недостижимым ни для эмпирических замеров, ни для психоисторических реконструкций», – утверждает эпистемолог исторической психологии В.А. Шкуратов [12, с.194]. Неявленность психической непосредственности принуждает психологию начинать с языка, отсекая тем самым телесно-мозговой субстрат порождения психического. Человек не начинается там, где говорит или печатает. Он начинается там, где созерцает, обрстая социально-ментальными привычками восприятия и понимания [6].

В конце XX века были сформулированы методологические основы социально-психологического управления групповыми процессами. Понятие группового мышления предложено И. Джанисом еще в 1972 году для описания феномена, особенность которого заключается в том, что члены идеологически сплоченной группы «подгоняют» свои мысли и выводы к тому, что принято считать консенсусом [13]. Подобный подход влияет на объективность точки зрения даже хорошо образованных и информированных людей. Следуя этой традиции и предлагая социально-коммуникативную трактовку дискурса, Ю. Хабермас связал само понятие дискурса с теорией социального действия – стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного, а также с проблемой социальной легитимности. Он особо выделил так называемое дискурсное общение, которое характеризуется им как свободное и консенсусное. Данный тип общения рассматривался как идеальная коммуникативная модель. По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия: «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования» [Цит. по: 14, с.66]. Для описания и анализа дискурса медиации особенно актуальными являются выведенные в рамках социально-коммуникативного подхода

«моральные принципы» построения дискурса. Так, например, дискурс всегда ориентирован на процедуру вовлечения и включения, признание «Другого» в качестве достойного участника, признания его права на иное мнение, что является необходимым в процессе медиации. А положение Ю. Хабермаса об «установке на преодоление конфликтности и противоречий не с помощью силовых методов, а посредством риторического убеждения, риторического влияния (фасцинации), в результате которого достигается одобрения определенной нормы или нормативного документа» [15, с.76] представляется особенно актуальным для изучения дискурса подсознательной медиации, в котором принятие чужой точки зрения и уважение к ней являются критически важными для достижения коммуникативной цели согласования позиций с помощью разнообразных фасилитативных и фасциативных подходов. Однако практики консенсуального творчества по всему миру заметного результата не дали, а радикальные вспышки группового насилия обнаружили утопизм рефлексивной работы с групповым интеллектом в системах образования. Тем не менее альтернативы гуманитарным технологиям пока не изобретено.

Гуманитарные технологии существовали всегда как сутьность миротворческих, профетических, психотерапевтических практик и профессий, в основе которых лежит разработка и реализация коммуникативных стратегий ([16], [17], [18]). Постмодернистский «маршрут» социальной инженерии означает многообразные формы политико-идеологической конкуренции, подчеркивает важность речевых практик, нацеленных на навязывание конвенциональной (социально-договорной) повестки дня путем дискурсивных реартикуляций. К.О. Апель ввел понятия трансцендентальной прагматики, «онтической редукции» (когда сущее определяется через другое сущее). Утверждая первичность диалога (интерсубъективной коммуникации) над индивидуальным сознанием, К.О. Апель считал основой этого диалога язык, понятый по аналогии с кантовскими категориями сознания. Основой языка для К.О. Аделя являются парадигматические очевидности [11].

Однако это далеко неочевидно для социальной инженерии гуманитарных технологий в России, вобществе с массово применяемыми технологиями манипуляции общественным сознанием, хотя «торможение» социальных реформ во многом обусловлено именно тоталитарным идеократическим способом коммуникаций. Вопреки европейскому опыту реформа типа коммуникации не предшествует реформированию общества как переходу от идеократической системы коммуникаций к конвенциональной.

В норме гуманитарный технолог переходит от идеологической работы с сознанием к способности создания содержания выбора, перспективы и развития волевой готовности субъекта смысла к постоянству усилий по поддержанию выбора и перспективы. Таким образом, разработка и реализация конвенциональных (не манипулятивных) коммуникативных стратегий способствует тому, что гуманитарные технологии (методологи, аналитики, консультанты, эксперты) не индифферентны к экзистенциальному, культурному, этическому содержанию коммуникаций, скрытому в них этосуконвенциализации и солидаризации общества, их историческому герменевтизму. Дискредитация рефлексивной работы в процессах межкультурного миротворчества указала на более фундаментальные подсознательные слои языкового сознания групп, легитимация которых в пространстве социальной работы означает новые способы мышления. Речь идет о процессах семиургии в сфере неявного знания больших социальных групп, их коррекции, активизации и мобилизации. Социальная психоллингвистика – та

сфера, в которой развиваются предлагаемые нами исследовательские подходы. С. Пинкер, крупнейший психоллингвист США, автор теории языкового разнообразия, указывает, что 6000 мировых языков определяются ограниченным количеством дискретных факторов. Развивая концепцию С. Пинкера [19], мы утверждаем, что дискретные факторы (ассоциации) пересекаются и взаимодействуют друг с другом, создавая преддискурсивное разнообразие ассоциативно-вербальных сетей и приводя тем самым к значительным изменениям смысла различия категориальных параметров определяют характер способности группы понимать мир и взаимодействовать с ним. Данный подход позволяет нам утверждать, что ассоциативно-вербальные различия формируют характер измененной концептуально-категориальной структуры группового подсознания: фреймов, категорий фреймов, их скриптов действия, намерения, каузирования социальных отношений и потому являются предметом параметризации и квалитетрии, и вследствие этого – управления. Идея регуляции социальной групповой психодинамики подсознания позволяет перейти от научного синтеза категорий (статистики социального сознания и самосознания) к анализу их возникновения, изменения, социокультурной легитимации как производству, сортировке, оценке, присвоению ценностных значений. Когнитивные комплексы (модели) групповой психологии, категориальные ориентиры их бифуркации создают информационную основу для слежения за изменениями и превентивных воздействий на них в кризисных ситуациях общественной жизни. Психологическое торможение модернизационных процессов в России, системные вспышки насилия в мире актуализируют необходимость разработок систем подсознательного воздействия на группы, массы, сообщества с целью снижения вирулентной опасности их кризиса и распада.

Фасилитация групп как превентивная подготовка к активации процессов групповой психодинамики социального самосознания в основном представлена экстермальными подходами (анализ ситуации, формирование видения будущего и создания идей, разработки групповых решений проблем и планирования конкретных действий; техники «анализа силового поля» и др. Фасилитация категориальных схем языкового подсознания групп, по преимуществу, интернально: работа с неявным знанием, с визуальными образами, работа с постпамятью групп и др.).

В проведенных экспериментах по фасилитации группового самосознания¹ обосновано, что она не столько подавляет несогласие, сколько исключает его возникновение. Этот процесс наиболее ярко протекает в ситуациях, когда участники группы характеризуются единым складом ума и сходным опытом. Поскольку информация, которая может представлять собой угрозу общепринятому мнению, либо исключается, либо подается как явно ошибочная, то есть люди с групповым мышлением совершенно убеждены в своей правоте, обновление установок может протекать только в искусственно регулируемых средах фасилитации. Такой средой может стать любая среда предоставления, реабилитации и поддержки. Принцип установления адекватных отношений между различными типами институциональных изменений, что означает пропорциональное и сбалансированное развитие личностной и социально-организационной подсистем общества, которое предполагает в качестве одного из условий успешной социоинженерной деятельности учет менталитета или, говоря словами Э. Фромма, социально-
1 Авторские экспериментальные школы русской культуры 1992-1994 г. (Саратовская область, проект «Русские корни»), 1994-1998 г., (Самара, проект «Традиция»), экспериментальное видеосоисследование социальной группы «Расколотое сознание» 2010-2011г., эксперимент по работе с групповой постпамятью общины, проект сельского музея «Предки и потомки» 2013-2015 г. в с. Екатериновка Самарской области.

го характера людей, вовлекаемых в преобразовательные процессы. Как известно, эти процессы изменяются гораздо медленнее, чем сами социальные институты и их материальное окружение. Игнорирование этого принципа в практике социальных преобразований служит, как правило, одной из главных причин их торможения и сопротивления переменам и нововведениям.

Данное предположение подверглось исследованию в работе с социальной сельской общиной, сознание которой было депривировано на протяжении более 250 лет религиозным конфликтом (проживание на одной территории староверов и православных «нововеров»). Видеоисследование «Расколотое сознание» [20], ведшееся совместно с сельчанами в течение 2-х лет, способствовало выработке общего нового представления большинства, что современное сознание членов группы с христианской идентичностью проработано христианскими смыслами, но оставлено ими. Групповым решением явилось строительство сельской церкви. Наряду с этим возникло краеведческое движение общины за возрождение исторической памяти сельчан. Его итогом стало создание сельского музея социальной памяти и выпуск серии краеведческих альманахов.

Таким образом, фасилитация группового самосознания на основе ассоциативно-вербальных сетей подсознания как искусственных программ предметного действия способна служить инструментом превентивного акционизма групповой согласованности, снижая уровень когнитивных диссонансов в расколотом обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Том I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 804 с. – Режим доступа: <http://eccosman.hse.ru/text/19187891/>
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Признания верующего вольнодумца. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 253 с. – (Духовное наследие русского зарубежья).
4. Craig C. The Problem of Identity in Collective Action / In J. Huber (ed.). Macro-Micro Linkages in Sociology. Beverly Hills, CA: Sage, 1991. P. 1–75.
5. Cohen A. 1974. The Lesson of Ethnicity / In A. Cohen (ed.) Urban Ethnicity. London: Tavistock Publications,

1974. P. 9–22.

6. Рулина Т.К. Созерцание – процесс непроизвольного визуального представления воображаемого объекта // Созерцание VS Воображение Самара, 2005. (Рукопись монографии / Хранится в личном архиве автора).
7. Кемеров В. Философская энциклопедия. М.: «Панпринт», 1998. 453 с.
8. Новая философская энциклопедия в 4 тт. М., 2000–2001.
9. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
10. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. Том 1. М., 1992. С.50–156.
11. Апель К.О. Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // Философия без границ: сб. ст.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Издатель Воробьев А. В., 2001. С. 47–67.
12. Шкуратов В.А. Историческая психология: Уч. пос. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 505 с.
13. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / Пер.с англ. И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1967. 152 с.
14. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн. ЗАО «Экономпресс, 2000. 224 с.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 419 с
16. Грановский В. Гуманитарные технологии (проблемное пространство) / Агентство гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://www.xyz.org.ua/discussion/humanitariness.html>.
17. Елисеев С.М. Проблемы и парадоксы гуманитарных технологий // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб., 2001. С. 28.
18. Луков В.А. Социальное проектирование. М. Изд-во Моск. гуманит. -социальн. академии: Флинта, 2003. 240 с. .
19. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
20. Расколотое сознание: Фильм о Екатериновке [Видеозапись] // Режим доступа: www.youtube.com «Расколотое сознание». Фильм о Екатериновке.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этно-национального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

MENTAL APPROACH TO FACILITATION OF LARGE SOCIAL GROUPS: SECURITY PROBLEMS COLLECTIVE INTELLIGENCE COMMUNITY

© 2015

T.K. Rulina, candidate of pedagogical sciences,
docent of the Department of General and Social Psychology
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract: The article discusses approaches to mental facilitation processes contributing to the harmonization of group intelligence. The possibility of programming the reproduction of values and meanings, leading to an increase in the polysemy of language as a basis for the subconscious sense of compromise in the group. The notion of «categorization mediation» given the ambiguity of understanding and thus contributes to the growth of its polysemy as a basis for compromise. It is alleged that in facilitation semiurgy prediskurs thinking processes contributes to significant changes in the sense of minor changes to the parameters of categorization as a fundamental subconscious layers of linguistic consciousness of groups legitimized in social work mean new ways of thinking. It is a process semiurgy tacit knowledge in large social groups, their correction, activation and mobilization. Psychological inhibition of modernization processes in Russia, systemic violence in the world of the need to actualize the development of systems facilitation impact on the group, the masses, the community in order to reduce their vulnerability to virulent crisis and decay. It is shown that facilitation of group identity on the basis of verbal associative networks subconscious as the artificial objective action programs can serve as a tool for preventive activity group consistency, reducing the level of cognitive dissonance in a divided society.

Keywords: disorganization of groupthink; reproduction program values and their meanings; unconscious concepts of group categorization mediation; linguistic subconscious group facilitation.

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭКОПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

© 2015

Е.И. Чердымова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии
социальной сферы и демографии
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы и необходимость расширения системы подготовки будущих специалистов в области профессиональной экологической деятельности; возможность формирования экопрофессионального сознания студентов в процессе интеграции экологической и профессиональной подготовки. Рассмотрены социальные и психолого-педагогические факторы формирования экопрофессионального (ЭП) сознания; психолого-педагогические условия формирования ЭП сознания студентов вузов в процессе экопрофессиональной подготовки в целях устойчивого развития общества.

Ключевые слова: экопрофессиональная подготовка; экопрофессиональное сознание; структурные компоненты экопрофессионального сознания: когнитивный, ценностно-мотивационный, ориентационный, конативный.

На современном этапе ключевым инструментом парадигмы перехода человеческой цивилизации на модель устойчивого развития является интеграция экологической и профессиональной подготовки и как результат - формирование экопрофессионального сознания. Условием и ведущей стратегией непрерывного развития человечества, цивилизации является устойчивость, стабильность, которая может быть достигнута только в результате установления коэволюционных отношений между обществом и природой как качественно новой системы социокультурных экологически ориентированных регуляторов человеческой деятельности.

Непонимание законов функционирования экосистем разного уровня стало одной из причин совместного кризисного состояния биосферы, а соответственно - возникновения проблемы экологической безопасности. При этом сложившееся представление о том, что все экологические проблемы сводятся лишь к борьбе с загрязнением среды, в силу своей ограниченности начинает служить тормозом на пути к созданию глобальной экологической безопасности. Становится все более очевидным, что те цели, которые изначально ставились перед экологическим образованием, все еще остаются недостижимыми.

В настоящее время необходимо расширить систему подготовки специалистов в области профессиональной экологической деятельности, а также повышения квалификации и переподготовки специалистов разного профиля по вопросам рационального природопользования, охраны окружающей среды и экологической культуры.

Данное противоречие обуславливает необходимость выработки принципиально новых подходов к организации экологического образования, которые реально обеспечили бы не просто репродуктивное усвоение экологических знаний обучающимися, а реальное формирование у них в процессе обучения экопрофессионального намерения, практической способности и готовности применять экопрофессиональные знания в конкретной профессиональной деятельности на основе экологически ориентированной системы мировоззренческих представлений и ценностей.

Одним из возможных способов разрешения данного противоречия является ключевой инструмент парадигмы перехода человеческой цивилизации на модель устойчивого развития Человека и Природы интеграция экологической и профессиональной подготовки с целью формирования ЭП сознания, так как оно является важным звеном в системе результатов ЭП подготовки.

Таким образом, формирование экопрофессионального сознания напрямую связано с экопрофессиональной подготовкой, осуществляемой различными социальными институтами общества. Особое место среди них занимает высшая профессиональная школа.

Сущностная характеристика экопрофессионального сознания как результата интеграции экологической и профессиональной подготовки в целях устойчивого

развития отражает следующие аспекты: концептуальные (система базовых положений, общедидактических принципов, принципов деятельностного, субъектно-деятельностного, экопсихологического подходов); структурные:

- *когнитивный* компонент представляет собой познавательную и аккумулятивную функции личности студентов. Он включает в себя Научные знания о природе, взаимосвязи человека с природой; о балансе между сложившейся экологической обстановкой и профессиональной деятельностью; об экологических закономерностях развития ситуации в техносфере;

- *ценностно-мотивационный* компонент отражает рефлексивно-порождающую функции и включает ценности и идеалы, в основе которых лежат экопрофессиональная позиция, социальные нормы и правила, регулирующие повседневную жизнь и профессиональную деятельность;

- *ориентационный* компонент представляет собой экопрофессиональные ориентации и установки на прогнозирование влияния профессиональной деятельности на экологическую ситуацию. Установки на получение, поиск, переработку информации по уменьшению негативного воздействия техносферы и творчески использовать ее в своей практической профессиональной деятельности;

- *конативный* - намерение вести практические исследования и делать выводы по техногенной нагрузке на окружающую среду профессиональной деятельности. Намерение студентов к профессиональной деятельности в соответствии с экологическим императивом – использованием специальных экопрофессиональных знаний в конкретных профессиональных условиях, намерения как сознательное стремление специалиста завершить профессиональное действие соответственно намеченной программе, направленной на достижение предполагаемого как профессионального, так и экологически обоснованного результата. Экопрофессиональное намерение выступает как момент внутренней подготовки к исполнению действия и наиболее эффективно прогнозирует экологическое поведение в профессиональной деятельности [2, 4, 6].

Конативный компонент экопрофессионального сознания детерминирован системой побудительных сил субъектов интеграции, их опредмеченных экологических потребностей, притязаний, намерений в профессиональной деятельности.

Показателем конативного компонента являются намерения. В этом качестве, как считает Л.П. Буева, сознание непосредственно выступает как механизм «внутреннего регулятора социальной деятельности и поведения личности» [1]. Проведя математическую обработку данных, при помощи Т-критерия Вилкоксона, мы выяснили, что сдвиг результатов экопрофессионального сознания и его компонентов, после проведения эксперимента, попадают в зону

значимости. Достоверность типичных изменений, равна 0,01, т.е. формирование экопрофессионального сознания и его компонентов с помощью модели интеграции экологической и профессиональной подготовки эффективно. Так же опираясь на данные, полученные с помощью Т-критерия Вилкоксона, мы можем говорить о том, что формированию поддаются все компоненты экопрофессионального сознания: конативный ($T_{Эмп}=17,5$), ценностно-мотивационный ($T_{Эмп}=15$), ориентационный ($T_{Эмп}=9,8$), когнитивный ($T_{Эмп}=6,1$). Коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена, показывает, что в зону значимости попали все критерии. Наибольшая связь установлена в паре экопрофессиональное сознание – намерение ($r_s=0,839$ корреляция значима на уровне 0,01); значимость между экопрофессиональным сознанием и отношением ($r_s=0,641$ корреляция значима на уровне 0,01); следующее по значимости между экопрофессиональным сознанием и установкой ($r_s=0,447$ корреляция значима на уровне 0,05) и меньше всего значимая взаимосвязь между экопрофессиональным сознанием и знаниями ($r_s=0,431$ корреляция значима на уровне 0,05). Поведение личности – это вершина айсберга, «подводную» часть которого образуют доминирующая система мотивов, потребностей, интересов и установок личности, характерологические особенности человека, его система отношений к социальному окружению и к самому себе, особенности восприятия и переживания личностью данной конкретной ситуации и др.

Формирование экопрофессионального сознания сталкивается с определенными трудностями, препятствующими его формированию в целом, и его структурных компонентов в частности: отсутствие целенаправленной и последовательной государственной и региональной политики по экологической ориентации в профессиональной подготовке студентов вузов; отсутствие государственных и региональных образовательных стандартов экологической ориентации на всех уровнях профессиональной подготовки, заканчивая поствузовским образованием, в том числе профессиональной переподготовки и повышением квалификации работников предприятий, учреждений и органов управления; отсутствие государственного заказчика на эколого-ориентированное профессиональное образование; слабая связь экологической подготовки с профессиональной подготовкой; слабое научно-методическое обеспечение экологической ориентации в профессиональной подготовке, теоретических и методических основ организации интеграции экологической и профессиональной подготовки; необходимость координации и управления системой ЭП подготовки, создания дидактических комплексов, соответствующих методик; отсутствие системы качества ЭП подготовки, включающей прогнозирование целей и результатов, технологическое сопровождение, формирования не только ЭП знаний и умений, но и отношений, установок, намерений, личностных, духовных и гражданских качеств будущих специалистов; неудовлетворительная подготовка педагогических и научных кадров системы ЭП подготовки; слабая (а нередко и негативная) роль средств массовой информации в экологической информированности, образовании и воспитании студентов; недостаточные адаптация и использование международного опыта в области экологической ориентации профессиональной подготовки.

Однако, существуют факторы, способствующие формированию экопрофессионального сознания, как ключевого инструмента парадигмы перехода человеческой цивилизации на модель устойчивого развития: необходимость ценностной ориентации экопрофессиональной подготовки на коэволюцию человека и биосферы; способность личности к восприимчивости, переживанию и осмыслению взаимосвязи

между сложившейся экологической ситуацией и профессиональной деятельностью; экологическая готовность специалистов сознательно реализовывать экологически целесообразную профессиональную деятельность в целях устойчивого развития и коэволюции человека и природы; заинтересованность общества в познании, преобразовании и поддержании среды в оптимальном состоянии; изменяющаяся личное отношение к природной среде, собственная экологоориентированная профессиональная деятельность человека; возрастающие техногенные и антропогенные нагрузки на человека и природную среду, расширение круга и уровня опасностей современного мира; изменения в науке и технике, направленные на развитие исследований природных и техногенных опасностей, развитие методов снижения негативного воздействия человека на природную среду; экологическое образование, реализуемое в стране, как ключевой социальный фактор перемен, направленных на устойчивое развитие системы «Человек-Природа-Общество».

Формирование экопрофессионального сознания становится возможным тогда, когда учтены специальные психолого-педагогические условия, обеспечивающие экопрофессиональную подготовку студентов в вузе: создание развивающей экологообразовательной среды для возможности обеспечить комплексное формирование ЭП сознания студентов – ее субъектов; реализация уровней интеграции экологической и профессиональной подготовки студентов для формирования когнитивного, ценностно-мотивационного, ориентационного и конативного компонентов ЭП сознания; использование при формировании ЭП сознания теоретических подходов синергетического, интегративного и экпсихологического подходов для обеспечения целостности формирования ЭП сознания; учет индивидуального опыта экологической ориентации в деятельности студентов при разработке содержания ЭП подготовки для обогащения витагенного опыта осмысленной экопрофессиональной деятельности; наличие квалифицированных, творческих кадров преподавателей вузов, способных и готовых не только работать со студентами по-новому, но стремящихся к собственному экопрофессиональному росту и развитию для усиления эффекта сплайсинга когерентного уровня интеграции; выявление уровня развития экопрофессионального сознания у студентов на каждом этапе профессионального становления; раскрытие и обоснование психологической составляющей экопрофессионального сознания для эффективного формирования ЭП сознания, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к нему современным обществом; использование преподавателями вуза стратегии по развитию экопрофессионального сознания студентов, базирующейся на модели интеграции экологической и профессиональной подготовки для разработки интегративно-функционального содержания занятий, способствующих формированию ЭП сознания, личности в этом процессе. [3]

Эффективным формирование экопрофессионального сознания, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к нему современным обществом, может быть тогда, когда имеется сконструированный диагностический инструментарий, который позволяет вести мониторинг на каждом этапе становления экопрофессионального сознания, так как разработанный комплекс диагностического инструментария (критерии, показатели, опросники) направлен на диагностику: степени изменений когнитивного компонента, направленности познавательной активности о природе, взаимосвязи человека с природой; о балансе между сложившейся экологической обстановкой и профессиональной деятельностью; об экологических закономерностях развития ситуации в техносфере; сте-

пени изменений ценностно-мотивационного компонента ЭП сознания, степени изменений в мотивации, ценностях, в основе которых лежат экопрофессиональная позиция, социальные нормы и правила, регулирующие повседневную жизнь и профессиональную деятельность; степени изменений ориентационного компонента ЭП сознания, степени изменений экопрофессиональных ориентаций и установок на прогнозирование влияния профессиональной деятельности на экологическую ситуацию, установок на получение, поиск, переработку информации по уменьшению негативного воздействия техносферы и творчески использовать ее в своей практической профессиональной деятельности; степени изменений когнитивного компонента ЭП сознания, намерения вести практические исследования и делать выводы по техногенной нагрузке на окружающую среду профессиональной деятельности. Намерение студентов к профессиональной деятельности в соответствии с экологическим императивом – использованием специальных экопрофессиональных знаний в конкретных профессиональных условиях. С помощью данного опросника выявляется уровень актуальной готовности, намерения к профессиональной экологически целесообразной деятельности, изучается самостоятельность и экопрофессиональная зрелость личности.

Существует нелинейность в становлении экопрофессионального сознания, в общем виде выявленные различия в диспозициях субъектов профессионального обучения и нарушение возрастной преемственности формирования экопрофессионального сознания и его структурных компонентов. [5]

Экспериментальная апробация разработанной модели интеграции экологической и профессиональной подготовки студентов в вузах и осуществленный сравнительный анализ уровней сформированности экопрофессионального сознания студентов до и после эксперимента, свидетельствуют об успешном

формировании экопрофессионального сознания у большинства студентов. Необходимо констатировать, что наибольший сплайсинг экологической и профессиональной подготовки, в рамках реализации когерентного уровня интеграции наблюдается у студентов 5 курса из группы гуманитарной направленности, у студентов 3 курса группы естественно-научной направленности, у студентов 5 курса экономической направленности и у студентов 1 курса технической направленности.

Результаты структурного, корреляционного анализа эмпирических данных подтверждают теоретически обоснованную многокомпонентную структуру экопрофессионального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буева, Л.П. Социальная среда и сознание личности [Текст] / Л.П.Буева. М.: МГУ, 1968. 268 с.
2. Чердымова, Е.И. Экологическое сознание (теоретические и эмпирические исследования) [Текст]: монография / Е.И.Чердымова. Самара: ПГСГА, 2011. 140 с.
3. Чердымова, Е.И. Модель интеграции экологической и профессиональной подготовки студентов в процессе обучения в вузе [Текст]: монография / Е.И.Чердымова. – Москва: УРАО, 2012. 231 с.
4. Чердымова, Е.И. Экологическое намерение личности Экологическое намерение личности [Текст]: монография / Е.И.Чердымова. Москва УРАО, 2013. 238 с.
5. Организационно-психологическое сопровождение формирования экопрофессионального сознания студентов [Текст]: монография /Е.И.Чердымова, Т.М.Сорокина.-Изд-во «Самарский университет», 2013. 348с.
6. Горбачева Н.Б. Изучение молодежи в социологическом аспекте // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 57-60.

THE PROBLEM OF EXISTENCE ELOPROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF THE FUTURE SPECIALIST

© 2015

E.I. Cerdimova, candidate of psychological science, associate Professor of Department of sociology social and demographic
Samara State University, Samara (Russia)

Abstract: The article describes the problem and the need for expansion of the system of training of future specialists in the field of professional environmental activities; the possibility of forming eloprofessional consciousness of students in the process of integrating environmental and training. Examines the social and psychological-pedagogical factors of formation eloprofessional (EDS) consciousness; psychological-pedagogical conditions of formation of consciousness EP students in the process eloprofessional training for sustainable development of society.

Keywords: Eloprofesional training; eloprofessional consciousness; structural components eloprofessional of consciousness: cognitive, motivational, orientation, connotative.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА-УПРАВЛЕНЦА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2015

Ю.А. Афонин, доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент»
*Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)***Л.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Управление персоналом и социология»*Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара (Россия)*

Аннотация: В статье представлен дискурс, основанный на новейших теоретических достижениях и прикладных результатах в разработке этой научной проблемы. Рассматриваются современные требования к лидеру, а также история развития представлений о лидерстве, эффективные принципы управления. Описываются цели, задачи и методы работы эффективных управленцев на основе истории их жизни, а также основные подходы к формированию личностных качеств топ-менеджеров российских компаний.

Ключевые слова: управляющий, управленец, менеджер, когнитивные способности, эмоциональный интеллект, технические навыки, профессиональные компетенции, экзистенциальная тревога.

Основные требования к современному лидеру характеризуются следующими положениями.

Лидеры XXI в. должны обладать большим числом навыков и умений, чем их предшественники из XX столетия. Знание языков, культур и широкого спектра специальных предметов станут и уже становятся жизненно важным условием для достижения успеха.

Лидеры XXI в. поставят перед собой новые цели, на реализацию которых направят все свои усилия. Отпраздновав очередной успех, они незамедлительно начнут работать во имя новых достижений. Лидер XXI в. - менеджер с четко сформулированной системой ценностей, он обладает способностью смотреть вперед [1].

Лидер XXI в. - командный игрок, потому что превосходных результатов можно добиться за счет кооперации, а не упорной конкуренции и индивидуальных достижений. Это корреспондируется с концепцией синергетики, под которой понимают эффект, который могут произвести комбинированные поступления от ресурсов компании, используемых вместе, по сравнению с суммой поступлений от их отдельных частей. Сущность данного подхода Ансоффа можно выразить простым уравнением $2+2=5$.

Таким образом, выделим три ключевые переменные успеха лидеров XXI в.: отношения с подчиненными, открытость и любовь, участие в процессе.

Лидер XXI в. - инновационный менеджер.

Лидер XXI в. - системно мыслящий менеджер.

Лидер XXI в. - антрепренер собственной судьбы, реализующий принцип «Я-концепция».

Наконец, чтобы быть успешным менеджером, следует развить понимание сложного разнообразия сообществ и приобрести умение воспринимать управленческие процессы системно [2].

Но даже выдающийся человек - лидер не может конкурировать с несколькими традиционными менеджерами, обыкновенными людьми, которые будут действовать на основе принципов организационной культуры, начинающей занимать важное место в управленческой культуре в целом. Поэтому каждый управляющий, входящий в организацию, должен хорошо освоить принципы ее функционирования и развития, иначе никакие природные данные и высокие личностные качества менеджеру не помогут. Особенно они должны быть готовы к действиям в различных кризисных ситуациях: выявлять области действия организации, наименее устойчивые в условиях кризиса; осуществлять обучение персонала действиям в условиях кризиса и регулярно проверять его готовность к эффективным действиям, моделированию кризисных ситуаций; наконец, обращать кризис на пользу организации.

Современные парадигмы управления XXI в. - это соединение науки, искусства и опыта.

Современный управленческий опыт состоит в том, что возрастает профессионализм управленцев. Время дилетантов и специалистов «на все руки»

уходит в прошлое. В большинстве стран поняли, что далеко не каждый человек способен управлять, даже если он квалифицированный инженер, врач, учитель, ученый и т.д., для управления требуется еще что-то: дополнительные личные дарования, специальная профессиональная подготовка, накопленный личный опыт управленческой деятельности. Получила юридическое закрепление специальность «управляющий» («управленец», «менеджер»). Такие люди стали рассматриваться в качестве «золотого фонда» нации.

Важно сделать практические выводы из осознания того факта, что с переходом к инновационному типу развития производства повышается востребованность персонала с высшим образованием, происходят изменения в структуре источников финансирования высшей школы. Речь идет, в частности, о снижении доли государственных ассигнований и увеличении корпоративных расходов на финансирование деятельности вузов. Образовательные структуры и корпорации имеют все возможности формировать специализированные структуры (технопарки, бизнес-центры, научно-производственные объединения), цель которых - ускорение внедрения в производство результатов научных исследований и разработок [3].

Для российского сообщества не подходят американские традиции прагматизма в управлении на уровне менеджмента, которые соответствуют чертам национального характера, философско-мировоззренческим принципам достижения успеха не всем обществом, а его отдельными представителями, реализация в управлении принципа «Хорошо мне - хорошо фирме, обществу в целом».

Скорее, даже беглое сопоставление российской коллективистской (общинной) ментальности с японской (азиатской) корпоративной мотивацией экономического поведения показывает их глубокое органическое родство. Поэтому для мотивационной модели менеджмента в России ближе принцип, наполненный высоким нравственным содержанием: «В условиях свободного рынка прибыль - награда, которую общество вручает тем, кто служит его интересам». Исходя из этого посыла, российские программы экономических преобразований должны всесторонне учитывать как особенности национальной ментальности, так и сложившиеся мотивационные стратегии деятельности [4].

Кроме того, работа менеджера не укладывается в какую-то одну плоскость и требует от руководителя обладания широким кругом навыков. Их можно объединить в три категории: концептуальные, человеческие и технические, - степень необходимости которых варьируется в зависимости от положения менеджера на служебной лестнице: неруководящие работники (персонал), менеджеры низшего звена, менеджеры среднего звена, высшие менеджеры.

Но независимо от нее эффективный руководитель должен обладать всеми тремя основными видами навыков.

Уровень управления

Рассмотрим взаимосвязь концептуальных, человеческих и технических навыков управления и уровня менеджмента

Концептуальные навыки - это когнитивные (познавательные) способности человека воспринимать организацию как единое целое и в то же время четко выделять взаимосвязи ее частей.

Как отмечал Скотт Оки, старший вице-президент по продажам и маркетингу «Microsoft» в США: «Каждая часть компании живет своей собственной жизнью, а Билл Гейтс - выполняет функции объединяющего их клея».

По мере того как менеджер продвигается на верхние уровни иерархии организации, он должен уделять все больше внимания развитию концептуальных навыков. В противном случае его путь на вершину «пирамиды» может закончиться на дальних подступах к ее вершине [5].

Например, старший инженер, который с головой погружен в технические проблемы, не задумываясь о стратегии развития организации, вряд ли добьется успеха, если ему будет поручено руководство компанией, ибо такие обязанности высших менеджеров, как принятие решений, распределение ресурсов и проведение изменений, требуют более широких взглядов [6].

Под *человеческими навыками* понимают способности менеджера к работе с людьми и посредством людей, а также умение эффективно взаимодействовать в качестве члена команды, проявляющееся в том, как менеджер относится к сотрудникам: как он мотивирует их, как содействует их деятельности и координирует ее, подает пример, как он общается и разрешает конфликты. Обладая развитыми человеческими навыками менеджер мотивирует подчиненных к самовыражению, стимулирует их вовлеченность в деятельность организации [7].

Технические навыки - это специальные знания и умения, необходимые для выполнения рабочих задач, т.е. навыки использования методов, технологий и оборудования, необходимых для выполнения производственных функций, таких как исследования и разработки, производство и финансы. Владение менеджером техническими навыками предполагает наличие профессиональных знаний, аналитических способностей и умения правильно применять инструментальные и иные средства для разрешения проблем в данной конкретной области. Особенно важны технические навыки на низших организационных уровнях [7,8].

Многие работники получают свою первую управленческую должность (т.е. становятся менеджерами) благодаря прежде всего своим навыкам в технической области. Однако по мере продвижения по ступенькам иерархии потребность в них уменьшается, а значение человеческих и концептуальных навыков возрастает [7, 9].

Для современного лидера-управленца планирование карьеры не должно быть жестким, сузженным до одного из возможных вариантов или представляющим собой некую карту единственного пути. Никто не в силах заглянуть в будущее на десять лет. Стержнем плана должна быть самооценка и примерное направление движения, согласующееся с вашими сильными сторонами («Делайте что должно, а там как получится»). Жизнь - это последовательность случайностей. Люди должны быть готовы к появлению благоприятных возможностей. (Важно оказаться в нужном месте в нужное время.) Львиная доля успеха в карьере определяется вашим умением в момент появления

автобуса уже стоять на остановке, если организация настолько статична, а наемные работники точно знают, где окажутся через пять лет, это свидетельствует лишь о том, что их работа стоит немного. Планирование карьеры является для вас средством рассмотрения широкого диапазона вариантов выбора, которые вас удовлетворяют, и выбора пути к цели, который представляется наилучшим в данный момент. Оно дает возможность заглянуть в себя, помогает своевременно корректировать ваши жизненные планы [10].

На современном этапе актуализировался вопрос о выяснении степени зависимости успешности трудового коллектива от личностных и деловых качеств руководителя.

Современные данные позволили составить перечень качеств руководителя и проранжировать их по значимости влияния на социально-психологическую атмосферу в коллективах:

1) профессионализм, включающий знание современных технологий, высокую способность влиять на свое окружение, изобретательность и способность к инновациям, умение перестраиваться к измененным условиям деятельности (85% респондентов);

2) постоянный профессиональный рост и развитие профессиональной предметности мышления (отметили около 71% опрошенных);

3) высокая ответственность за принятие решения (способность преодолевать трудности на пути их реализации подчеркнул каждый 5-й респондент);

4) деловитость и предприимчивость (63% участников опроса);

5) умение умно рисковать, уверенность в своих силах, настойчивость в достижении поставленной цели, способность самоуправления в сложных обстоятельствах профессиональной деятельности (58%);

6) умение взаимодействовать с людьми (около 50% респондентов);

7) умение создавать психологический комфорт для подчиненных, умение предотвращать конфликты и решать их, способность к сопереживанию (эмпатия) (47%);

8) моральные качества. Под ними респонденты понимают порядочность, честность, гуманность (41%);

9) властный, волевой характер, способность игнорировать авторитеты, если это связано с достижением поставленной цели (27%);

10) физические качества (выносливость, сила, умение расслабляться и концентрироваться в решающий момент) (13%) [10].

Все вышеприведенное свидетельствует о том, что представления о модели личности современного руководителя достаточно целостны и соответствуют требованиям времени. Руководитель, который стремится работать максимально эффективно и рассчитывает использовать все возможности своих подчиненных, должен быть разносторонней личностью. Современного руководителя отличают глубокие знания действительности, понимание целей фирмы или организации, умение видеть проблемы, выделять из них наиболее существенные, восприимчивость к новизне и изменениям, предвидение результатов, которых необходимо достичь. Он должен обладать умственными способностями выше среднего уровня, уметь логически мыслить, творчески решать проблемы и с минимальными затратами идти на риск, принимать решения, брать на себя ответственность за их выполнение. Руководитель должен обладать и крепким здоровьем, устойчивой психикой, быть энергичным, решительным, терпимым [9,11].

Можно представить следующую модель лидера-управленца (Табл.1):

Таблица 1 - Модель лидера-управленца

№ п/п	Личностная характеристика, качество	Индикаторы качеств
1	Поиск возможностей и инициативность	Видит и использует новые деловые возможности; действует до того, как его вынудят к этому событию
2	Упорство и настойчивость	Готов встретить вызов или преодолеть препятствие; меняет стратегии, чтобы достичь цели
3	Готовность к уменьшению риска	Предпочитает ситуации умеренного риска; взвешивает его, предпринимает действия, чтобы уменьшить риск или контролировать результаты
4	Ориентация на эффективность и качество	Находит пути делать продукцию качественнее и дешевле; стремится достичь совершенства, улучшить стандарты эффективности
5	Вовлеченность в рабочие контакты	Принимает на себя всю ответственность и идет на личные жертвы для выполнения работы
6	Целеустремленность	Ясно выражает цели, имеет долгосрочное видение; ставит и корректирует краткосрочные задачи
7	Стремление быть информированным	Лично собирает информацию о клиентах, поставщиках, конкурентах; использует в этих целях личные и деловые контакты для своей информированности
8	Систематическое планирование и наблюдение	Планирует, разбивая задачи на подзадачи; следит за финансовыми показателями; разрабатывает или использует процедуры слежения за выполнением работы
9	Способность убеждать и устанавливать связи	Использует осторожные стратегии для влияния и убеждения людей, а также деловые и личные контакты как средство достижения своих целей
10	Независимость и самоуверенность	Стремится к независимости от правил и контроля других людей; полагается на себя; верит в свою способность выполнять трудные задачи

Опубликованы различные исследования, которые демонстрировали эмоциональный интеллект как главный фактор, определяющий различие между успешными лидерами и посредственными управленцами [12].

Гольман установил, что в основе эмоционального интеллекта лежит уверенность в себе, знание своих собственных способностей и ограничений, а также твердое понимание причин и ситуаций, вызывающих ту или иную эмоцию в себе и других. Оснащенный таким рода навыком, менеджер может лучше управлять своими собственными эмоциями и поведением и лучше понимать и строить отношения с другими людьми.

Наиболее успешные руководители являлись обладателями самого высокого уровня самосознания, самоуправления, социальных навыков, словом, всего того, что входит и в понятие эмоциональной компетенции.

Таким образом, черта, отличающая выдающихся менеджеров, была найдена. Исследование также показало, что эмоциональный интеллект как технический навык можно развивать. Тем не менее, в отличие от технических навыков, связи в нашем мозге, отвечающие за социальную и эмоциональную компетенцию отличаются от тех, которые управляют познанием и умственным обучением. Так как истоки социальной и эмоциональной компетенции зачастую

идут из раннего детства и подкрепляются в последующие годы, эти навыки имеют тенденцию сливаться с нашей «Я-концепцией» [13].

Из приведенных в модели качеств личности видно, что одни из них - результат обучения и опыта, другие представляют собой врожденные свойства и остальные - продукт развития природной предрасположенности.

Предпринимательство выступает как особый вид деятельности, в основе которой лежит ряд неперенных условий и требований. Во - первых, обязательным условием и признаком предпринимательской деятельности является свобода в выборе направлений и методов деятельности, самостоятельность принятия решений. Во - вторых, предпринимательство предполагает ответственность за принимаемые решения, их последствия и связанный с этим риск. В - третьих, признаком предпринимательской деятельности является ориентация на достижение коммерческого успеха, получение прибыли, что связано с рыночной структурой экономики. Функция, выполняемая предпринимателями в экономике, состоит в обеспечении и совершенствовании экономической системы, в ее постоянном обновлении. Предприниматели являются движущей силой экономики. В этом смысле они представляют собой «золотой фонд» нации, ее редкий ресурс (6-8% населения страны), обладающий определенным стилем и типом поведения, образом мыслей. Поэтому «предприниматель» - явление штучное. Помимо всех социальных, экономических и прочих условий [14], предпринимателем надо еще и родиться. Именно с таким типом поведения связана особая функция созидательного разрушения, выполняемая предпринимателями в экономике. Она состоит в обеспечении развития и совершенствования экономической системы, ее постоянном обновлении, создании инновационной среды, ломающей традиции.

Современный лидер-управленец - собственник. Поэтому он должен ориентироваться на себя, должен быть свободен от общественного мнения, должен обладать сильной интуицией и энергетикой, у него должно быть целостное видение ситуации [15-19]. Реализуя социальную модель «Я - концепция», он должен обладать способностью проникнуть в ее суть даже при наличии дефицита информации. Одновременно с этим он является наемным менеджером, у него должна быть гибкость в общении, умение просчитать стратегические и тактические цели, создавать коллективное мнение, быть адаптивным сотрудником, принимая ценности социума, но не растворяясь в них, иначе потеряется как личность [15, 20].

Современные лидеры-управленцы должны обладать здоровым конформизмом, чтобы не тратить время на борьбу с ветряными мельницами. Они должны быть обучаемы. После получения диплома они недостаточно образованны с точки зрения конкретно-практических знаний, они должны научиться управлять своими эмоциями, своим интеллектом, своей физиологией, уметь добиваться поставленных целей, доводить начатое до конца, обладать необходимыми морально-волевыми качествами, целеустремленностью. Они должны быть уверены в себе и уметь доказать «Я - это Я, остальное не имеет значения», должны знать секреты управленческих технологий успеха, быть борцами - борцами за свои интересы, подавлять в себе гипертрофированный эгоцентризм и быть готовым к непрерывному образованию.

Задача успешного лидера - поддерживать правильный баланс между сознательными и бессознательными составляющими нашей личности, перекосы в любую из сторон вредны и опасны. Этот недостаток равняется недостатку жизненной силы, а его избыток порождает натуру диктатора [21, 22].

Успешный лидер-управленец умеет правильно воспринимать критику от значимых для него людей и делать конструктивные выводы.

Очень важно, что современный лидер-управленец формирует в себе компетенции обновления компетенций, что включает в себя поиск и отбор информации, умение анализировать, выдвигать и оценивать гипотезы. Тогда человек из винтика производственной машины и ведомого в политической и социальной сфере превращается в человека, принимающего решения, ведущего собственные проекты. Не соответствующие этим требованиям не могут добиться успеха, выталкиваются в нижние социальные страты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афонин, Ю.А. Социальный менеджмент [Текст]: учебник / Ю.А. Афонин, А.П. Жабин, А.С. Панкратов. М.: Изд-во МГУ, 2004. С.134-145.
2. Афонин, Ю.А. Менеджмент организации [Текст]: учеб. пособие / Ю.А. Афонин, А.П. Жабин. М.: Экономика, 2004. С.357-364.
3. Иванова Т.Н. Социально-трудовая мобильность современной молодежи: состояние и перспективы (региональная специфика) //Иванова Т.Н. диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / ГОУВПО «Саратовский государственный университет». Саратов, 2011
4. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли [Текст] / Б. Гейтс. - М.: ЭКСМО- Пресс, 2015. С.278-295.
5. Грин, Р. Искусство обольщения для достижения власти [Текст] / Р. Грин; пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. М.: РИПОЛклассик, 2015. С.54-67.
6. Добренков, В.И. Социология: В 3 т. Т. 1. Методология и история [Текст] / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. М.: ИНФРА-М, 2013. С.15-24.
7. Желнина Е. В. Социальная технология подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия. Монография / Е. В. Желнина. Тольятти: ООО «Технокомплект», 2015. – 265 с.
8. Кови, С.Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности [Текст] / С.Р. Кови. М.: Альпина Бизнес Букс, 2014. С.178-184.
9. Орлова, Л.В. Медиативная компетенция руководителя как инструмент эффективного управления персоналом. Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. М.: ИНФРА-М, 2014. № 2 (11). С. 25–29. Doi: 10.12737/3529
10. Трамп, Д. Дж. Как стать богатым [Текст] / Д.Дж. Трамп; пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2015. С.130-143.
11. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества [Текст] / П. Штомпка; пер. с пол. С. М. Червонной. М.: Логос, 2015. С.387-398.
12. Terry E. McSween. John Wiley & Sons The Values-Based Safety Process: Improving Your Safety Culture with Behavior-Based Safety, Review of European Studies ,Vol.7,№.9 2014. – P. 87-96 .
13. Dale Brethower & Karolyn Smalley. Pfeiffer Performance-based Instruction: Linking Training to Business Results, Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies ,№1(7). 2015. P. 251-258 .
14. Горбачева Н.Б. Сравнительный анализ экономизации молодежи на примере г.о. Тольятти // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. № S10. С. 21-25.
15. John Austin & James E. Carr Handbook of Applied Behavior Analysis, Pub Press. 2012. P. 159-165 .
16. Овсянников В.П., Якунин В.Н. Постиндустриальный переход и его лидеры // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 30-33.
17. Ковальчук Е.С. Кадровые стандарты педагогических лидеров в школах стран Западной Европы // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 3. С. 39-44.
18. Тайкова Л.В. Лидерство у студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 193-195.
19. Вострокнутов Е.В., Прошин И.А., Устино С.С. Развитие лидерских качеств бакалавров направления подготовки «профессиональное обучение (по отраслям)» средствами учебных дисциплин // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. № 4. С. 71-74.
20. Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V. Talent management and knowledge: theory, methodology, models. Review of European Studies; Vol. 7, No. 9; 2015. P.75-82. Doi:10.5539/res.v7n9p75
21. Alasdair A. K. White Managing for Performance, Piatkus Books, 2014. P. 74-81 .
22. Afonin Y.A., Orlova L.V. Analyzing the Modern and Soviet Culture of Management. Вестник Самарского муниципального института управления. – Самара: САГМУ, 2015. № 1. С. 91–9.

PROFESSIONAL QUALITY MODERN LEADER-MANAGERS: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS © 2015

Y.A. Afonin, Doctor of economic sciences, professor of “Management”
Samara State University of Economics

L.V. Orlova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of “Personnel Management and Sociology”
Samara Academy of State and Municipal Management

Annotation: The article describes the course of the discourse, based on the latest achievements of theoretical and applied results in the development of this scientific problem. We consider the current requirements for the leader, as well as the

history of the development of ideas about leadership, effective management principles. It describes the goals, objectives and methods of effective managers on the basis of the history of their lives, as well as the main approaches to the formation of personal qualities of top managers of Russian campaigns.

Keywords: manager, manager, manager, cognitive ability, emotional intelligence, technical skills, professional competence, existential anxiety.

УДК 316:311 (571.54)

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БАРГУЗИНСКОГО РАЙОНА)

© 2015

Е.Ю. Башкуева, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Отдела региональных экономических исследований
ФГБУН Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

Аннотация. В статье по материалам экспедиционного обследования Баргузинского района Республики Бурятия (март 2014 г.) анализируются главные проблемы системы здравоохранения сельских территорий Республики Бурятия, для которых характерна низкая плотность населения. Эмпирическую базу статьи составили данные анкетирования населения (N = 350), экспертного опроса руководителей и специалистов системы здравоохранения Баргузинского района (N=12), ведомственные статистические и отчетные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия и Баргузинской центральной больницы. Исследованы организационно-управленческие, кадровые, медико-демографические, материально-технические проблемы здравоохранения северного района. Проведен анализ удовлетворенность населения Баргузинского района качеством медицинской помощи. Выявлена общая низкая оценка качества медицинской помощи в большинстве поселений района (коэффициент ниже 50). Сформулированы рекомендации по развитию системы здравоохранения Баргузинского района по следующим направлениям: 1) совершенствование оказания медицинской помощи, в том числе скорой, специализированной, высокотехнологичной, а также медицинской эвакуации; 2) охрана здоровья матери и ребенка; 3) совершенствование организационно-управленческой работы центральной районной больницы и подведомственных учреждений. 4) кадровое обеспечение системы здравоохранения; 5) укрепление материально-технической базы; 6) развитие и внедрение современных методов диагностики и профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье, здравоохранение, медицинская помощь, качество медицинской помощи, Республика Бурятия, Баргузинский район, население, проблемы, ресурсы.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Сложившаяся на протяжении последних десятилетий социально-экономическая ситуация в стране, нанеся существенный ущерб здоровью населения, вышла уже на тот уровень, когда государство не может не признать здоровье нации в качестве высшего национального приоритета. Ведущие отечественные исследователи признают состояние здоровья населения России критическим, требующим осуществления неотложных мер как со стороны государства, так и системы здравоохранения [1]. Социально-экономические проблемы в обществе в большей степени отражаются на сельском здравоохранении, в силу того, что преобразования в социальной и экономической жизни страны снизили ресурсное обеспечение сельского здравоохранения, ослабили лечебно-диагностическую базу, материально-техническую оснащенность и кадровое обеспечение медицинских учреждений. В более уязвимой позиции стоят отдаленные северные территории, для которых характерна низкая плотность населения и неразвитость транспортной инфраструктуры.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматриваются проблемы сельского здравоохранения, позволяют утверждать, что в целом организация медицинской помощи населению сельской местности России в силу объективных социально-экономических факторов имеет свою специфику:

- недостаточно развита инфраструктура территориально-обособленных подразделений лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ);
- часть территориально-обособленных подразделений ЛПУ, фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) не имеет лицензий на осуществления медицинской деятельности;
- в силу ряда причин (материально-техническая база, кадры) не функционируют ФАПы;
- низкая укомплектованность кадрами;
- недостаточная квалификация специалистов [2].

В настоящей статье мы подробно разберем обозначенные проблемы на примере отдельно взятого Баргузинского района Республики Бурятия. Следует отметить, что проблемы сельского здравоохранения многоаспектны и исследуются специалистами различных отраслей научного знания – как медиками, так и представителями общественных наук. В последнее время успешно разрабатываются социологические проблемы сельского здравоохранения, исследуемые такими специ-

алистами как Л. А. Горбунова [3], В. Н. Спесивцев [4] и др.

Оценку состояния сельского здравоохранения Республики Бурятия проводили такие исследователи как Л. И. Иванова [5] и О. В. Любовникова [6]. Вместе с тем, целостных научных работ, в которых рассматриваются состояние системы здравоохранения на селе, здоровья сельского населения Республики Бурятия пока очень мало.

Формирование целей статьи (постановка задания). В марте 2014 г. сотрудники Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН и Бурятского государственного университета по инициативе депутата Народного Хурала Республики Бурятия Б.В. Базарова провели комплексное социолого-экономическое обследование Баргузинского района – муниципального района Республики Бурятия, официально приравненного к районам Крайнего Севера. Полученная эмпирическая база исследования (данные анкетирования населения (N = 350), экспертного опроса руководителей и специалистов системы здравоохранения Баргузинского района (N=12), ведомственные статистические и отчетные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия и Баргузинской центральной больницы) позволила провести анализ проблем и выявить перспективы развития здравоохранения этого отдаленного северного района.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В настоящее время на территории Баргузинского района медицинскую помощь населению оказывает Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Баргузинская центральная районная больница», в структуру которого входит 26 лечебно-профилактических учреждений: 1 центральная районная больница (поселок Баргузин) на 109 коек круглосуточного пребывания; районная поликлиника (поселок Баргузин) на 180 посещений в смену, 1 городская больница (поселок Усть-Баргузин) на 30 коек круглосуточного пребывания с поликлиникой на 50 посещений в смену, 3 врачебные амбулатории (село Юбилейное, село Баянгол, село Улюн), 21 фельдшерско-акушерский пункт.

С 2013 г. Баргузинская больница из муниципального фонда передана в управление Министерства здравоохранения Республики Бурятия. Частных медицинских учреждений в районе не зарегистрировано. За последние 4 года в Баргузинском районе продолжена работа по повышению эффективности использования ресурсов здравоохранения, проведена следующая оптимизация

сети учреждений здравоохранения: В 2010г. – Уринская врачебная амбулатория преобразована в фельдшерско-акушерский пункт в связи с длительным отсутствием врача. В рамках оптимизации системы здравоохранения в 2011 г. были закрыты 2 участковые больницы – в село Баянгол и село Улюн, сокращено 40 коек круглосуточного пребывания, в дальнейшем они были перепрофилированы во врачебные амбулатории с дневными стационарами (на 20 коек). В Усть-Баргузинской городской больнице сокращено 10 коек и дополнительно развернуто 2 койки в Баргузинской больнице. Следует отметить, что оптимизация сети учреждений здравоохранения получила негативную общественную оценку, как со стороны экспертов, так и со стороны населения. Часть экспертов указали на то, что в экстренных случаях целесообразнее ехать на лечение в соседний Курумканский район, где организация стационарной медицинской помощи находится на более высоком уровне ввиду большей обеспеченности врачами. В настоящее время здание Баянгольской больницы полностью законсервировано и пришло в негодность: вздулись полы, разморожена система отопления. Восстановление больницы потребует больших денежных средств. Помимо Баянгольской больницы, перепрофилирована во врачебную амбулаторию больница в селе Улюн. Принцип, по которому строятся новые фельдшерско-акушерские пункты, также не понятен как экспертам, так и простым жителям, их строительство не согласовывалось с администрацией района и местными жителями. Так, в селе Малое Уро построен новый фельдшерско-акушерский пункт, в который так и остается открытой вакансия терапевта.

В целом существующие проблемы в системе здравоохранения Баргузинского района можно разделить на следующие группы:

1) Организационно-управленческие проблемы.

В районе имеются проблемы с управлением системой здравоохранения. В 2011 г. была уволена главный врач Баргузинской больницы С.В. Гармаева. Это дело имело большой общественный резонанс, сотрудники Баргузинской больницы писали обращение к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву, в прессе публиковались статьи по данному вопросу [7]. Результатом слабой работы по управлению системой здравоохранения района стали следующие неудовлетворительные показатели:

а) Невыполнение объемных показателей Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи по оказанию бесплатной медицинской помощи населению района по оказанию стационарной и стационарозамещающих видов медицинской помощи, по амбулаторно-поликлиническим посещениям. Администрации Баргузинской больницы следует проанализировать причины и принять меры по оптимизации организации оказания медицинской помощи.

б) Выполнение индикативного плана социально-экономического развития Республики Бурятия по разделу «здравоохранение» на 44,0% в 2012 году. Не достигнуты целевые уровни представленных индикаторов: обеспеченность медицинскими кадрами; смертность населения от случайных отравлений алкоголем и самоубийств в трудоспособном возрасте; смертность населения от злокачественных новообразований (на 100 тыс. населения); контингенты больных, страдающих синдромом зависимости от наркотических веществ, число больных, состоящих на учете на конец отчетного года (на 100 тыс. человек); средняя продолжительность 1 случая временной нетрудоспособности в связи с заболеванием; уровень диспансеризации, человек на 1 тыс. населения; объемы стационарной, амбулаторной, стационарозамещающей на 1 жителя; обеспеченность койками, уровень госпитализации в государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения, средней занятости круглосуточных коек.

в) Несвоевременная закупка медицинских препара-

тов Баргузинской больницей, обусловленная неудовлетворительной работой по организации тендеров.

2) Кадровые проблемы. Наиболее остро в районе стоит проблема с медицинскими кадрами (таблица 1).

Таблица 1 - Кадровая обеспеченность медицинских учреждений Баргузинского района

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	РБ 2013	РФ 2013
Обеспеченность врачебными кадрами, в расчете на 10 000 человек населения, чел.	14,07	15,2	15,2	14,9	17,0	17,2	16,9	34,5	44,7
Обеспеченность средним медицинским персоналом, в расчете на 10 000 человек населения, чел.	80,4	79,8	77,98	78,4	76,4	81,3	86,0	96,0	90,8

Источник - ведомственные данные Баргузинской центральной районной больницы.

Показатели обеспеченности врачами и средним медицинским персоналом за 2007-2013 гг. выросли соответственно на 16,7% и 6,5%, однако они ниже аналогичных средних показателей по Республике Бурятия и Российской Федерации.

Реализация программы «Земский доктор» в Баргузинском районе началась с 2012 г., за этот период в район прибыло 14 врачей, основная масса которых – выпускники медицинского факультета Бурятского государственного университета. В 2014 г. по программе «Земский доктор» подана заявка еще на 8 специалистов. Вместе с тем, реализация данной программы не решила полностью кадровую проблему. В районе по-прежнему не хватает врачей общей практики и фельдшеров.

За период реформирования была существенно увеличена заработная плата медицинских работников (таблица 2). Среднемесячная заработная плата по Баргузинскому району 2012 г. – 18571 руб. Однако, в ходе экспедиционного обследования сел района выявлено, что основная часть сотрудников фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий работают на полставки до обеда, не удовлетворены размером заработной платы. Это влечет слабую мотивацию медицинского персонала к труду и высокому качеству обслуживания населения.

Таблица 2 - Среднемесячная заработная плата медицинских работников Баргузинского района

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Среднемесячная номинальная заработная плата медицинских работников	7814,0	9874,0	14288,0	15430,0	16243,0	20313,0	23424,0

Источник - ведомственные данные Баргузинской центральной районной больницы.

Очевидно, администрации муниципального образования «Баргузинский район» совместно с Министерством здравоохранения РБ следует дополнительно разработать меры по привлечению медицинских кадров в систему здравоохранения района и корректировке штатного расписания.

3) Медико-демографические проблемы.

Рождаемость в Баргузинском районе по данным 2013 г. – выше республиканского показателя, но она снижается. В 2013 году в районе родилось 306 детей, что на 35

детей меньше, чем в 2012 году (341 ребенок). В 2012 г. допущено по 2 случая младенческой смертности и мертворожденности. Мертворождаемость снизилась в 2 раза (2012г.-2,92, 2011г.-5,36). Материнская смертность с 2010 года в районе не регистрируется (Республика Бурятия -6,0) (таблица 3).

Таблица 3 - Показатели младенческой и материнской смертности Баргузинского района

Показатели	Баргузинский район					РБ	РФ
	2008	2009	2010	2011	2012	2012*	2012*
Младенческая смертность	12,7	8,8	11,4	9,23	5,87	8,59	8,7
Материнская смертность	0,0	224,7	0,0	0,0	0,0	6,0	16,7**

Источник - ведомственные данные Баргузинской центральной районной больницы.

Очевидно, что необходимо разработать комплекс мер по охране здоровья женщин и детей.

В Баргузинском районе ниже среднереспубликанского значения (2012г.-268,8, 2011г.-268,0) и целевого индикатора Программы социально-экономического развития Республики Бурятия (268,0) уровень диспансеризации (человек на 1 тыс. населения), несмотря на увеличение на 6,5% (2012г.-249,2, 2011г.-234,0) в сравнении с 2011 годом. Целевой индикатор Программы социально-экономического развития Республики Бурятия (268,0) не достигнут. В районе отмечается неблагоприятная ситуация с социально-значимыми заболеваниями: высокая заболеваемость злокачественными новообразованиями в сочетании с ростом уровня онкологической запущенности, т.е. наличием злокачественного новообразования III – IV стадии (не превышающей среднереспубликанский уровень), высокий уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией, распространенности наркоманией. Все это требует организации профилактической работы на должном уровне, более активной работы профильных межведомственных комиссий по раннему выявлению социально-значимых заболеваний, пропаганде и внедрению здорового образа жизни.

4) Материально-технические проблемы. Сегодня более 50% всех лечебных учреждений района находятся в аварийном или требующем капитального ремонта состоянии. Износ медицинского оборудования для оказания медпомощи в соответствии с современными требованиями – 57,2%. Износ транспортных средств – свыше 70%. Отмечается слабая информационная оснащенность: в фельдшерско-акушерских пунктах и врачебных амбулаториях нет компьютеров и доступа к сети Интернет. В результате сотрудники практически не осведомлены о программах модернизации, федеральных, республиканских целевых программах в области здравоохранения, изменениях в законодательной базе, стандартах медицинского обслуживания населения и т.д.

6) Удовлетворенность населения Баргузинского района качеством медицинской помощи. В ходе экспедиционного обследования Баргузинского района на основе анкетного опроса населения была выявлена общая удовлетворенность населения района качеством медицинской помощи (таблица 4). Характерно, что в Усть-Баргузинском поселении данный показатель имеет отрицательное значение. Общая низкая оценка медицинского обслуживания (коэффициент ниже 50 баллов) отмечается в Юбилейном, Баргузинском, Сувинском, Читканском, Адамовском поселениях. Относительно высокие коэффициенты удовлетворенности – в Улюнском, Уринском, Баянгольском поселениях.

Таблица 4 - Распределение респондентов по степени удовлетворенности медицинским обслуживанием в целом и поселениям, % от количества опрошенных в каждом поселении

№ п/п	Поселение	Полностью удовлетворены	Скорее удовлетворены	Скорее не удовлетворены	Не удовлетворены	Коэффициент удовлетворенности
1	Адамовское	38	31	6	25	38
2	Баргузинское	12	47	29	12	18
3	Баянгольское	30	45	12	9	54
4	Сувинское	21	36	18	21	18
5	Улюнское	38	45	10	3,5	69,5
6	Уринское	31	44	6	16	53
7	Усть-Баргузинское	14	27	35	22	-16
8	Хилганайское	24	45	13	13	43
9	Читканское	14	50	18	18	28
10	Юбилейное	5	50	27	18	10
11	Район в целом	21	41	20	16	26

Подводя итог анализу проблем системы здравоохранения Баргузинского района, выделим наиболее острые, требующие незамедлительного и конструктивного решения, в том числе с привлечением органов муниципальной власти:

Слабый менеджмент (необходим грамотный главный врач);

Низкая укомплектованность кадрами, в первую очередь врачебными;

Отсутствие мотивации в работе медицинского персонала – основная часть сотрудников фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий работают на полставки до обеда, не удовлетворены размером заработной платы;

Слабая материально-техническая база;

Слабая информационная оснащенность, в фельдшерско-акушерских пунктах и врачебных амбулаториях нет компьютеров, сотрудники слабо осведомлены о программах модернизации, федеральных, республиканских целевых программах в области здравоохранения;

Неблагополучная ситуация с социально-значимыми заболеваниями в районе: высокая заболеваемость злокачественными новообразованиями, ВИЧ-инфекцией, высокая распространенность наркомании. Все это требует организации профилактической работы на должном уровне, более активной работы профильных межведомственных комиссий по раннему выявлению социально-значимых заболеваний, пропаганде и внедрению здорового образа жизни.

С учетом выделенных проблем можно выделить следующие направления развития системы здравоохранения Баргузинского района:

1) Совершенствование оказания медицинской помощи, в том числе скорой, специализированной, высокотехнологичной, а также медицинской эвакуации. Муниципальным властям Баргузинского района целесообразно усилить работу с Министерством здравоохранения Республики Бурятия и подведомственными учреждениями по согласованию и координации совместных действий в части строительства новых учреждений здравоохранения, оптимизации сети лечебно-профилактических учреждений района и т.д. Учитывая массовое недовольство жителей района закрытием Баянгольской больницы, целесообразно рассмотреть возможность восстановления работы данного лечебного учреждения, т.к. его законсервированное здание может по истечению определенного времени стать полностью непригодным для функционирования. Следует рассмотреть вопрос о строительстве фель-

дшерско-акушерского пункта в селе Ярикто, жители которого не имеют возможности получения медицинской помощи. Необходимо доукомплектовать учреждения здравоохранения района каретами скорой помощи.

2) Охрана здоровья матери и ребенка. Основной задачей реализации данного направления является профилактика и снижение материнской и младенческой заболеваемости и смертности. В рамках данного направления необходимо усилить работу по проверке новорожденных с целью выявления наследственных заболеваний (неонатальный скрининг), активнее реализовывать мероприятия по профилактике аборт и т.д.

3) Совершенствование организационно-управленческой работы ЦРБ и подведомственных учреждений. Основными задачами данного направления являются:

а) Назначение на должность главврача Баргузинской больницы высококвалифицированного руководителя, имеющего опыт организационно-управленческой работы в сельском здравоохранении;

б) Совершенствование организации и системы учета и отчетности о деятельности учреждений здравоохранения Баргузинского района, результатах функционирования, динамике состояния здоровья населения района. При этом, отчетные сведения о деятельности Баргузинской больницы и подведомственных организациях должны быть доступны для населения на сайте Баргузинской больницы;

в) Разработка перспективных и текущих планов деятельности системы здравоохранения района, целевых программ по приоритетным направлениям развития, организация их реализации, контроль и оценка эффективности выполнения, а также их согласование с Министерством здравоохранения Республики Бурятия и муниципальными властями района (возможно, с использованием социальных технологий [8, 9]);

г) Информационно-методическое обеспечение специалистов лечебно-профилактических учреждений района, разработка и выпуск методических рекомендаций, информационных писем. Все лечебно-профилактические учреждения района следует обеспечить необходимой компьютерной техникой и подключить к сети Интернет.

4) Кадровое обеспечение системы здравоохранения. Задачей руководства Баргузинской больницы, подведомственных служб, а также муниципальных властей района является определение потребности медицинских кадров в различных формах непрерывного обучения, планирование работы по повышению квалификации медицинских кадров, организация и проведение конференций, семинаров, медицинских советов, совещаний и др. Особое внимание целесообразно уделить подготовке и обеспечению кадрами [10] Баргузинской больницы – головного учреждения здравоохранения, оказывающему экстренную и консультативную помощь всем жителям района. Необходимо усилить работу по привлечению выпускников медицинских учебных заведений не только Республики Бурятия, но и Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Кроме того, муниципальным властям следует разработать меры социальной поддержки медицинских работников (выделение земельных участков под индивидуальное строительство, под огороды, льготное обеспечение дровами и т.д.).

5) Укрепление материально-технической базы. Необходимо осуществить широкомасштабные меры по укреплению ресурсной базы учреждений здравоохранения Баргузинского района. Особое внимание следует обратить на врачебные амбулатории и фельдшерско-акушерские пункты в селах Юбилейное, Шапеньково, Нестериха, Душелан, Адамово, Читкан, Суво, Бодон, Ина, Борогол, Улюкчикан, Хилгана, здания которых требуют капитального ремонта.

6) Развитие и внедрение современных методов диагностики и профилактики заболеваний и фор-

мирование здорового образа жизни. В связи с неблагоприятной обстановкой по социально-значимым заболеваниям целесообразно расширить охват профилактическими осмотрами различных социальных групп населения. Лечебно-профилактические учреждения района совместно с учреждениями образования и культуры, органами муниципального управления района следует усилить работу по формированию здорового образа жизни населения, путем проведения спортивных праздников, социальных акций, в том числе с привлечением волонтеров из числа молодежи и т.д.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, система здравоохранения Баргузинского района находится в кризисном состоянии. В 6 поселениях района отмечается общая низкая оценка населением качества медицинского обслуживания. Во многом, сложившаяся ситуация обусловлена отсутствием грамотного управления данной отраслью. Необходимо провести большую организационную работу по решению основных проблем функционирования отрасли, что потребует также больших финансовых вложений. Повышение эффективности работы системы здравоохранения района может быть осуществлено на основе комплексного решения организационно-управленческих, кадровых, материально-технических проблем. Это позволит повысить качество предоставляемой населению медицинской помощи и увеличить продолжительность жизни, улучшить демографическую ситуацию, снизить первичную заболеваемость населения. Решение всех обозначенных проблем возможно на основе скоординированной работы Министерства здравоохранения Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия, руководства Баргузинской ЦРБ, муниципальных властей Баргузинского района.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шабунова А.А. Здоровье населения России: состояние и динамика. Издательство: ИСЭРТ РАН, Вологда, 2010. 408 с.
2. Юргель Н.В., Хубиева М.Ю. Вопросы повышения качества и доступности медицинской помощи сельскому населению // Вестник Росздравнадзора. – 2008. №2. С. 39
3. Горбунова Л.А. Интеграция сельского здравоохранения в национальные стратегии российской медицины: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2009.
4. Спесивцев В.Н. Научное обоснование оптимизации функционирования здравоохранения сельского административного района: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Воронеж, 2008.
5. Иванова Л.И. Оценка состояния здоровья сельского населения Республики Бурятия // Вестник БГСХА им. В.Р. Филиппова. 2011 г. № 2 (23). С. 91-96
6. Любовникова О.В. Влияние социальных и экологических факторов на здоровье сельского населения (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2009.
7. Никитина Т. Главврач центральной Баргузинской больницы уволена в третий раз за три года // Московский комсомолец в Бурятии, 18 января 2014 г.
8. Желнина Е.В. Профессиональная подготовка персонала крупной компании как социальная технология. Монография. М : Компания «Спутник Плюс», 2009. 108 с.
9. Желнина Е. В. Социальная технология подготовки персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия. Монография / Е. В. Желнина. Тольятти: ООО «Технокомплект», 2015. 265 с.
10. Грудкина Т. И., Ловчикова Е. И., Артемова Н. В., Чурсин С. С. Организационно-экономические проблемы влияния зарубежных санкций на субъекты рынка, импортозамещения и пути их решения / Т. И. Грудкина, Е. И. Ловчикова, Н. В. Артемова, С. С. Чурсин // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-1 (59-1). С. 631-636.

**THE ANALYSIS OF THE CONDITION OF RURAL HEALTH CARE
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA (ON MATERIALS OF THE BARGUZIN AREA)**

© 2015

E.Yu. Bashkueva, candidate of historical sciences, research fellow of Department of regional economic studies
FGBUN Buryat scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude (Russia)

Abstract: The paper based on a survey expedition of the Barguzinsky district of the Buryat Republic (March 2014) analyzes the main problems of the health system of the northern territories of the Republic of Buryatia, which are characterized by low population density. The empirical base of article: amounted population survey data (N = 350), the expert survey of managers and health professionals of the Barguzinsky district (N = 12), and departmental statistical reporting data of the Ministry of Health of the Republic of Buryatia and the Barguzinskaya Central District Hospital.

Organizational and administrative, personnel, medico-demographic, material problems of health care of the northern area are investigated. The analysis of satisfaction of the population of the Barguzinsky district with quality of medical care is carried out. The general low estimate of quality of medical care in the majority of settlements of the area is revealed (coefficient lower than 50). Recommendations about development of health system of the Barguzinsky district about the following directions are formulated: 1) improvement of delivery of health care, including fast, specialized, hi-tech, and also medical evacuation; 2) health protection of mother and child; 3) improvement of organizational and administrative work of the central regional hospital and subordinated establishments. 4) staffing of health system; 5) strengthening of material base: 6) development and introduction of modern methods of diagnostics and prevention of diseases and formation of a healthy lifestyle.

Keywords: health, medical care, quality of health care, the Republic of Buryatia, Barguzin district, population problems, resources.

УДК 341.232.2

**СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

© 2015

Е.Ю. Башкуева, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Отдела региональных экономических исследований
ФГБУН Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

Н.И. Атанов, доктор экономических наук, профессор, научный директор Института экономики и управления
ФГБУ ВПО Бурятский государственный университет, Улан-Удэ (Россия)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа правовой базы регулирования внешнеэкономической деятельности субъектов РФ. Сформулированы рекомендации по их совершенствованию, в том числе: осуществить экспертизу федеральной и региональной нормативно-правовой базы ВЭД с учетом глобализации и учащения кризисных ситуаций на мировых рынках; внести дополнения и поправки в действующие законодательные и правоприменительные акты РФ в связи с интеграцией России со странами СНГ, вхождения в ВТО, АТЭС, ШОС, ЕвразЭС, Таможенный союз и др.; предложено принять ряд новых федеральных законов, регламентирующих ВЭД («Об основах ведения внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации», «О приграничном (трансграничном) сотрудничестве Российской Федерации с сопредельными государствами», «О международном сотрудничестве муниципальных образований Российской Федерации»).

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, субъекты РФ, Конституция РФ, федеральный закон, нормативно-правовой акт, приграничное сотрудничество.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Одним из основных направлений экономической модернизации Российской Федерации на современном этапе является формирование эффективной системы осуществления внешнеэкономической деятельности регионов, обеспечивающей более активную их вовлеченность в процесс разделения труда. Правовая база для осуществления международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ в настоящее время создана как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации. Существенные пробелы по регламентации ВЭД имеются в муниципальном законодательстве. В настоящей статье анализируются все три уровня правового регулирования ВЭД и сформулированы предложения по ее совершенствованию.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматриваются проблемы правового регулирования внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации и пути его совершенствования, позволяет утверждать, что действующая в анализируемом направлении законодательная база отличается несовершенством и хаотичностью. Страдают от этого, прежде всего, приграничные регионы Российской Федерации, причем в купе с недоразвитостью транспортной инфраструктуры слабая законодательная база ВЭД существенно тормозит внешнеэкономическое со-

трудничество субъектов РФ. Так, исследователь А.М. Бянкина в ходе анализа правового регулирования приграничного сотрудничества Забайкальского края с регионами Китая пришла к выводу, что назрела необходимость в совершенствовании законодательной базы сразу по нескольким вопросам ВЭД – в сфере правового регулирования перевозок грузов автомобильным и железнодорожным транспортом и таможенно - тарифному регулированию ВЭД [1].

Формирование целей статьи (постановка задания). В настоящей статье анализируются все три уровня правового регулирования ВЭД (федеральный, региональный и муниципальный) и сформулированы предложения по ее совершенствованию.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Национальная нормативно-правовая база внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации

В настоящее время нормативно-правовая база ВЭД представлена шестью видами правовых норм. Это - конституционные нормы; федеральные законы; указы Президента РФ; постановления Правительства РФ; различные нормативные акты уполномоченных министерств и ведомств, нормативно-правовая база приграничного сотрудничества в РФ. Конституция РФ, как

фундамент правовой основы ВЭД, определяет полномочия органов государственной власти, в том числе в сфере внешней политики, международной и внешнеэкономической деятельности, правовые нормы, имеющие системообразующее значение для решения проблем международных и внешнеэкономических связей России [1].

После Конституции по иерархии следуют кодексы РФ: Гражданский, Таможенный, Налоговый, Бюджетный, Трудовой, а также Кодекс торгового мореплавания РФ.

К числу важнейших законов РФ, регулирующих ВЭД, относятся: «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ; «О таможенном тарифе» от 21.05.93 г. № 5003-1; «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» от 08.12.2003 г. № 165-ФЗ; «Об экспортном контроле» от 18.07.99 г. № 183-ФЗ; «О банках и банковской деятельности», изложенный в ред. Федерального закона от 08.07.99 г. № 137-ФЗ; «О Центральном банке РФ» от 10.07.02 г. № 86-ФЗ; «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.03 г. № 173-ФЗ; «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.99 г. № 39-ФЗ; «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.99 г. № 160-ФЗ; «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ; «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 4 января 1999 года № 4-ФЗ и др. Следует отметить, что наряду с государственными органами, в формировании нормативно - правовой базы, регулирующей внешнеторговую и внешнеэкономическую деятельность, могут принимать участие и негосударственные организации в случаях, специально оговоренных в законах.

Основным законом, регламентирующим государственное регулирование ВЭД РФ является Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями). Закон определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, закрепляет полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области внешнеторговой деятельности. В Законе прописаны методы государственного регулирования внешнеторговой деятельности (таможенно-тарифное регулирование, нетарифное регулирование, запреты и ограничения внешней торговли услугами и интеллектуальной собственностью; меры экономического и административного характера), оговорены особые режимы осуществления внешнеторговой деятельности и приводится перечень мероприятий, содействующих развитию внешнеторговой деятельности.

Закон отличается от предшествующих аналогов: четкостью формулировок понятий экспорта и импорта товаров, услуг, интеллектуальной собственности; подробным рассмотрением аспектов осуществления торговой политики государства (в ст. 4,5 и 12); включением в ст. 16 положения о сроках вступления в силу нормативных актов, касающихся осуществления мер по государственному регулированию внешнеторговой деятельности; конкретикой в определении основания для введения ответных мер и их соответствующих процедур; в вопросах регулирования бартерных сделок (гл. 10), которые ранее регулировались указами Президента РФ. Впервые в Законе государственное регулирование внешнеторговой деятельности подразделено на торговлю товарами (гл. 5), услугами (гл. 6), интеллектуальной собственностью (гл. 7). Наиболее детально урегулированной является область внешней торговли товарами [3, с. 128].

Данным законом, впервые в российском законода-

тельстве, введены системные положения, касающиеся международной торговли услугами. Это конкретный пример масштабной адаптации российской правовой системы к праву Всемирной торговой организации (ВТО). Закон представляет государственным органам, участникам внешнеторговой деятельности необходимый набор правовых средств защиты экономических интересов и противодействия нечестной конкуренции с позиций международно-правовой практики [3, с. 129].

Вместе с тем, в Законе выявлены некоторые недостатки, в том числе противоречия в тексте его отдельных статей. Так, возможность (в некоторых случаях) введения запретов и ограничений внешней торговли товарами предусмотрена п.1. ст. 2. Однако, в следующем п. 2 этой же статьи сказано: «меры, указанные в части 1 настоящей статьи, не должны приниматься или применяться способом, являющимся средством произвольной или необоснованной дискриминации государств, либо представлять собой скрытые ограничения внешней торговли товарами» [4, с. 66].

Заслуживает отдельного анализа и таможенное законодательство РФ. Согласно ч. 2 ст. 3 Таможенного кодекса РФ (ТК РФ) таможенное законодательство состоит из Таможенного кодекса РФ и принятых, в соответствии с ним, иных федеральных законов [5]. Таможенный кодекс РФ определяет правовые и организационные основы таможенных дела и его нормы призваны содействовать активизации внешних связей российской экономики, обеспечивать защиту прав хозяйствующих субъектов и граждан, соблюдение норм и правил при осуществлении внешнеэкономических сделок. Таможенным кодексом РФ (ст. 318) установлены общие положения, которые касаются таможенных платежей в связи с перемещением товаров через таможенную границу РФ и дается перечень видов этих платежей. Общая классификация таможенных налогов, акцизов, пошлин и сборов вводится также другими актами российского законодательства [5].

Следующим звеном, регулирующим ВЭД, являются нормативные акты Президента и Правительства РФ. Установлено, что за последние годы принято большое количество актов, определяющих правовые основания в сфере усиления роли и значения таможенных, налоговых и тарифных методов как основного рыночного регулятора ВЭД. Вместе с тем, нами поддерживается точка зрения российских экспертов о необходимости корректировки таможенно-тарифного законодательства в условиях вхождения России в ВТО, создания ЕвразЭС, Таможенного союза и т.д. [4, с. 59]

На наш взгляд, наиболее серьезным и проблемным вопросом, сдерживающим ВЭД в приграничных регионах, является отсутствие федерального законодательства по приграничному сотрудничеству, проект которого внесен в Госдуму постановлением Совета Федерации 15 июля 2004 г. Единственным нормативным документом рамочного регулирования приграничного взаимодействия субъектов федерации является Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р).

По логике вещей, вслед за Концепцией, должны быть приняты либо Стратегия, либо государственная программа развития приграничного сотрудничества регионов РФ. Однако по настоящее время их нет. Отсутствие законодательно закреплённой и программно обеспеченной базы на сегодня является главным сдерживающим фактором расширения масштабов приграничного взаимодействия субъектов РФ, в первую очередь, в его главном векторе – Евразийском пространстве. Одним из ключевых вопросов, требующих законодательного закрепления, является глубина приграничной территории.

В Концепции она распространяется на муниципальное образование, территория которого прилегает к государственной границе. Отсюда и масштаб особого статуса приграничной территории и сфера государственных предпочтений субъектам приграничного сотрудничества.

На практике ни одно муниципальное образование вдоль российско-монгольской и российско-китайской границы не является полноценным участником приграничного взаимодействия из-за ограниченности своего экономического потенциала, слабости институциональной среды, общественных институтов содействия международному сотрудничеству. Вся приграничная работа ведется приграничным субъектом Федерации. Такая практика будет продолжаться и на перспективу. Поэтому *de jure* необходимо решить вопрос о приграничной зоне административными границами приграничного субъекта РФ. Противники такого подхода приводят один только аргумент, что якобы такой подход ставит в неравные условия внутренние регионы России. На наш взгляд, данный аргумент контрпродуктивен и вот почему. Все приграничные субъекты – это окраинные территории России с присущими признаками периферии: депрессивной экономикой, демографическими проблемами, неразвитой инфраструктурой и т.д. Поэтому приграничные предпочтения от государства позволят им хоть в какой-то мере компенсировать свою периферийную окраинность.

Считаем, что расширение границ ЕвразЭС и углубление интеграционных процессов актуализирует проблему нормативного и правового регулирования межрегионального приграничного сотрудничества. Для сравнения, начиная с 2002 г. в КНР пересмотрено 320 нормативных актов, упразднено 820 нормативных актов в сфере внешнеэкономической деятельности. Власти КНР создают одно из наиболее развитых торговых законодательств в мире. Например, «Закон КНР о договоре» позволяет любому предприимчивому лицу быстро включиться в цепочку участников торгово-экономического оборота. Для этого используется правовая конструкция из трех видов посреднических договоров: «договор поручения», «договор комиссии» и «договор чистого посредничества». Этот комплекс договоров является универсальным инструментом организации торговых отношений между неограниченным количеством участников торговых сделок [6].

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы федерального уровня, регулирующей ВЭД субъектов РФ, показал, что, несмотря на ее множественность, существует ряд проблем стратегического характера, требующие ускоренного их преодоления. Это:

- подготовка и принятие Федерального закона «Об основах ведения внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации». Принятие закона позволит более четко регламентировать, наряду с внешней торговлей (Закон № 164-ФЗ от 08.12.2003 г.), другие виды внешних связей (кооперационных, интеграционных, на рынке трудовых, интеллектуальных и др. ресурсов);

- принятие Федерального закона «О приграничном (трансграничном) сотрудничестве Российской Федерации с сопредельными государствами»;

- внесение дополнений и поправок в действующие законодательные и правоприменительные акты РФ в связи с интеграцией России со странами СНГ, вхождения в ВТО, АТЭС, ШОС, ЕвразЭС, Таможенный союз и др.;

- совершенствование института правоприменительных практик.

Региональный уровень нормативно-правовой

базы внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации

В связи с либерализацией экономики (1992 г.) субъекты Российской Федерации с разной степенью активности включились во внешнеэкономическую деятельность и за 20-летний период накопили определенный опыт. Сегодня правовая база ВЭД регионов определена федеральным законодательством. В статьях 71, 72, 73 Конституции РФ содержатся положения по разграничению предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, в том числе в сфере международных отношений. Согласно ст. 72 Конституции, к совместному ведению РФ и субъектов относятся координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ [2]. Это положение означает, что субъекты РФ имеют право осуществлять свои международные и внешнеэкономические связи при условии их координации с федеральным центром.

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» определил порядок заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации. Ст. 4 регламентирует права и обязанности субъектов РФ при заключении международных договоров [7].

Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (1999 г.) устанавливает правовые гарантии прав и интересов субъектов Федерации при установлении и развитии международных и внешнеэкономических связей, а также регулирует порядок их координации. В целях усиления контроля и координации международных и внешнеэкономических связей в регионах созданы представительства МИД России. Их основной задачей является оказание информационного и методологического содействия субъектам РФ в подготовке и осуществлении мероприятий по развитию международных связей [8].

Для международной деятельности субъектов РФ большое значение имеют международные договоры, заключаемые РФ. К настоящему времени субъекты СФО Российской Федерации заключили с регионами сопредельных стран сотни соглашений с широким охватом сфер сотрудничества. Это, прежде всего Алтайский край, Забайкальский край, Республика Бурятия, Республика Алтай, Республика Тыва, Иркутская область. Отдельные регионы создали свои зарубежные представительства: Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край, Иркутская область – в Монголии. Однако, выявлено, что практика осуществления международной, внешнеэкономической деятельности субъектами РФ намного опережает развитие законодательства в данной сфере. Поэтому, субъекты РФ принимают свои региональные нормативно-правовые акты. В Сибирском Федеральном Округе региональные законы приняты в 5 из 12 субъектов РФ (Алтайский край – 2005 г., Забайкальский край – 2009 г., Иркутская область – 2007 г., Новосибирская область – 2000 г., Республика Тыва – 2005 г.) (см. табл. 1).

Изучение текстов законов показало, что они носят весьма рамочный характер, не выделен региональный компонент, не содержатся положения о статусе и глубине (протяженности) приграничных территорий внутри субъекта, о мерах государственной поддержки пограничных районов за выполнение отдельных пограничных государственных функций и хозяйствующих субъектов для выхода и закрепления позиций на рынках соседних стран, методы и формы государственно-частного партнерства.

Таблица 1- Характеристика институциональных основ внешнеэкономического сотрудничества в субъектах СФО и в Республике Саха (Якутия) и Амурской области ДВФО

№	Субъект РФ	Закон по ВЭС	Самостоятельный орган исполнительной власти по ВЭС	Самостоятельные программные документы по ВЭС (стратегии, программы, концепции)
1	Республика Хакасия	-	-	-
2	Кемеровская область	-	-	+
3	Красноярский край	-	+	-
4	Иркутская область	+	-	-
5	Республика Саха	-	+	-
6	Новосибирская область	+	+	-
7	Алтайский край	+	+	-
8	Томская область	-	+	-
9	Омская область	-	-	-
10	Республика Алтай	-	-	-
11	Забайкальский край	+	+	-
12	Республика Бурятия	-	-	-
13	Амурская область	-	+	+
14	Республика Тыва	+	-	-

В других нормативных актах не разработан механизм комплексного правового, экономического, организационно-административного и политического регулирования приграничного сотрудничества на федеральном и региональном уровнях.

Таким образом, созданная система нормативно-правового регулирования ВЭД в субъектах РФ нуждается в совершенствовании. Необходимо принятие регионального закона «О межрегиональном и внешнеэкономическом сотрудничестве субъекта РФ», регламентирующего основные цели, задачи, нормы, порядок и механизм осуществления внешнеэкономической деятельности, с выделением в самостоятельные статьи приграничное экономическое и гуманитарное сотрудничество, создания климата наибольшего благоприятствования трансграничных взаимодействий и т.д. Регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации также нуждается в приведении его в соответствии с федеральным законодательством. Необходимо осуществить экспертизу федеральной и региональной нормативно-правовой базы ВЭД с учетом глобализации и учащения кризисных ситуаций на мировых рынках.

Муниципальный уровень нормативно-правовой базы внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации

На основе изучения правового регулирования международной деятельности муниципальных образований и органов местного самоуправления установлено, что право на осуществление международных связей органов местного самоуправления закреплено в Европейской хартии о местном самоуправлении от 15 октября 1985 г., имеющей приоритет по отношению к национальному за-

конодательству каждого из государств ее подписавших и ратифицировавших. Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию в 1998 г. [9]. Однако специального законодательного закрепления этого вопроса в отношении муниципальных образований нет. Ни один федеральный закон, касающийся вопросов ВЭД, не регулирует порядок и условия осуществления международных связей органами местного самоуправления.

Отдельные фрагментарные положения, касающиеся внешних связей муниципальных образований, содержатся в двух законах. В ст. 17 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определено, что органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов обладают полномочиями по осуществлению международных и внешнеэкономических связей в соответствии с федеральными законами. Однако, в ст.11 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» регламентировано, что муниципальные образования осуществляют внешнеторговую деятельность только в случаях, установленных федеральными законами.

Наблюдаемая несогласованность некоторых положений требует внесения изменений, либо уточнений в части толкования указанных норм и терминов «внешнеэкономические связи» и «внешнеторговая деятельность». Так, с одной стороны, осуществление международных и внешнеэкономических связей муниципальными образованиями в отсутствие специального федерального закона *возможно*, если оно не самостоятельное (например, совместно с субъектом федерации). С другой стороны, внешнеторговая деятельность муниципальных образований *не может* осуществляться без специального федерального закона. Из смысла предписаний в части прав на такую деятельность, следует, что внешнеторговую деятельность нельзя отнести к внешнеэкономическим связям. Поэтому данные законы в этой части требуют терминологических и содержательных уточнений. Однако это уровень межсубъектных отношений двух стран, т.к. аймаки – региональные звенья государственного управления. К муниципальным относятся сомоны в составе аймаков.

Отсутствие специальных федеральных законов в рассматриваемой сфере вынуждает субъекты Российской Федерации самостоятельно решать вопрос координации внешних связей муниципальных образований. Так, на уровне Правительств Российской Федерации и Монголии подписано соглашение о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии. Согласно данному соглашению, приграничные органы исполнительной власти Российской Федерации и приграничные местные администрации Монголии имеют право подписывать соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном приграничном сотрудничестве.

Таким образом, муниципальный уровень ВЭД в РФ не имеет четко сформулированного компактного нормативного правового акта, регламентирующего его внешние связи. Для унификации порядка, условий осуществления международных связей и их содержания на уровне местного самоуправления представляется целесообразным:

- привести в соответствии с Европейской хартией п. 8 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», в части замены формулировки «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» на «осуществление сотрудничества с органами самоуправления иностранных государств»;

- внести изменения в действующий Федеральный закон «О координации международных и внешнеэко-

номических связей субъектов РФ», дополнив статьями, предусматривающими международные контакты муниципальных образований, и разработать федеральный закон «О международном сотрудничестве муниципальных образований Российской Федерации»;

- в регионах принять нормативный акт, определяющий (в рамках действующего законодательства) предмет приграничного сотрудничества МО и границы его полномочий.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Проведенный анализ показал, что правовая основа регулирования ВЭД субъектов РФ представлена достаточно большим количеством нормативно-правовых актов, включая Конституцию РФ, кодексы, федеральные законы, подзаконные акты, законы субъектов РФ и т.д. Вместе с тем, существуют пробелы правового регулирования в таких важнейших сферах как приграничное сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность муниципальных образований. Существующая правовая база ВЭД субъектов РФ требует постоянного мониторинга и совершенствования, с целью наиболее полного соответствия международному законодательству и учета региональных интересов. Кроме того, в целях оптимизации функционирования субъектов РФ следует обратить внимание на возможность социальных технологий [10, 11, 12]. В союзуности с актуализацией законодательно-правовой базы готовые апробированные и успешные алгоритмы деятельности будут способствовать повышению эффективности управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бянкина А.М. Правовое регулирование приграничного сотрудничества Забайкальского края с регионами Китая // Власть и управление на Востоке России . 2011. № 4. С. 82-87.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Справочная правовая система «Гарант».
3. Никифоров В.А. Российское законодательство в области государственного регулирования внешней торговли // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 8. С. 128-138.
4. Шеховцова Е.В. Проблемы совершенствования таможенного и таможенно-тарифного законодательства РФ в контексте присоединения России к ВТО // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1. С. 59 -82.
5. Таможенный кодекс РФ // Справочная правовая система «Консультант плюс».
6. Зверев В.С. Трансграничные российско-китайские проекты: опыт реализации в Приморском крае // Стратегическое планирование на Дальнем Востоке: ответ на глобальные и локальные вызовы. М.: Московский общественный научный фонд. 2006. С.179-190.
7. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. (в ред. Федерального закона от 01.12.2007 N 318-ФЗ) // Справочная правовая система «Консультант плюс».
8. Кунделев А.В. Правовые основы международной и внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, проблемы и перспективы развития // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. №2. С.20 -28 .
9. Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. N 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // Справочная правовая система «Консультант плюс».
10. Желнина Е. В. Методологические принципы социально-управленческого моделирования в сфере инновационной активности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 138-142.
11. Вахтина М.А. Особенности становления и развития различных типов экономических организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2006. № 6. С. 23-27.
12. Желнина Е.В. Социально-экономическое влияние общественного воспроизводства на инновационную активность современных промышленных предприятий // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 110-113.

THE STATUS OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC ACTIVITY OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS FOR ITS IMPROVEMENT

© 2015

E.Yu. Bashkueva, candidate of historical sciences, research fellow of Department of regional economic studies *FGBUN Buryat scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude (Russia)*

N.I. Atanov, doctor of Economics, professor, scientific Director of the Institute of Economics and management *FSEI HPT Buryat State University, Ulan-Ude (Russia)*

Abstract. The article presents the results of the analysis of the legal framework of the regulation of international economic activity of the regions of the Russian Federation. In order to improve it, the authors recommend the following: to conduct an expert evaluation of the federal and regional statutory and regulatory framework of the international economic activity by taking into account globalization and the increase in frequency of crises on global markets; to introduce additions and amendments to the existing legislative and law enforcement acts of Russia due to Russia's integration with the CIS states and its entry into WTO, APEC, SCO, EurAsEC, Customs Union, and other international organizations; to pass a series of new federal laws regulating international economic activity ("On the Basic Foundations of International Economic Activity in the Russian Federation", "On the Border (Transboundary) Cooperation of the Russian Federation with Neighboring Countries", "On International Cooperation of Municipalities of the Russian Federation").

Keywords: international economic activity, regions of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, federal law, legal act, cross-border cooperation.

УДК 303.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТИВИЗМА В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА УЧАСТИЯ МОЛОДЁЖИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2015

А.А. Бухнер, старший преподаватель кафедры «Социального управления и организации работы с молодёжью»
Международный институт рынка, Самара (Россия)

Аннотация: Современные тенденции социальной жизни, а так же происходящие в современном российском обществе институциональные изменения, обратили внимание исследователей на проблему участия молодёжи в гражданском обществе. Однако социолога не интересует действие конкретного молодого человека, прежде всего для исследователя актуален вопрос социального контекста участия. Изучая социальную реальность, исследователь порой приписывает ей субъективный смысл - проводя исследования, он раскрывает истину из личного опыта. В рамках изучения того или иного явления важно раскрыть социальный контекст, знание которого является одним из оснований признания изучаемого процесса. Решение этой задачи предполагает уточнение авторской позиции касательно смысла конструктивистской социологии, её применение в рамках изучения контекста участия молодёжи в становлении гражданского общества. В соответствии с избранной нами методологией исследования конструирование в данном тексте определяется как созидательный инструмент, обязательно содержащий компонент творчества субъекта. Целью социального конструктивизма является определение путей, при помощи которых индивид и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности. Важным тезисом статьи является определение согласно конструктивистской методологии, где социальный контекст участия молодёжи в становлении гражданского общества – это процесс и в тоже время результат социального конструирования. При этом акцент делается не на «объективно» существующих характеристиках этого контекста, а на том, каким образом в обществе происходит формирование, поддержка и распространение представления о рассматриваемом участии.

Ключевые слова: контекст, конструктивизм, участие молодёжи, гражданское общество.

Современные тенденции социальной жизни, а так же происходящие в российском обществе институциональные изменения, обратили внимание исследователей на проблему участия молодёжи в гражданском обществе. Однако социолога не интересует действие конкретного молодого человека, прежде всего для исследователя актуален социальный контекст участия. По мнению Д. Берто: «Именно этот социальный контекст, будь то профессия, отрасль права, учреждение или неформальная сеть – объект интеллектуального внимания и страсти социолога» [1].

Изучая социальную реальность, исследователь порой приписывает ей субъективный смысл - проводя исследования, он раскрывает истину из личного опыта. Е.Р. Ярская-Смирнова утверждает «Мы можем понять их, лишь интерпретируя, уделяя пристальное внимание контекстам, в которых они сформированы». Знание такого контекста – одно из оснований признания изучаемого процесса [2, с. 252]. Наше обращение к социальному конструктивизму как методологии изучения социального контекста участия молодёжи в становлении гражданского общества продиктовано рядом гносеологических и социальных обстоятельств. Во-первых, вне зависимости от рассмотрения социального контекста участия молодёжи в гражданском обществе в разных ракурсах, он является широким и недостаточно структурированным объектом социологического исследования. Во-вторых, невысокий уровень методологической рефлексии и недооценка роли теории в интерпретации изучаемого объекта в предыдущие годы привели к тому, что в отечественной социологии социальный контекст роли и места молодёжи в становлении гражданского общества является, перефразируя С.И. Голода «фигурой под вуалью» [3]. То есть речь идет, скорее о том, что должно быть, а не что есть.

В социологии первые наброски конструктивизма можно увидеть в интеракционистской школе социологии 30-х гг. XX в., в частности в теориях символического интеракционизма (Ч. Кули, Г. Мид), рассматривавших социальное взаимодействие как основу для индивидуальных интерпретаций объективного мира. «Персональные идеи» Ч. Кули — наборы впечатлений вступающих в контакт и взаимодействующих людей друг о друге, что, по сути является конструированием смысла, проектируемого на человека при его интерпретации [4]. Г. Мид ввел в научный оборот новое понятие «the self», понимая его как социальный конструкт, утверждая, что только из-за возможности людей узнавать

и использовать символы, смыслы которых разделяются другими, люди могут коммуницировать при помощи языка, основанного на обусловленности смыслов [5,6]. Что касается основных предпосылок становления социального конструктивизма, то к ним принято относить феноменологическую социологию А.Шютца [7], философию языка Л.Витгенштейна [8], а также герменевтику Гадамера [9].

На рубеже 1980-х гг. появляется целый спектр концептуальных схем социального исследования науки в рамках социального конструктивизма, предметом анализа которых стал процесс зарождения научного знания в контекстном пространстве научного сообщества. В это время возникли: «интерпретивная» социология науки (Дж. Лоу, Д. Френч), «конструктивистская программа» (К. Кнорр-Цетина [10]), релятивистская программа (У. Коллинз), дискурс-анализ (М. Малкей, Дж. Гилберт [11]), этнометодологические исследования (Г. Гарфинкель, С. Уолгар), этнографические изучения науки (И. Элкан), тематический анализ (Дж. Холтон [12]) – программы, обозначенные в аналитической литературе как социально-конструктивистские, так как научное знание представлено здесь как результат и следствие процесса социального конструирования: «причинная связь, действующая в обществе, имеет самореференциальный характер, который объясняет обязательную силу конвенции» [13].

В 1998 году отечественными социологами Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной были сформулированы базисные представления социального конструирования гендера. По их мнению, гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в “практиках”, представлениях, нравах; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, – она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия. Задача исследователя – сквозь призму социального конструктивизма выяснить, каким образом создается мужское и женское в социальном взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится [14, с. 175]. Проведём параллель с изучаемым нами вопросом. Участие так же можно рассматривать как повседневный мир взаимодействия актора (молодёжи) с социальной реальностью и задачей нашего исследования также является выяснить, каким образом конструируются, создаются рамки участия молодёжи в системе гражданского общества, в каких сферах это участие поддерживается.

Отметим, что в социальных науках существует два понятия – конструктивизм («constructivism») и конструкционизм («constructionism») – два термина, которые включают в себя одно рабочее понятие «конструктивизм/конструкционизм», в своей совокупности отражающее комплексный подход под общим названием «эпистемологический конструкционизм», представляющий собой один из новейших подходов целого спектра социально-гуманитарных наук (социальных, философских, психологических, лингвистических). Важно отметить, что целью социального конструктивизма/конструкционизма является определение путей, при помощи которых индивидум и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности.

В нашем исследовании в соответствии с наследием предшественников социального конструктивизма, его основоположников П. Бергера и Т. Лукмана [15], а также Б. Барнса [16] и Д. Блура [17], социальный конструктивизм будет определяться как способ теоретизирования, характеризующийся такими особенностями как:

- социальный мир в нем предстает как существующий из интерпретаций, смыслов и идей, думающих и действующих индивидов (в отличие от объективного представления, согласно которому человеческое существование характеризуется общим набором предзаданных обстоятельств).

- человек здесь предстает как коммуникативный агент, активно создающий и конструирующий социальный мир.

- к основополагающим принципам данной методологии, отражающим его специфику, отнесем соответственно принцип непредвзятости (применим к участникам дискуссии), согласно которому в научной дискуссии не следует ставить в привилегированное положение ни одного из участников и ни одна из научных теорий не имеет право на привилегированный эпистемологический статус; и принцип симметрии, согласно которому одни и те же типы причин должны объяснять верования как подлинные, так и мнимые, т.е. значение и содержание знания не установлено без принятия во внимание условий, при которых это знание было произведено [14, с. 177]. Отсюда социокультурные, политические, институциональные, коммуникативные аспекты научно-познавательной деятельности не только получают углубленное развитие, но и учитываются как ключевые факторы научного производства. Социальный конструктивизм внес наибольший вклад в формирование сомнений о самой возможности достижения истинных знаний вне зависимости от личностных и культурных влияний [18].

Подчеркнем наряду со сказанным выше, что конструктивистский подход – не панацея от всех бед. У него – как и любого другого подхода – есть свои сильные и слабые стороны. Так, Е.Н. Князева выделяет следующие преимущества конструктивизма:

а) акцентация внимания на возможности постоянно и активно создания реальности и самого себя, растворения Я - субъекта в окружающем его мире, в деятельности, в сетях коммуникации, которые он создает и которые создают, творят его самого;

б) расширение пространства возможного, что позволяет свободно играть с реальностью и со своим опытом, перестраивая мир по своему усмотрению и ожидая от него отклика;

в) постулирование важности создания метареальности в процессе коммуникации, в которой отношение играет большую роль, чем содержание передаваемого [19].

В свою очередь, к слабым сторонам конструктивистского подхода вслед за Е.Н. Князевой отнесем то, что субъект деятельности, активно создавая реальность и строя самого себя во взаимодействии с ней, не встречает никакого сопротивления реальности, он не чувствует границы между собственным опытом и реальностью как

таковой [19, С. 8] - это происходит в связи с тем, что у субъекта нет доступа к объективной реальности. На наш взгляд, так же существенным недостатком данного подхода является отсутствие определённых рамок анализа с помощью конструктивистского подхода, которые помогли бы исследователю быть более объективным.

Смысл конструктивистской методологии заключается в том, что она вновь и вновь подвергает сомнению свои основания, пересматривает свои базовые позиции, гипотезирует, порождает предсказательные схемы, не стремясь найти и доказать «истину», а пытаясь рассмотреть реальность с множества всевозможных точек зрения, понимая, что различные исследовательские ракурсы не являются противоречащими, но дополняют друг друга [20].

Происходит разрушение позиции независимого наблюдателя, признается, что позиция исследователя не абсолютна, а сфера наблюдения ограничена самими исследовательскими инструментами. Возникает идея множественности, дополнительности описаний реальности и методов исследования [21, 22, 23].

Таким образом, в соответствии с избранной методологией исследования конструирование в нашем тексте определяется как созидательный инструмент, обязательно содержащий компонент творчества субъекта. Согласно конструктивистской методологии, социальный контекст участия молодёжи в становлении гражданского общества – это процесс и результат социального конструирования. При этом акцент делается не на «объективно» существующих характеристиках этого контекста, а на том, каким образом в обществе формируются, поддерживаются и распространяются представления о рассматриваемом участии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. – СПб: Центр независимых социологических исследований, 1997, С. 14
2. Щукина Н.П. Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей. М, 2004, С. 252
3. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. 240 с.
4. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/3786520/>
5. Белик А.А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология. URL: http://psyjournals.ru/social_psy/2011/n1/39645.shtml
6. Горбачева Н.Б. Межпоколенная коммуникация сквозь призму символического интеракционизма // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. №1 (10). С. 61-65.
7. Шютц А. Структура повседневного мышления // Социс, 1988. № 2. С.129 - 137.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Зарубежная прагматика. М.: Прогресс. 1985. С. 79 – 128
9. Шестакова, М. А. Функции здравого смысла в герменевтике Гадамера // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1999. № 4. С. 90 -100.
10. Knorr Cetina K. Objectual Practice // Thinking Practices: The Practice Approach in Social Thought / Eds. K. Knorr Cetina, E.v. Savigny, T. Schatzki. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
11. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. 252 с.
12. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Высшая школа, 1981. 382 с.
13. Погукаева Н. В. // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 12. 2006. С.7
14. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3(12)

- № 3-4. С. 171-182.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Очерки социологии знания. М.: Медум, 1995. С. 43.
16. Barnes B. Elusive Memories of Technoscience. - Perspectives on Science: Historical, Philosophical, Social. Vol. 13, Issue 2 - Technoscientific Productivity, Summer 2005.
17. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365-389.
18. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. – Минск: АСАР, 2005, с. 148-161
19. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37.
20. Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология : Реф. журнал :РЖ : Отеч. и заруб. лит. / Рос. акад. наук, ИНИОН. – М., 1999.
21. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. С. 64-65.
22. Желнина Е. В. Методологические принципы социально-управленческого моделирования в сфере инновационной активности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 138-142.
23. Желнина Е.В. Значимость общественного воспроизводства в структуре факторов интенсификации инновационной активности // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 117-121.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF CONSTRUCTIVISM IN THE STUDY OF SOCIAL CONTEXT, THE PARTICIPATION OF YOUTH IN DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

© 2015

A.A. Buchner, senior lecturer in «Social management and organization of work with young people»
International Market Institute, Samara (Russia)

Abstract: Modern trends in social life, as well as in the contemporary Russian society, institutional changes, the researchers drew attention to the problem of youth participation in civil society. However, the sociologist is not interested in the action of the individual young person, especially a researcher pressing question of the social context of participation. By studying the social reality, the researcher sometimes attributed to her subjective sense - doing research, he reveals the truth of personal experience. As part of the study of a phenomenon, it is important to reveal the social context, knowledge of which is one of the grounds for recognition of the studied process. The solution to this problem involves the specification of the author's position on the meaning of the constructivist sociology, its application in the study of the context of youth participation in the development of civil society. In accordance with our chosen research methodology design herein is defined as a creative tool, be sure to contain components of the subject of creativity. The purpose of social constructivism is to determine ways in which individuals and groups of people are involved in the creation of perceived social reality. An important thesis of the article is to determine according to the constructivist methodology where the social context of youth participation in the development of civil society - a process and at the same time, the result of social construction. The emphasis is not on the "objective" of the existing characteristics of this context, and on how the society is the formation, maintenance and dissemination of ideas about the participation of consideration.

Keywords: context, constructivism, participation of young people and civil society.

УДК 316.1: 65.01

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ

© 2015

Н.Н. Верховцева, аспирант кафедры социологии социальной сферы и демографии
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается специфика взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации. Особое внимание обращается на предлагаемую трактовку пространства коммуникации, политической коммуникации, а также типологию и характеристику моделей и видов взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации.

Ключевые слова: пространство коммуникации, политическая коммуникация, конфликтные формы взаимодействия, модели коммуникации.

В XXI веке наша страна вступила в сложный и очень ответственный период своего развития. Модернизация и реструктуризация экономики сориентировала ее на новые социальные вызовы: повышение роли человеческого капитала, устранение бедности, упреждение демографических и экологических рисков. Развивающиеся сегодня социально-экономические и социально-политические процессы во многом определяют облик России в стратегической перспективе XXI века.

Решение обозначенных выше проблем предполагает усиление консолидации всех слоев и групп российского общества, повышение социализации личности, реальной роли участия граждан и их объединений в публичной политической деятельности. Одним из важных элементов, способствующих повышению роли граждан и их политическому участию, является диалог между обществом и государством. Ведь именно гражданское общество выступает в качестве институционального механизма раскрытия творческих сил человека в интересах государства, общества, и, наконец, самого

человека.

Как институт гражданского общества диалог между властью и обществом должен выполнять и, отчасти, уже выполняет ряд функций: контроль над институтами власти, противодействие их стремлению отойти от решения важных социально-экономических проблем. Как правильно отмечает Ф. Шмиттер, институты гражданского общества должны составлять, в совокупности систему «потенциального сопротивления произволу и тирании правителей, будь то незаконные узурпаторы или фанатичное большинство». [1] Также диалог между властью и гражданским обществом способствует политической социализации граждан, определяет гражданские формы поведения и тем самым формирует политическую культуру общества в целом, способствует снятию напряжения в обществе, мобилизуют граждан к участию в решении важных социально-значимых проблем.

В отличие от других институтов общества диалог государства и гражданского общества является горизонтальным общественно-политическим

институтом. Его главное предназначение или, скорее, миссия — осуществление равноправного двухстороннего диалогового взаимодействия между другими институтами гражданского общества с государственной властью, а также друг с другом.

Одним из основных элементов институционализации диалога между властью и гражданским обществом является принцип обратной связи, который рассматривается в различных аспектах и сферах общественной жизни. Л.А. Петрушенко под управлением посредством обратной связи понимал «связь между управляемыми и управляющими для передачи осведомительной (или контролируемой) информации от управляемого устройства к управляющему и вместе с тем один из элементов управления обратной связью». [2, с.28] О.Н. Шабров принцип обратной связи рассматривает как важнейший элемент в механизме политического управления. Научный аппарат кибернетической науки он применил для создания так называемой политической кибернетики, в которой особая роль принадлежит политической обратной связи. [3, с. 171-172]

Однако не стоит смешивать между собой понятия обратная связь и диалог. Не всякая обратная связь есть диалог. Обратная связь позволяет власти выяснять общественное мнение, узнавать позицию людей и социальных групп на различные общественные, социально-экономические или политические события, отслеживать тенденции и настроения в обществе, прогнозировать дальнейшее развитие ситуации. И все равно это односторонний коммуникативный процесс в виде субъект-объектного политического управления, монолог, агитация, пропаганда, манипуляция общественным мнением, односторонне воздействие на сознание общества с целью достижения каких-либо политических целей.

При этом всякий диалог подразумевает наличие обратной связи. Общественно-политический или гражданский диалог, в отличие от управленческой обратной связи, предполагает не субъект-объектные отношения власти и общества, а симметричную субъект-субъектную обратную связь. Здесь коммуникация не заканчивается возвращением информации, отправленной адресантом к адресату назад к ее отправителю. В диалоговой коммуникации обратная связь постоянно циркулирует от одного субъекта диалога к другому, позволяя его участникам не только испытывать информационное воздействие на себе, но и самому, в процессе продолжающейся интеракции, в свою очередь воздействовать на другого субъекта (партнера, оппонента) по коммуникации. Это и есть диалогическое взаимодействие субъектов (государства и общества) коммуникации, а не монологическое субъект-объектное воздействие власти на социум и прямое управление обществом. Репертуар коммуникативных ролей субъектов диалога строго не зафиксирован и позволяет его участникам производить смену позиций с активной на пассивную и наоборот. [4]

Еще одним структурным элементом диалога является аудитория, для которой, собственно говоря, и разворачивается публичный политический диалог, который, кстати, может протекать как в очной, так и в заочной форме, может быть либо локализован, либо растянут в пространстве и во времени. Средства диалоговой коммуникации являются материально-вещественной стороной политического диалога. Сюда можно отнести не только электронные и печатные СМИ, но, так же, все более усиливающие свои позиции Интернет-коммуникации и веб-сайты. К коммуникативным средствам политического диалога следует отнести всевозможные дискуссионные площадки, политические клубы, общественные приемные, пресс-конференции различного масштаба и уровня, включая транслируемое на всю страну по центральному телевидению интерактивное общение

высших должностных лиц нашего государства с населением регионов России и копирование этой формы властями субъектов федерации и местного самоуправления.

Государство оказывает влияние на гражданское общество, его структуры. Но вместе с тем оно испытывает и обратное влияние. Структуры гражданского общества способны оказать воздействие, прежде всего на правотворческую деятельность государства, критикуя законопроекты, внося в них дополнения, изменения или предлагая новые [5].

В коммуникативном равенстве ролей заключается главный демократический принцип общественно-политического (гражданского) диалога. Конечно, по своей сути политика — это борьба за доминирование, соперничество, состязание за власть. Однако диалог с участием государства и гражданского общества имеет институциональные ограничения, правила организации и проведения, с которым должны считаться все участники коммуникации. Поэтому политическое неравенство субъектов диалога, объективно существующее в социально стратифицированном обществе, преодолевается (должно преодолеваться) благодаря писанным и неписанным нормам и принципам институционального диалога, его регламенту и официальному модератору, следящему за соблюдением симметрии со стороны всех участников интеракции.

Диалог государства и гражданского общества хотя и содержит в себе управленческие элементы, но не сводится к одностороннему управлению гражданским обществом со стороны государства. Государство принимает законы, на основе которых функционируют институты и организации гражданского общества. Но и гражданское общество через свои институты так же воздействует на государство в ходе общественного диалога с властью, понимаемого предельно широко. Здесь на первый план выходит не столько управленческий аспект политической обратной связи, сколько ее коммуникативно-дискурсивный аспект в духе политической философии Юргена Хабермаса. Благодаря этому диалогическая обратная связь выступает в качестве механизм согласования интересов, достижения консенсуса и компромисса на основе принципов гражданской (политической) культуры общества. [5]

Процесс коммуникации между государством и гражданским обществом характеризуется разной степенью развитости диалоговой интеракции и способствует институционализации диалога. Данный процесс характеризуется различными моделями коммуникации.

Первый вариант — это государственная поддержка развития массовых общественных организаций или «модель садовника». Здесь в роли «садовника» должны будут выступить органы федеральной, региональной и местной власти. В процессе двухстороннего взаимодействия власть принимает законодательно-нормативные акты, способствующие зарождению и развитию массовых общественных организаций, как основы российского гражданского общества. В ходе этого процесса будет постепенно выстраиваться субъект-субъектная двухсторонняя обратная связь на основе становления и развития диалога общества и власти, инициируемая государством.

Второй вариант представляет собой социально-политическое партнерство во взаимодействии органов власти и самостоятельных общественных организаций, когда государство понимает важность существования сильного гражданского общества. При этом власть не пытается управлять гражданским обществом, а «участвует в различных формах диалога с массовыми общественными организациями, в виде переговорных площадок и в других формах». [6, с.48]

И, наконец, третья модель, «модель архитектора». В ходе ее возможного осуществления гражданское

общество самостоятельно «формирует публичную политику, предлагая... решение определенных проблем». Это три наиболее благоприятных модели для развития партнерских отношений между властью и обществом, которое будет сопровождаться развитием между ними коммуникации в ее диалоговом варианте.

Альтернативой этому курсу может стать другая модель в виде доминирования государства над обществом, встраивания его в государственную вертикаль власти и управления гражданским обществом на основе субъект-объектных отношений со стороны власти. В данном случае возможен вариант появления псевдиалога с ограниченной обратной связью.

Еще более печальным может оказаться исход процесса институционализации диалога, в случае реализации варианта отсутствия взаимодействия, то есть полного прекращения двухсторонней коммуникации и игнорирования властью проблем гражданского общества и общественных организаций.

Еще одним вариантом развития диалога между властью и гражданским обществом может стать ситуация перехода от сотрудничества к конфронтации. При осуществлении данной модели, диалог между властью и обществом не возможен, а ведущей и, по сути дела, единственной формой политической коммуникации государства и общества станет однонаправленный монолог.

Необходимо также отметить, в условиях политической модернизации политической системы российского общества и нарастания волны политической активности «особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение». [7]

В качестве общего вывода следует сказать, что для институционализации гражданского диалога необходима определенная институциональная среда, как в самом гражданском обществе, так и во властных структурах, в виде специально созданных для этого или уполномоченных органов или структур [8-13]. Речь идет, в частности, о снижении доли государственных ассигнований и увеличении корпоративных расходов на финансирование деятельности. Образовательные структуры и корпорации имеют все возможности формировать специализированные структуры (технопарки, бизнес-центры, научно-производственные объединения), цель которых – ускорение внедрения в производство результатов научных исследований и разработок [14-22].

Важно также наличие нормативно-правовых актов, предусматривающих механизмы, формы, процедуры и принципы взаимодействия власти и социума. И, наконец, обязательно осознание выгоды диалоговой интеракции и государством, и гражданским обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шмиттер К. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5.
2. Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические принципы управления). М., 1967. С. 28.
3. Шабров О.Ф. Политическая кибернетика // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т.2. М., 1999. С. 171-172. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shabrov.mfo/Statji/pol_kib.htm; Он же. Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход) Диссертация... доктора политических наук М., 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shabrov.mfo/dis_doc.htm
4. Зайцев А.В. Принцип обратной связи и институционализация диалога государства и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики, 2012. №2. С. 1-21.
5. Горбачева Н.Б. Сущность и содержание коммуникации как социокультурного явления //

- Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № 7. С. 36-40.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/пер. с нем.; под ред. Д.В.Скляднева. СПб., 2000.380с.
 7. Сунгуров А.Ю., Нездюров А.Л. Модели взаимодействия органов власти и гражданских структур: российский опыт и попытка прогноза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nauka.vvags.ru/index?name=ar+&a=r_art&id=213.
 8. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации // Модернизация и политика в XXI веке. М., 2011. С. 241.
 9. Вахтина М.А. Институционализм как отражение социокультурного подхода в экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11-2. С. 23-25.
 10. Халиуллина Л.И. Правила и контроль: экономический институционализм // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 110-113.
 11. Кондратьева Т.В. Институциональное равновесие как фактор экономического развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 1. С. 59-62.
 12. Бурганов Р.А. Процессы создания институционального поля рынка услуг // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 26-32.
 13. Григорьева Н.С., Григорьева О.В. Влияние институциональной структуры на издержки оппортунистического поведения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. С. 18-20.
 14. Иванова Т.Н. Социально-трудовая мобильность современной молодежи: состояние и перспективы (региональная специфика) //Иванова Т.Н. диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / ГОУВПО «Саратовский государственный университет». Саратов, 2011
 15. Тимирясова А.В., Крамин Т.В. К вопросу о структуре интеллектуального капитала образовательного учреждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 254-258.
 16. Жданкина И.Ю., Шамин Е.А. Сущность и понятие конкурентоспособности образовательных организаций // Вестник НГИЭИ. 2014. № 9 (40). С. 12-18.
 17. Тимирясова А.В., Крамин Т.В. Формирование модели управления с стоимостью в региональном научно-образовательном кластере // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 2 (24). С. 341-347.
 18. Люсев В.Н. Эвристические средства интеграции образовательной и профессионально-производственной деятельности // Педагогическое образование и наука. 2012. № 1. С. 81-86.
 19. Тимирясова А.В., Крамин Т.В. Предпосылки и направления интеграции в российском образовании // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 144-150.
 20. Жданкина И.Ю., Смирнов А.Н., Шамин Е.А. Предпосылки и факторы, влияющие на конкурентоспособность образовательных услуг организаций высшего образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 113-119.
 21. Люсев В.Н., Мишин А.В. Современные формы взаимодействия образования и производства // Педагогическое образование и наука. 2012. № 1. С. 79-81.
 22. Овчаров А.О. Экономическая методология и проблема формализации в науке // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 10-16.

THE FORMATION OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY
IN THE SPACE OF COMMUNICATION

© 2015

N. N. Verhovceva, the post graduate student Department of sociology social sphere and demographic
Samara state University, Samara (Russia)

Abstract: In the article the specificity of interaction between government and society in the space of communication. Particular attention is drawn to the proposed interpretation of the space of communication, political communication, as well as the typology and characteristics of models and types of interaction between government and society in the space of communication.

Keywords: space communication, political communication, conflict communication, models of communication.

УДК 316.614.4

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ПОНИМАНИЮ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

© 2015

К.Г. Герасимова, старший преподаватель кафедры методологии
социологических и маркетинговых исследований
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация. Термин «самореализация» в настоящее время широко используется за пределами научного дискурса. Стремление максимально реализовать себя, свои возможности становится практически элементом «хорошего тона» для современного человека. Вместе с тем, оставаясь предметом научных изысканий, это явление рассматривается широким кругом гуманитарных дисциплин: психологией, педагогикой, социологией, философией, социальной антропологией и многих других. Психология в этом ряду занимает особое место, ведь именно в рамках этой науки осмысление самореализации ведется изначально и наиболее активно. В представленной публикации фокус исследовательского интереса направлен на социологический опыт изучения феномена самореализации. Теоретический анализ показывает особый интерес отечественных социологов к профессиональной самореализации, что вполне закономерно, учитывая высокую популярность социологии труда в советские годы. Социология, вместе с тем, обладает значительным потенциалом для изучения процесса самореализации с позиции различных методологических оснований: например, феноменологии А.Шюца или драматургии И.Гоффмана, сквозь призму теории практик П.Бурдьё или диспозиционной концепции личности В.А.Ядова, а также многих других. Однако особую ценность представляют собой специальные теории среднего уровня (в терминологии Р.Мертон). В статье подробно анализируется одна из них: теория социализации и самореализации личности зрелого возраста, разработанную И.В.Солодниковой. Автор определяет самореализацию через личностный рост и самоосуществление в повседневной деятельности через проживание своего особого жизненного пути в конкретно-исторических условиях. Авторская модель социализации и самореализации личности в зрелом возрасте охватывает такие параметры как условия самореализации, установки на самореализацию, процесс, механизмы, критерии, уровни и результат самореализации. На основании эмпирических данных Солодникова И.В. выстраивает типологию в зависимости от субъективных критериев самореализации в ключевых жизненных сферах.

Ключевые слова: самореализация, социализация, профессиональная самореализация, условия самореализации, механизмы самореализации, критерии самореализации.

Несмотря на сугубо научную этимологию, термин «самореализация» довольно прочно закрепился в публичном (непрофессиональном) дискурсе. Стремление «реализовать себя», свои возможности стало практически отличительной чертой современного поколения. Самореализация «проникает» в политические документы, в тексты рекламных листовок, в описание вакансий, в содержание песен, интернет-«карикатуры» и, более того, в нашу повседневную речь.

Тренинги и книги по личностному росту, тайм-менеджменту, поиску универсальных секретов жизненного успеха – невероятно популярный продукт нашего времени. Не менее показательным моментом является и то, что мы начинаем применять термин «эффективность» по отношению к человеку (например, нашумевший бестселлер Стивена Кови «7 навыков высокоэффективных людей», изданный еще в 1989 году, и в наши дни крайне востребован читателями [1]).

Самореализация относится к межпарадигмальным и междисциплинарным понятиям. Дискуссии о его содержательной интерпретации перманентно возникают в дискурсе гуманитарных дисциплин.

Первую скрипку в концептуальном осмыслении феномена самореализации, безусловно, играет психология. Середина прошлого века ознаменована появлением работ целой плеяды зарубежных авторов (представителей гуманистической психологии – А. Адлера, А.Маслоу, К.Роджерса, Э.Фромма и др.), посвященных вопросам развития сущностных сил человека, реализации его потенций, механизмам и факторам, детерминирующим этот процесс.

Отечественные психологи вносят свой вклад в теоретическое осмысление и практическое изучение феномена самореализации: Абульханова-Славская К.А., Ананьев Б.Г., Асмолов А.Г., Галажинский Э.В., Деркач А.А., Клочко В.Е., Коростылева Л.А., Кудинов С.И., Леонтьев Д.А., Рубинштейн С.Л., и многие другие.

Значимость изучения вопросов личностного развития в целом и самореализации, в частности, подчеркивает формирование отдельного научного направления – акмеологии [например, 2].

В психологическом дискурсе ведется активная полемика по вопросам содержательной интерпретации и эмпирического изучения феномена самореализации. Прошлый опыт классиков осмысливается заново, предлагаются новые комплексные решения, ведется активная практическая работа. Среди всего множества взглядов и подходов остановимся немного подробнее на отдельных авторах.

Так, Коростылева Людмила Алексеевна – флагман петербургской школы психологии – приводит следующее определение данного феномена: «самореализация личности – это осуществление возможностей развития Я посредством собственных усилий, содействия, сотворчества с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом...».

Далее Людмила Алексеевна комментирует: «самореализация как процесс реализации себя – это осуществление самого себя в жизни и повседневной деятельности, поиск и утверждение своего особого пути в этом мире, своих ценностей и смысла своего существования в каждый данный момент времени. Самореализация достига-

ется только тогда, когда у человека имеется сильный побудительный мотив личностного роста». [3, с.52]

Коростылева Л.А. детально исследует процесс самореализации в двух ключевых жизненных сферах: брачно-семейной и профессионально-трудовой. В качестве объекта исследования выступают лица, обратившиеся в службу знакомств и службу занятости (соответственно). Закономерности процессов самореализации изучаются автором через анализ путей преодоления затруднений (барьеров) на разных уровнях. При этом значимость имеет не столько результат преодоления, сколько сам процесс, поскольку появляется возможность изучить непосредственно ход самореализации, ее психологическую природу [3,4].

Значительная работа по изучению и методологическому осмыслению самореализации ведется со стороны тольяттинских психологов. В частности, системно-функциональный подход, предложенный Кудиновым С.И., раскрывает сущность самореализации как совокупности инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза [5].

Тандем томских психологов Э.В. Галажинского и В.Е.Ключко обогатил психологический концепт самореализации системным представлением. Опираясь на понимание человека как сложной целостной самоорганизующейся психологической системы, авторы последовательно раскрывают специфику самореализации как некой формы обеспечения саморазвития этой системы. Помимо этого Э.В. Галажинский и В.Е.Ключко указывают, что в более широком психоисторическом контексте именно потребность в самореализации становится ведущей для человека на данном этапе филогенеза (оттесняя на второй план витальные потребности) и выступает своеобразным источником раскрытия сущностных сил человека, его самости [6].

Свою лепту в осмысление самореализации вносят и другие гуманитарные дисциплины: социология, педагогика, социальная антропология, философия и другие. Фокус каждой отдельной науки на трактовку и эмпирическое изучение самореализации задан ее предметным полем, ее общей методологией.

Теоретический и эмпирический «багаж» социологии в отношении феномена самореализации, более скромный на фоне психологической науки. Пожалуй, мы даже не можем пока говорить о некоторой социологической «традиции» в отношении трактовки и изучения феномена самореализации.

Опыт социологического осмысления самореализации по большому счету является мозаичным, фрагментарным. В подавляющем большинстве случаев самореализация «проявляется» как бы вскользь, подспудно, оставаясь в тени основных предметов теоретических и эмпирических изысканий: будь то труд и ответственность работой, ценностные ориентации, гендерные роли, трудности социализации и прочее.

Так, упоминание о самореализации мы можем найти и в трудах мирового классика Карла Маркса. Как педантично заметил Эрих Фромм (обеспокоенный некорректной трактовкой идей немецкого философа), история человека есть история его самореализации, его самовыражения через труд и производство. Согласно К.Марксу, труд представляет собой не средство достижения цели, но саму цель. Причем труд не подневольный, но свободный, когда преодолено «отчуждение» (при социализме, а не при капитализме), когда человек свободно выражает себя как индивидуальность, используя свои физические и психические силы, когда он способен обрести единение с природой [7, с.375-414].

Продолжая раскрывать тему самореализации в контексте трудовой деятельности, нельзя не отметить хрестоматийное исследование «Человек и его работа» [8]

(под руководством В.А. Ядова и А.Г.Здравомыслова), впоследствии «выросшее» в диспозиционную концепцию личности [9]. Богатейший эмпирический и методический^{□**} материал был дополнен исследованием рабочих «нового тысячелетия». Но опять же самореализация как социальное явление здесь скорее подразумевается, нежели акцентируется. Так, например, ключевая цель изначального эмпирического исследования (1960-х гг.), вдохновленная идеями К.Маркса о превращении труда в «первую жизненную потребность», может быть переформулирована так: имеет ли место процесс самореализации человека в труде. В этом отношении для нас особый интерес представляет изучение структуры мотивов труда рабочих. Несмотря на то, что заработок остается ведущим мотивом труда, как в советском, так и современном обществе, такой мотив, как «реализация своих способностей» планомерно занимает место в мотивационном ядре, хотя и уступает по степени выраженности «возможности общения с людьми». При этом структура мотивов труда не имеет существенных отличий между молодежью и рабочими старше 30 лет [8, с. 459-362].

В арсенал современных социологических исследований посвященных профессиональной самореализации можно отнести многолетнюю работу сотрудников ИС РАН под руководством Константиновского Д.Л., при участии Чердниченко Г. А и других, посвященную, в том числе, изучению образовательных и профессиональных траекторий молодежи [10-12]. Современная российская молодежь как объект социализации и самореализации и ее роль в воспроизводстве социальной структуры общества находятся в центре внимания крупномасштабного исследования М.К.Горшкова и Ф.Э.Шереги [13].

Иной взгляд на вопросы самореализации с точки зрения «полярной группы» пенсионеров в контексте изучения социального времени представлен в работах Т.З.Козловой [14,15].

Самореализация может быть осмыслена в рамках разных методологических подходов: например, в ракурсе феноменологии А.Шюца или в терминах «эффективности» использования разного рода капиталов (П.Бурдьё) – личностного, образовательного, профессионального и др. Однако особый вклад в социологическую «копилку» вносит разработка «специальной» теории самореализации (теории среднего уровня в терминологии Р.Мертона).

К первым шагам подобного рода можно отнести работу отечественного пионера социологии личности И.С.Кона «В поисках себя: личность и ее самосознание» (1984) [16]. Идеи, заложенные в монографии, имеют, несомненно, более широкий контекст, однако самореализации уделяется особое внимание. В частности, автор выводит на авансцену понятие самореализации, когда раскрывает особенности перехода личности от юности к взрослости. Именно самореализация отличает взрослость, как определенный этап развития личности. В противовес максимализму юности, ее постоянному поиску себя и стремлению к избеганию проблем, зрелость отличает осознанный выбор значимых сфер жизни и стремление к самореализации в них, не избегание, но решение проблем [16, с. 207-218].

Среди современных авторов комплексное теоретическое осмысление феномена самореализации с позиции социологии, представлено в работах И.В.Солодниковой. [17,18]

Разрабатывая комплексную социологическую концепцию самореализации личности, И.В. Солодникова действует в рамках микросоциологической парадигмы (социологического номинализма), в фокусе которого находится личность в богатстве ее социальных связей и практик, а также опирается на идеи «понимающей социологии». В качестве методологических оснований приводятся идеи гуманистической социальной мысли последователей направления «life-span development» (развитие на протяжении всей

жизни). Кроме того, автор подчеркивает неизбежность обращения к наработкам «смежных» дисциплин – психологии, антропологии и других.

Ирина Витальевна настаивает, что процессы самореализации являются отличительной (сущностной) чертой процесса социализации личности в зрелом возрасте [18]. При этом границы зрелого возраста определяются как 30-60 лет.

Автор определяет самореализацию как «личностный рост, осуществление себя в жизни и повседневной деятельности, утверждение своего особого и самостоятельного пути в конкретно-исторических условиях (рассматриваются только просоциальные формы поведения)» [17, с.12].

Самореализация осуществляется через последовательные выборы личности в ходе проживания своего «жизненного пути».

Авторская модель социализации и самореализации личности в зрелом возрасте охватывает такие параметры как условия самореализации, установки на самореализацию, процесс, механизмы, критерии, уровни и результат самореализации [17, с.28-45].

Рассматривая условия самореализации, И.В.Солодникова выделяет *социальные и индивидуальные*. Социальные условия самореализации описывают состояние общества, в котором существует индивид. Оно может быть стабильным, и в таком случае жизненный путь индивида представляет собой следование некоторому «нормативному расписанию жизни», либо нестабильным (более распространенный термин – «общество риска» (У.Бек)[19]), и в таком случае проявляется множественность вариантов траекторий самореализации. Современное общество как раз и определяется как нестабильное, что с одной стороны оставляет право на существование некоторого нормативного понимания практик и траекторий самореализаций, однако, с другой стороны, допускает вариативность этих траекторий.

Таким образом, самореализация (как проявление социализации) мыслится не только как процесс нормативного воспроизводства, но и как собственно созидательный творческий процесс производства «новых норм».

Помимо внешних социальных условий самореализации необходимо учитывать *индивидуальные*, которые связаны, прежде всего, с обладанием такого рода капиталов, как здоровье и образование (что увеличивает вероятность удовлетворительной самореализации), а также с наличием черт самоактуализирующейся личности.

Следующий элемент концептуальной модели – установки на самореализацию. В качестве таковых, Солодникова И.В. указывает такие социологические индикаторы как готовность к изменениям, способность на них реагировать, а также социально-психологические установки, связанные с готовностью раскрыть (актуализировать) черты самореализующейся личности.

Процесс самореализации происходит через проживание индивидуальной траектории самореализации, специфика которой детерминирована, во-первых, областями социальной практики, где она осуществляется, во-вторых, скоростью протекания (нормативная (социально-принятая), соответствующая «нормативному» расписанию событий жизненного цикла; ускоренная, стремительная, как правило, определяющаяся наличием некоторого стартового капитала; «неравномерная», отложенная), и, в-третьих, самодетерминированностью-навязанностью (что, однако, сложно выявить эмпирически, по мнению автора).

В качестве ведущих областей практик самореализации Солодникова И.В. (вслед за Коростылевой Л.А. и др.) выделяет профессиональную и семейную. Дополнительными сферами, по мнению автора, выступают самообразование, хобби, увлечения (освоение новых форм досуга), общественная активность и поддержание здоровья [16, с.43].

Четвертым параметром выступают механизмы само-

реализации, которые состоят в личностном выборе ее направления и последовательности осуществления, а также самодетерминации личности, создании личностных смыслов и их экстерииоризации.

В рамках своей концепции И.В. Солодникова вводит понятие «критерии самореализации», которые действуют на субъективном уровне (в виде удовлетворенности) и объективном (определяемые через продуктивность (успех)/полезность).

Самореализация может осуществляться на различных уровнях. В первую очередь, через «уникальную» траекторию, основанную на внутренних устремлениях, осознании собственных потребностей и чувств, «маркирующие» усвоенные (или порожденные личностью) нормы и ценности. Далее, самореализация может проходить на нормативном уровне, т.е. отражать внешние по отношению к личности стратегии, соответствовать ожиданиям социального окружения. Кроме того, самореализация может просто отсутствовать. В таком случае человек убежден в невозможности достижения результата целенаправленно, он пассивен, реализует стратегию «ухода от принятия решений».

Результат самореализации проявляется на двух уровнях: общественном (через формирование социально одобряемых образцов личностной успешности, наращивание социального капитала в виде примеров для подражания будущими поколениями) и личностном (в виде личностного роста, развития личности, формирования здоровой, хорошо адаптированной личности).

Анализируя эмпирические данные траекторий самореализации в ключевых жизненных сферах (работе и семье), Солодникова И.В. выявляет следующие типы [17, с.43-47]:

- сбалансированная (высокая удовлетворенность работой и семейными отношениями);
- неравномерная, с ориентацией на профессию («дисбаланс» в сторону высокой удовлетворенности работой);
- неравномерная с ориентацией на успешность детей, либо на материальное обеспечение семьи (высокая удовлетворенность семейными отношениями в противовес низкой удовлетворенностью работой);
- неуспешная (низкая удовлетворенность в обеих ключевых сферах).

Помимо этого автор уделяет пристальное внимание анализу современного российского общества: в каких условиях происходит самореализация взрослого населения, какие возможности раскрываются и какие ограничения накладываются «внешними обстоятельствами». В дополнение изучаются специфические установки на самореализацию [17, с.45-54].

Концепция, предложенная Солодниковой И.В., комплексно рассматривает феномен самореализации именно в социологическом ключе (в контексте изучения процессов становления и изменения конкретного общества как единой системы). Кроме того, предложенный концепт обладает значительным потенциалом для эмпирической верификации.

Итак, как мы видим, социологический взгляд на феномен самореализации позволяет в значительной степени обогатить представление о нем [феномене], при этом, закономерным образом, расставляя иные, нежели психологический подход, акценты [20-24].

В настоящее время вполне предсказуемо происходят процессы размывания границ и пересечения предметных полей гуманитарных наук: зачастую сложного говорить об уникальности или эксклюзивности того или иного подхода. Вместе с тем всегда остается четкий ракурс, который определяет конкретное «поле игры».

Так, и для психологии, и для социологии, начальная точка концептуальных построений по поводу самореализации – это личность. Но для первой [психологии] она понимается, в первую очередь, как психический конструкт и, кроме того, выступает и финальной точкой «концептуального маршрута». Для второй [социологии]

личность «социальный продукт», и, помимо этого, финальный аккорд всегда находится на уровень «выше»: социология неизбежно стремится к обобщениям. Очень наглядное сравнение в этом отношении приводит Пер Монсон в книге «Лодка на аллеях парка»: он предлагает использовать метафору воспарения на вертолете над парком, где прогуливаются отдыхающие, (олицетворяющим структурную социальную структуру и, вместе с тем, структуралистское направление в социологии) или над морем, где на «невидимых глазу фарватерах» никогда не прекращается движение больших и малых судов (наглядно демонстрирующим экзистенциальное направление) [25, с.15-22]. Таким образом, в рамках социологического подхода к изучению самореализации мы будем идти от личности к более широкому социальному контексту: от внутренних установок – к внешним условиям, от траекторий самореализации – к особенностям общественного устройства [26-29], в рамках которого они осуществляются.

В современной России по мере развития общества важность анализа социальной мобильности возрастает. Изменяется и значимость анализа отдельных направлений социальных перемещений [30-36].

Кроме того, социология, если уже и не претендует на формулировку социальных законов (как изначально «было задумано»), то исследует типичные проявления социальной реальности: в нашем случае, типичные траектории, практики, механизмы самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер. 2012. 374 с.
2. Основы общей и прикладной акмеологии / Под ред. Деркача А.А., Бодалева А.А., Кузьминой Н.В. и др. М.: Российская академия государственной службы, ВА им. Ф.Э.Дзержинского, 1995. 386 с.
3. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Изд-во «Речь», 2005. 222 с.
4. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 292 с.
5. Кудинов С.И. Самореализация как системное психологическое образование // Журнал Regla. 2007. №16 [161] [Электронный ресурс] / Электрон. журн. Режим доступа к журн.: <http://www.relga.ru/>
6. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
7. Фромм Э. Душа человека. М.: «Республика», 1992, 430 с.
8. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов / А.Г.Здравомыслов, В.А.Ядов. М.:Аспект Пресс, 2003. 485 с.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
10. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.
11. Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.
12. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.
13. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
14. Краснова О.В., Козлова Т.З. Старшее поколение: гендерный аспект. М.: ИС РАН, 2007. 220 с.
15. Козлова Т.З. Социальное время пенсионеров: этапы самореализации личности. М.: НПЦ «Технограф», 2003.
16. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
17. Солодникова И.В. Самореализация личности в зрелом возрасте (социологический анализ): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. социол. наук (22.00.01). М. 2007. 56 с.
18. Солодникова И.В. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социологические исследования. 2007. №2. С.32-39.
19. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седелника и Н.Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
20. Горбачева Н.Б. Изучение молодежи в социологическом аспекте // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 57-60.
21. Джаббаров Р.В.О., Ибрагимов Х.Н. О воздействии процесса самореализации подростков на их профессиональную ориентацию // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 2 (13). С. 97-100.
22. Никашина Н.А. Базовые ценности как фактор самореализации личности людей с ограниченным зрением
23. Прошин И.А., Прошин Д.И., Прошина Н.Н. Методология формирования вектора знаний профессионального образования // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 8 (12). С. 130-137.
24. Пушкина Л.Г. Особенности развития профессионально-субъектной позиции будущего юриста в системе профессионального образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 150-153.
25. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию / Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1994. 96с.
26. Желнина Е. В. Социально-экономическое влияние общественного воспроизводства на инновационную активность современных промышленных предприятий // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 110-113.
27. Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2011. № 1 (40). С. 41-47.
28. Пастовенский А.В. Пути развития общественно-государственного управления общим средним образованием // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 2 (13). С. 244-247.
29. Горячев И.Н. К проблеме динамического равновесия общественных систем // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Т. 2. № 11 (15). С. 216-222.
30. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи //Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.
31. Гордеева Т.Е. Критерии профессиональной мобильности социальных работников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 3. С. 62-66.
32. Иванова Т.Н. Скорость и интенсивность как основные показатели количественного анализа процессов социально-трудовой мобильности молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 142-144.

33. Еременко Т.А. Адаптация выпускников как критерий профессиональной мобильности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 83-85.
34. Иванова Т.Н. О структурных элементах социально-трудовой мобильности молодежи на рынке труда // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 15-18.
35. Глухова Л.В., Сыротюк С.Д. Проектирование параметров и определение показателей качества содержания внутрифирменного обучения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 36-38.
36. Иванова Т.Н. Конструирование региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности и занятости молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. С. 25-27.

THE FEATURES OF SOCIOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING OF SELF-REALIZATION

© 2015

K.G. Gerasimova, assistant professor of the chair of social and market research methodology
Samara State University, Samara (Russia)

Abstract. The term “self-realization” is used widely outside of scientific discourse now. The aspiration to realize yourself and your opportunities as much as possible becomes practically an element of “good form” for a modern person. At the same time, remaining the subject of scientific researches this phenomenon is considered by a wide range of humanitarian disciplines: psychology, pedagogics, sociology, philosophy, social anthropology and many others. The psychology takes a special place in this row, because exactly within this science the judgment of self-realization is conducted initially and most actively. In the presented here publication the focus of research interest is directed on sociological experience of study of the phenomenon of self-realization. The theoretical analysis shows a particular interest of domestic sociologists to professional self-realization that is quite natural, considering high popularity of sociology of labor in the Soviet years. The sociology, at the same time, has a significant potential for study of process of self-realization from a position of various methodological bases: for example, A. Schutz’s phenomenology or I. Goffman’s social dramatic sociology, through P. Bourdieu’s theory of practices or the dispositional theory of the identity of V. A. Yadov, and also many others. However special theories of the average level (in R. Merton’s terminology) have a particular value. In the article the special attention is paid to one of them: theories of socialization and self-realization of the identity of mature age, developed by I. V. Solodnikova. The author defines self-realization through the personal growth and self-implementation in a daily activity through the inhabitation of the special way of life in concrete historical conditions. The author’s model of socialization and self-realization of personality at mature age covers such parameters as the conditions of self-realization, self-realization attitudes, the process, mechanisms, criteria, levels and result of self-realization. On the basis of empirical data Solodnikova I.V. builds the typology in dependence on subjective criteria of self-realization in key vital spheres.

Keywords: self-realization, socialization, professional self-realization, conditions of self-realization, modalities of self-realization, criteria of self-realization.

УДК 316.35:130.2

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2015

С.В. Гузенина, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии ИГСКО

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов (Россия)

Е.Л. Яковлева, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Объектом исследования статьи стало качество жизни жителей Тамбовской области. Авторы считают, что качество жизни выступает ключевым фактором, способствующим формированию региональной идентичности. Выявление качества жизни предполагает интегративный подход, активно используемый в рамках современной социологии. Социологическое исследование «Проблемы изучения качества жизни населения Тамбовской области», включающее в себя два этапа, имело цель сопоставить результаты объективного опроса о качестве жизни в Тамбовской области (данные Рейтингового агентства «РИА Рейтинг») с субъективным мнением жителей региона. Результаты исследования показали, что современные респонденты не задумываются над феноменами качества жизни и региональной идентичности, при этом низко оценили уровень качества жизни в регионе. Наиболее уязвимыми показателями стали уровень заработной платы, состояния здравоохранения и жилищных условий, что влечет за собой практическое отсутствие досуга и культурного просвещения. Несмотря на подобное положение дел высоким является показатель любви к родине, свидетельствующий о патриотичности и нравственной оседлости.

Ключевые слова: идентичность, качество жизни, регион, человеческий потенциал, образ жизни, рейтинг, региональная идентичность, интегративный подход, объективный опрос, субъективное мнение.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современном социокультурном пространстве, поглощенном электронной средой, человек оказывается потерянным и забытым не только для окружающих людей, но и для самого себя. Данный факт актуализирует проблему идентичности, выводя на аспект, связанный с качеством жизни.

Личность каждой культурно-исторической эпохи в любом своем состоянии/проявлении испытывает тягу к собственному осмыслению, определению и соотношению. Процесс выстраивания идентичности осуществ-

ляется одновременно через генерализацию (соотнесение себя с чем-то большим) и индивидуализацию (различение себя от иного), что создает предпосылки ее динамичной изменчивости в зависимости от ситуаций. Именно в этом обнаруживает себя идентификация, конструируемая внешними и внутренними параметрами, тем самым рождая собственное представление о Я и восприятие Я Другими. Как явление сложное и при этом хаотично-гармоничное/гармонично-хаотичное, она включает в себя множество модусов, в том числе национальный/конфессиональный/социальный.

Идентичность выступает в качестве ценности: ее на-

личие создает благоприятное пространство, в котором личность ориентируется, снижая уровень рисков в своей жизнедеятельности. Благодаря способности идентифицировать себя, представляющую собой мыслительно-логическую процедуру, человек *осознает смысл* конкретной культурно-исторической среды, в которую он погружен, и *модель проявления* в ней. В итоге *внешнее социальное* воспринимается индивидом как *объективированное внутреннее*, позволяющее демонстрации Я. Осознание своей идентичности помогает преодолеть кризисность бытия, обезличенность человека и различные формы отчуждения, встречаемые на жизненном пути.

Завертывание высоких технологий и появление гибридных культурных образований/форм приводят к эрозии старых форм идентичности и рождают иную социокультурную среду, способствуя появлению новых типов и моделей постсовременной идентичности. Усугубляют ситуацию, с одной стороны, очарованность идеологией потребления, приведшей современного человека к односторонности и отчужденности от самого себя; с другой стороны, культ личности, связанный со стремлением подчеркнуть/показать только собственное Я. Подобное приводит к обожествлению собственного Я, где мерилом разграничения и отличия выступает *качество жизни*.

В общественно-гуманитарной науке категория качества жизни занимает особое место, часто фигурируя в различных философских, культурологических, социологических и политических исследованиях. Дело в том, что качество жизни как интегральная характеристика экономических, политических, социальных и культурных факторов, определяющих положение человека в обществе, подразумевает множество феноменов, способствующих самопроявлению личности и ее способности идентифицировать себя. Качество жизни включает в себя независимость, свободу, труд, быт, общественно-политическую и социально-культурную деятельность, нравственно-эстетические проявления, общение, потребление, творчество и досуг, что благоприятствует неограниченным проявлениям возможного потенциала личности в социальном. Качество жизни и его высокий/стабильный показатель выступают индикатором социальной защищенности и удовлетворенности собственной жизнедеятельностью, в том числе в рамках общества, коллектива, семьи, приводя личность к состоянию счастья и уверенности в себе/завтрашнем дне/ситуации/общественном устройстве и пр. Неслучайно категория «качество жизни» напрямую связана с другой – «человеческий потенциал».

Подчеркнем, качество жизни выявляет уровень и образ жизни, помогая формированию идентичности, связанной с представлениями человека о своем месте в системе взаимодействий «общество – человек». Выявление качества жизни как одного из факторов формирования идентичности становится особенно актуальным в современной России, живущей в ситуации перманентных кризисов и аномичных состояний.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновываются авторы; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Исследованию идентичности [1- 10] и качества жизни [11- 17] как отдельных проблем в области социально-гуманитарного знания посвящено множество работ разного плана, в том числе философского, культурологического, политологического и социального. При этом исследований качества жизни как составляющего компонента формирования идентичности не так много [18].

Формирование целей статьи (постановка задания). В связи с вышесказанным, проанализируем качество жизни населения отдельно взятого региона – Тамбовской области, способствующего формированию региональной идентичности.

Изложение основного материала исследования с пол-

ным обоснованием полученных научных результатов. Проблема улучшения качества жизни в регионах России является приоритетной задачей руководства страны, о чем неоднократно говорилось с высоких трибун и на рабочих совещаниях. Это вполне закономерно, поскольку резкий разрыв в условиях жизни людей – граждан одной страны только на том основании, что они проживают на разных участках территории, является недопустимым. Многие региональные различия заданы климатическими и географическими, неслучайно кардинально изменить ситуацию в ряде случаев просто невозможно, во всяком случае, в среднесрочной перспективе. Но улучшить ситуацию и подправить диспропорции, безусловно, есть вероятность. Здесь должны быть приложены усилия не только региональных властей, которые в силу ограниченности бюджетных возможностей и особенностей государственного устройства не в состоянии радикально изменить ситуацию, важна роль федерального центра. Для этого необходимо провести диагностику сложившейся ситуации в регионах, определив ключевые факторы, определяющие различия регионов РФ по качеству жизни.

Для определения качества жизни в регионах и оценки сложившихся диспропорций в этой области эксперты Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» провели исследование и составили показатели регионов по качеству жизни на основе объективных индикаторов, для расчета которых использовались данные публикуемой официальной статистики [19]. Рейтинг строился на основе комплексного учета различных показателей, фиксирующих фактическое состояние тех или иных аспектов условий жизни и ситуации в различных социальных сферах.

При составлении рейтинга был отобран 61 показатель, которые объединены в 10 групп, характеризующие все основные аспекты условий проживания в регионе: уровень доходов населения; жилищные условия населения; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; экологические и климатические условия; безопасность проживания; демографическая ситуация; здоровье населения и уровень образования; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры; уровень экономического развития; развитие малого бизнеса. По каждому показателю группы определялся рейтинговый балл (от 1 до 100) на нормированной шкале значений, определяемой диапазоном значений показателя. Внутри каждой группы рейтинговые баллы складывались с весами, определяющими вклад показателя в итоговый критерий качества жизни. Позиции субъектов РФ в рейтинге качества жизни определялись в результате агрегирования рейтинговых баллов регионов по всем анализируемым группам. Итоговый рейтинговый балл определялся как среднее геометрическое рейтинговых баллов групп.

Первые позиции в рейтинге вполне предсказуемо занимают Москва и Санкт-Петербург, которые являются лидерами в России по многим показателям. Помимо них в первую десятку рейтинга входят такие экономически развитые регионы как Московская область, Республика Татарстан, Краснодарский край, Белгородская область, Воронежская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область, Нижегородская область. На противоположном полюсе рейтинга: Республика Дагестан, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Курганская область, Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Тыва. Эти регионы пока не имеют устоявшихся экономических основ для успешного развития, не обеспечены минеральными ресурсами, а в связи с этим не обладают достаточным уровнем собственных доходов. Уровень зависимости бюджетов этих регионов от федерального центра остается довольно высоким, а по-

этому устойчивость развития подвергнута более высокому риску, чем большинства других регионов РФ.

В числе регионов, которые за год продемонстрировали наиболее существенное снижение своих рейтинговых позиций: Красноярский край (-14), Республика Карелия (-7), Ямало-Ненецкий автономный округ (-7). Эти же регионы показали снижение позиций и в рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2012 года, подготовленного РИА Рейтинг.

Максимальный прогресс в рейтинге по сопоставимой методике показали два региона ЦФО: Ивановская область, поднявшаяся по сравнению с 2012 годом на 19 позиций и занявшая 41 место и Рязанская область, прибавившая 10 позиций и занявшая 35 место. Важнейшим фактором, определившим позитивную динамику данных регионов в рейтинге, стало увеличение позиций в группе «уровень доходов», на что повлиял рост заработной платы и снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Тамбовская область занимает в рейтинге РИА по уровню доходов населения 52 позицию из 82-х; по жилищным условиям населения – 11 позиция из 82-х; по экологическим и климатическим условиям, а также по показателю «здоровье населения и уровень образования» – 11-е место; по критерию «развитие малого бизнеса» – 31 позиция.

Повод для выводов об эффективности работы муниципальных властей: по обеспеченности объектами социальной инфраструктуры – 70 место; демографическая ситуация – 76 место (естественная убыль населения – 6,5 на 1000 человек); уровень экономического развития – 67 позиция. Есть и повод для гордости: по безопасности проживания – 1 место.

Рассматривая качество жизни как фактор формирования региональной идентичности, необходимо подчеркнуть, что объективные показатели характеризуют внешнюю идентичность региона, его социально-экономический статус в системе межрегиональных взаимодействий. Субъективные же показатели отражают процесс самоидентификации регионального сообщества (внутренней идентичности), формирования образа региона с позиций оценки качественного удовлетворения потребностей жителей региона [18].

Авторское социологическое исследование «Проблемы изучения качества жизни населения Тамбовской области» было проведено в два этапа: сентябрь 2014 года и март 2015г. (в г. Тамбове и г. Кирсанове). При разработке инструментария был использован интегративный подход: объективные индикаторы качества жизни, предложенные российским исследователем Т.В. Гавриловой, были взяты за основу вопросов при составлении анкеты для субъективной оценки жителем региона качества жизни в Тамбовской области [20, с. 6]. Целью исследования стала попытка сопоставить данные объективного опроса о качестве жизни в Тамбовской области (данные Рейтингового агентства «РИА Рейтинг») с субъективным мнением о социальном самочувствии респондентов – непосредственно жителей Тамбовского региона. С этой целью были опрошены покупатели самых наименее и самых наиболее дорогих магазинов (покупатели торговых центров «Магнит», «Эконом», «Fix Price», магазинов «М-Видео» и «Эльдорадо», ювелирных магазинов) и городских аптек областного центра и регионального центра (для обеспечения репрезентативности исследования). Выборочная совокупность – 250 человек: 150 чел. в г. Тамбове и 100 чел. в г. Кирсанове; выборка сплошная с элементами квотной, опрашивались только совер-

шеннолетние (от 18 лет) жители указанных городов. В проведенном опросе приняли участие 61,8% женщин и 38,9% мужчин, что в среднем соответствует гендерному распределению населения в Тамбовской области по данным статуправления за 2002-2008 годы.

Как показал опрос, респонденты в принципе мало знакомы с понятием «качество жизни». Информацию об уровне жизни и состоянии экономики, медицины и здравоохранения в регионе черпают, в основном, из СМИ (ТВ и радио), при этом полагают, что Тамбовская область – лучшая в России (см. рис. 1, 2, 3).

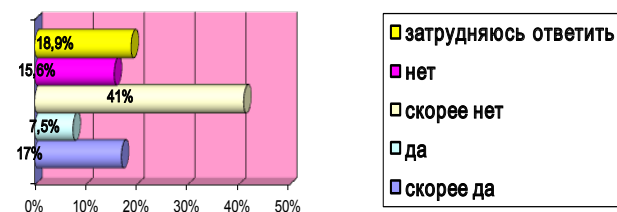

Рисунок 1. Распределение мнений выборочной совокупности респондентов по вопросу «Знакомы ли Вы с понятием «качество жизни?»»

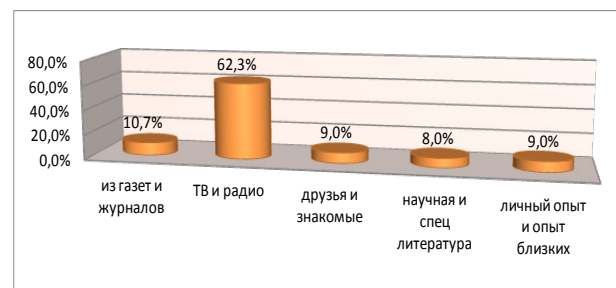

Рисунок 2. Распределение мнений выборочной совокупности респондентов по вопросу: «Из каких источников вы узнаете о жизни региона?»»

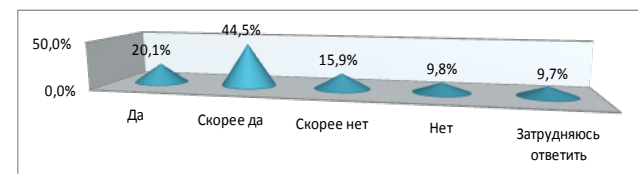

Рисунок 3. Распределение ответов выборочной совокупности респондентов относительно высказывания «Наша область самая лучшая в России»»

Опрошенные полагают, что Тамбовская область немногим отличается от других регионов РФ по качеству жизни, люди в ней живут не лучше и не хуже других областей (рис. 4).

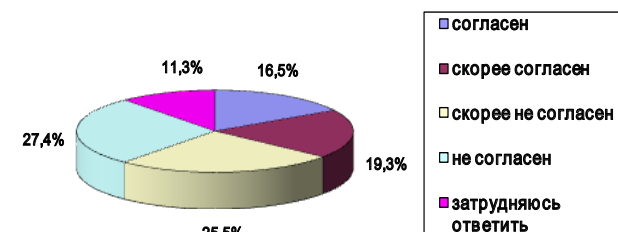

Рисунок 4. Распределение мнений выборочной совокупности респондентов относительно высказывания «Качество жизни в нашем регионе гораздо ниже, чем в соседних регионах»»

Подавляющее большинство опрошенных недовольны уровнем своей заработной платы (75,5%). Подчеркнем, большинство опрошенных – женщины, уровень заработной платы которых в целом по России традиционно ниже, поскольку объективно существует гендерное разделение на рынке труда и феномен гендерной сегрегации (рис. 5). Респонденты дали низкую оценку уровню здравоохранения в регионе (рис. 6).

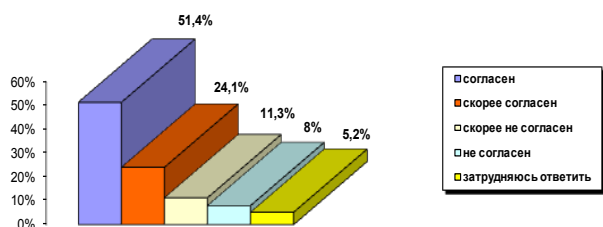

Рисунок 5. Распределение мнений выборочной совокупности респондентов относительно высказывания «Я не доволен уровнем своей заработной платы»

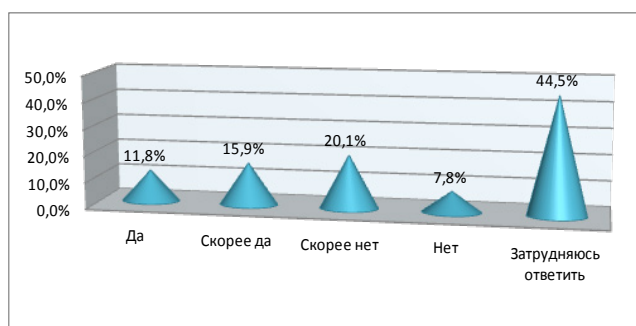

Рисунок 6. Распределение ответов выборочной совокупности респондентов относительно высказывания «Я доволен уровнем здравоохранения в нашем регионе»

Респонденты, принимавшие участие в исследовании, не слишком часто ходят в кино, театр, посещают концертные залы, выставки, клубы и другие культурные мероприятия. Эти данные могут свидетельствовать как об отсутствии средств на посещение указанных мероприятий, так и об отсутствии возможности и желания их посещать в связи с загруженностью на работе.

Таблица 1. Распределение мнений респондентов по вопросу «Часто ли Вы ходите в кино, театр, посещаете концертный зал, выставки, клубы или другие культурные мероприятия?»

Очень часто, несколько раз в неделю	2,1
Часто, раз в неделю точно	13,1
Не часто, несколько раз в месяц	24,9
Редко, примерно один раз в два месяца	40,9
Очень редко, не помню когда был(а) в последний раз	8,9
Отказываюсь отвечать	9,1

Несмотря на смутное представление тамбовчан о проблеме качества жизни, жители областного центра интуитивно предполагают, что оно не соответствует достойному и стыдятся низкого уровня жизни в регионе, что особенно проявляется в низком качестве медицинского обслуживания (Таблица 2). При этом принимавшие участие в опросе жители Тамбовской области уверены, что в будущем уровень медицинского обслуживания и качество жизни в регионе вырастет (рис. 7).

Таблица 2. Степень согласия или несогласия с высказываниями (мнения респондентов, %)

Высказывание	Да	Скорее да	Нет	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Качество жизни населения в моём регионе вполне соответствует среднему по России	24,6	16,3	37,0	8,6	13,5
Мы живём достойно	13,1	8,3	75,4	2,2	1,0
Для Тамбовской области характерна западная, демократическая система муниципального управления	15,0	13,3	8,5	23,9	39,3
Мне стыдно за уровень жизни населения в нашем регионе	42,7	13,4	30,2	3,2	10,5
В соседних регионах качество жизни населения не сильно отличается от нашего региона	16,3	15,5	27,3	29,9	11,0
Я бы хотел(а) уехать из Тамбовской области	30,1	27,0	31,7	1,0	10,2
Я никуда не уеду из области, т.к. люблю свою родину	15,9	18,4	18,1	6,3	41,3
Качество жизни - это не самое главное в жизни человека	18,8	12,1	34,1	3,4	31,6
Уровень медицинского обслуживания у нас в регионе очень низкий	58,9	10,1	10,9	14,6	5,5

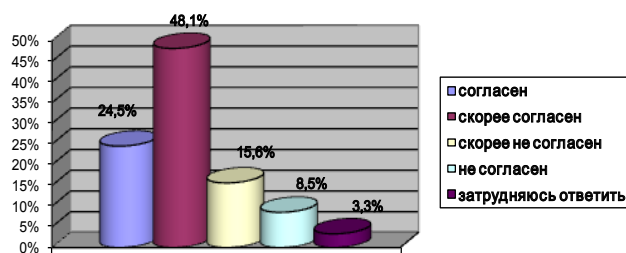

Рисунок 7. Распределение мнений респондентов относительно высказывания «Качество жизни в нашем регионе в ближайшие 10-15 лет будет расти»

Сравнительный опрос субъективных мнений жителей Тамбовской области относительно безопасности проживания в области не показал соответствия полученных данных с данными Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» (первое место по безопасности среди регионов в РФ). Полученные данные (рис. 8) показали, что тамбовчане не слишком уверены в завтрашнем дне и собственной безопасности, очевидно недовольны жители области и своими жилищными условиями (рис. 9).

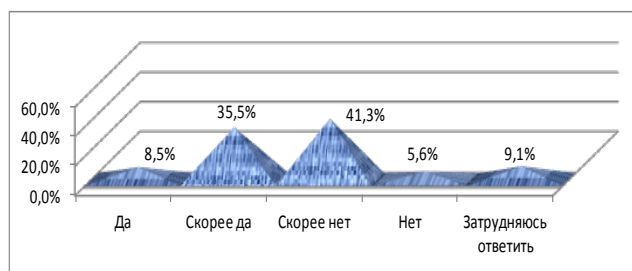

Рисунок 8. Распределение ответов выборочной совокупности респондентов по вопросу «Ощущаете ли Вы жизненную безопасность, проживая в нашем регионе?»

Рисунок 9. Распределение мнений респондентов относительно высказывания «Я доволен своими жилищными условиями»

Респонденты показали при опросе явную солидарность при оценке высказывания «Если качество жизни населения улучшается, это видно по настроению людей на улице», с таким тезисом согласились более 70% участвовавших в опросе. Подобное свидетельствует о том, что периоды улучшения качества жизни населения региона, все же случались, и они запомнились людям по изменению общего настроения, т.е. по очевидному ощущению «снятия» состояния психологической и социальной напряженности (рис. 10).

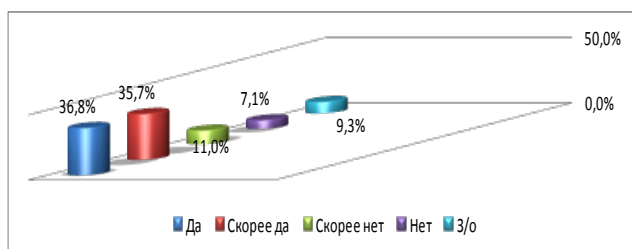

Рисунок 10. Распределение мнений респондентов относительно высказывания «Если качество жизни населения улучшается, это видно по настроению людей на улице»

Довольно ясным и четким показателем выступило отношение тамбовчан к работе муниципальных властей относительно состояния дорог в области: 32% респондентов оценили их качество как низкое, а 14% – как отвратительное. Однако жители области оценили и усилия властей за последние годы в отношении данного показателя и при ответе на вопрос 39% указали такое состояние как «удовлетворительное», а 12% – «хорошее» (рис. 11).

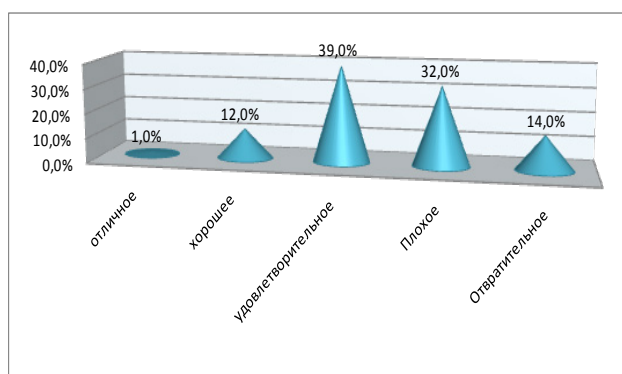

Рисунок 11. Распределение ответов респондентов относительно высказывания «Оцените, пожалуйста, качество дорог в Тамбовской области»

Тамбовчане полагают, что качество жизни населения региона во многом зависит от сложившейся в области системы муниципального управления, которую, в своём большинстве, респонденты оценили, как «восточную» (49%). Эта оценка предполагает, видимо, негативный опыт обращения к властям, бумажную волокиту, взя-

точничество и другие факторы, влияющие на решение целого ряда управленческих вопросов, главным из которых является сама система рекрутинга и циркуляции муниципальной элиты (рис. 12).

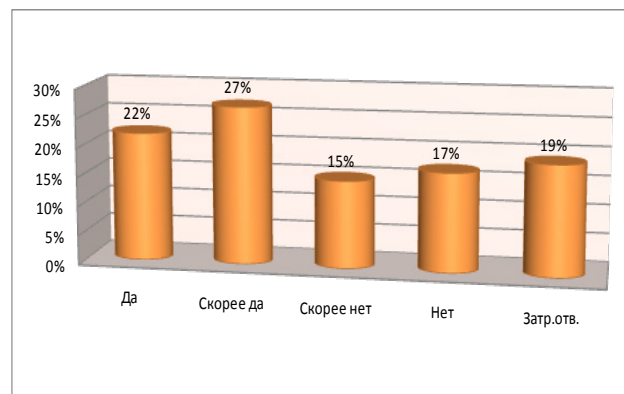

Рисунок 12. Распределение ответов респондентов относительно высказывания «Для Тамбовской области характерна восточная система муниципального управления»

Таким образом, попытка сопоставить данные объективного опроса о качестве жизни в Тамбовской области (данные Рейтингового агентства «РИА Рейтинг») с субъективным мнением о социальном самочувствии непосредственно жителей Тамбовского региона показала, что федеральные данные оказались вполне репрезентативны. Однако первое место Тамбовской области по безопасности проживания, скорее всего, присвоено региону, исходя из данных статистики по количеству раскрытых в области преступлений. Сами жители не считают Тамбовскую область безопасной для проживания, поскольку на территории области сосредоточено довольно большое количество опасных и вредных для здоровья производств (химический комбинат «Пигмент», Котовский лакокрасочный завод, Котовский пороховой завод и т.д.).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В виду того, что Россия в своем составе неоднородна и включает в себя 85 субъектов, то проблема формирования современной идентичности представляет собой сложную и неоднозначную проблему. Для облегчения задачи необходимо многоплановое исследование каждого из ее регионов с выявлением качества жизни, являющегося составным компонентом идентичности.

Нами осуществлен анализ качества жизни жителей Тамбовской области, исследование которого привело к следующим положениям. В целом, тамбовчане единодушны в оценках низкого качества жизни населения области, особенно относительно уровня заработной платы, состояния здравоохранения и жилищных условий. Большая часть участвовавших в опросе респондентов признаются, что редко бывают в местах культурного отдыха (видимо, на досуг не хватает средств и времени). По мнению тамбовчан, качество жизни населения региона может меняться, что сразу же проявляется в настроении людей на улицах. Многие хотели бы уехать из области, а ответственность за такое положение дел жители области целиком возлагают на власть. При этом более половины респондентов признаются в любви к родине, считая, что Тамбовская область – самая лучшая в России и уверены, что такое же положение относительно качества жизни граждан аналогично и для всех остальных регионов РФ.

И последнее, при проведении социологического опроса обнаружилось, что многие респонденты вообще не задумываются над понятиями «качество жизни» и «идентичность». Этот факт вызывает как сожаление,

связанное с кризисностью и размытостью бытия отдельной взятой личности, так и логичное предположение об отсутствии у россиян исторической привычки жить достойно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акчурин И.А. Топология и идентификация личности// Вопросы философии. 1994. №5. С. 143-149.
2. Гуревич П.С. Новые грани идентичности// XXIII Ершовские чтения: межвузовский сборник научных статей. М., 2013. С. 57-59.
3. Гуревич П.С. Жизненный мир человека// Философия и культура. 2013. № 2. С. 243-259.
4. Гуревич П.С. Феномен идентичности в трактовке Поля Рикера// Психология и психотехника. 2013. № 5. С. 421-423.
5. Иванишин А.А., Гузенина С.В. К проблеме самоидентификации молодежи в современных условиях// Психологические проблемы самореализации современной молодежи. Материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов/Отв. Ред. Н.А. Коваль. Тамбов, 2014. С. 14-19.
6. Николаева Е.М., Щелкунов М.Д. Идентификация личности в условиях коньюмеризации образования// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 135-144.
7. Русский вопрос/ Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова, И.Б. Орловой. М.: URSS, 2007. 284с.
8. Иванов В.Н. Россия и «русский мир». Экспертные суждения и оценки. М.: Академика, 2011. 112с.
9. Локосов В. В. О национальной гордости великороссов – 2 // Наука. Культура. Общество. 2005. № 4. С. 3-8.
10. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002 гг.). М., 2004. 323 с.
11. Маколли А. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография. М.: Б.И., 1998. 281 с.
12. Гузенина С.В., Ложкин Р.А., Стрыгина Д.А. К вопросу о богатстве, бедности и власти в русской ментальной традиции// Современная наука. Новые перспективы. Warszawa, 2014. С. 109-114.
13. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 208с.
14. Якунин А.С. Качество жизни как критерий социальной эффективности управления регионом Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по спец. 22.00.08. Москва, 2011.
15. Пархоменко Л.В. Качество жизни депрессивного региона: методология и управление: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук: спец. 08.00.05. Тамбов: Тамбовский гос. технический ун-т, 2006.
16. Гоман Е.Ю. Краткий обзор концепций качества жизни // Компетентность №2 (93). 2012. С.28-31.
17. Weber M. Economy and Society. Vol. I. Berkeley, University of California Press, 1978. P.63-211.
18. Еремина Е.В. Качество жизни как фактор формирования региональной идентичности// Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. 2012. № 5. Шифр Информрегистра: 04210000933. Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-2-2010/philosophy/ponarina.pdf>
19. Рейтинги регионов РФ по качеству жизни. Режим доступа: <http://www.riarating.ru/>
20. Гаврилова Т.В. Принципы и методы исследования качества жизни населения// Технологии качества жизни. 2004. Т. 4. № 2. С.6.

THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AS A FACTOR OF REGIONAL IDENTITY FORMATION: THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

© 2015

S.V. Guzenina, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair theoretical and applied sociology IGCSO,

Tambov state University named after G. R. Derzhavin, Tambov (Russia)

E.L. Iakovleva, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology, professor of the chair «Philosophy» *Institute of economy, management and law, Kazan (Russia)*

Annotation: The object of the study was the article in the lives of the Tambov region. The authors believe that the quality of life is a key factor contributing to the formation of a regional identity. Identify the quality of life implies an integrative approach is used extensively within contemporary sociology. Case Study “Problems of studying the quality of life of the population of the Tambov region”, which includes two stages, the goal was to compare the results of an objective survey of the quality of life in the Tambov region (data rating agency “RIA Rating”) with the subjective opinions of residents of the region. The results showed that current respondents do not consider the quality of life and phenomena of regional identity, and the low was rated the quality of life in the region. The most vulnerable performance steel wages, state of health and living conditions, which entails the virtual absence of leisure and cultural education. Despite this state of affairs it is a high index of love of country, testifying to the patriotic and moral Settlement.

Keywords: identity, quality of life, the region, the human potential, lifestyle, ranking regional identity, integrative approach, an objective survey, subjective opinion.

УДК 101.1:316

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК МЕГАТЕНДЕНЦИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ, ТЕХНОСФЕРЕ И БИОСФЕРЕ

© 2015

Е.А. Дергачева, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, история и социология»
Брянский государственный технический университет, Брянск (Россия)

Аннотация: Рассмотрение глобализации в контексте социально-техногенного развития позволяет увидеть мегатенденции взаимосвязанных изменений в обществе, искусственной среде (техносфере) и техногенно преобразуемой естественной природе. Подобный широкий социально-философский взгляд на мировые изменения дает возможность преодолеть узкий социально-экономический подход, который концентрирует внимание исследователей на социальных процессах и закономерностях. Среди мегатенденций современной социотехноприродной глобализации автор отмечает следующие процессы: окультуривание социумом природы на основе искусственных технологий; техногенное изменение природно-биологических процессов, живых организмов (в т.ч. человека), круговорота веществ в природе; непрерывный рыночно-экономический рост за счет расширения синтезированных веществ и технологий; формирование взамен биосферной системы жизни глобальной техногенной социоприродной системы; становление глобального техногенного образа жизни населения в городах, подкрепляемого процессами урбанизации и техносферизации. Именно теория социально-техногенного развития открывает перспективы для всестороннего освещения проблем совместного глобального развития общества и природы.

Ключевые слова: глобализация, глобальные социотехноприродные процессы, биосфера, техносфера, мегатенденции, рыночная экономика, техногенное общество, социально-техногенное развитие.

Современную эпоху техногенного развития можно охарактеризовать как эпоху глобальных трансформаций в обществе (и человеке), техносфере (создаваемой социумом искусственной среде обитания) и биосфере (естественной природной среде жизни). Действительно, направляемое рынком усиление социально-экономической и информационно-коммуникативной взаимосвязи и взаимозависимости населения в городах в различных странах мира, трактуемое как явление глобализации, не вызывает сомнений у экономистов и обществоведов. Однако процесс всемирной интеграции не сводится только к сферам изменений в жизни общества. Этот многогранный процесс объединяет в единую системную целостность не только социум и отдельные народы, но также природу – естественную (биосферную) и социально создаваемую – искусственную, в границах которых проживает население планеты. Общество, из века в век развиваясь в биосферной природе, взаимосвязано с ней вещественно-энергетическими обменными процессами – сначала естественными, а впоследствии – техногенными, поэтому феномен глобализации я рассматриваю как процесс социальных, искусственных и природно-биологических интегративных изменений [1]. В отличие от узкого (социологического и социально-экономического) понимания явления глобализации, концентрирующего внимание на социальных трансформациях и отношениях (т.е. социальных закономерностях), социально-философский подход позволяет «объемно» взглянуть на этот процесс формирования новых интегрированных закономерностей развития мира [2, с. 4-9].

На протяжении тысячелетий в условиях земледельческой производящей экономики социум окультуривал природу на основе ручной техники и технологий, формируя, таким образом, техногенные социоприродные (т.е. социотехноприродные) процессы и объекты. При переходе к индустриальной экономике около трех столетий назад на «волне» достижений промышленной революции (XVIII–XIX вв.) общество начинает создавать машинную технику и искусственные технологии, что позволяет заменить ручной труд более эффективным, повысить производительность труда и более полно удовлетворять растущие жизненные потребности населения. В совокупности машинная техника и стремительно развивающаяся наука создают условия для формирования в обществе научно-технических производительных сил, а на их основе создается искусственная неживая вещественная, предметно-орудийная, информационно-коммуникативная и электромагнитная среда обитания жизни – техносфера. Такие социальные изменения способствуют переходу

аграрных социумов на путь рыночного индустриально-техногенного развития. Впоследствии с разворачиванием научно-технической революции (с середины XX в.) и расширением разнообразия техносферы преимущественно в индустриально-развитых обществах формируются условия для перехода этих социумов к постиндустриальной стадии техногенного развития. Техносфера, творимая социумом для удовлетворения своих социокультурных и иных потребностей, развивается в границах естественной природы планеты и становится одним из определяющих факторов общественного и социотехноприродного развития [3].

Такая технократическая направленность развития современного глобализирующегося общества на основе использования достижений науки и расширения искусственной среды жизни приводит к непрерывным изменениям как в самом социуме, так и в биосфере, ее важнейших подсистемах, в том числе и человеке [4, с. 45-54]. Достаточно отметить, что на территории Германии, одной из ведущих развитых стран современного мира, в результате выпадения кислотных осадков, обусловленных антропогенной деятельностью, повреждены практически все хвойные леса [5, с. 215]. Этот пример, в свою очередь, наглядно подтверждает утрату средорегулирующих функций биосферы вследствие деятельности индустриального социума. В результате расширения элементов и процессов техносферы и сокращения пространств биосферы формируются интегрированные взаимодействия между глобализирующимся техногенным обществом, искусственной средой жизни и трансформируемой ими естественной природной средой. Их взаимодействие и порождает мегатенденции современного рыночно-технократического развития общества и природы. Среди них следует отметить такие мегатенденции: окультуривание социумом природы на основе искусственных технологий; техногенное изменение природно-биологических процессов, живых организмов (в т.ч. человека), а заодно и круговорота веществ в природе; непрерывный рыночно-экономический рост за счет расширения синтезированных веществ и технологий; формирование взамен биосферной системы жизни глобальной техногенной социоприродной системы; становление глобального техногенного образа жизни населения в городах, подкрепляемого процессами урбанизации и техносферизации и др.

Технократические концепции современного общественного развития (в частности постиндустриального и информационного общества, по Д. Беллу) концентрируют внимание исследователей на закономерностях социально-экономического развития

и не затрагивают изменений в социоприродной жизни. Это обуславливает необходимость разработки новой теории, реалистично описывающей совместную эволюцию техногенно глоболизирующегося общества и трансформируемой им природы. Тенденции современного развития мирового сообщества формально подтверждают реалистичность концепций постиндустриализма в области роста занятых в сфере услуг. Однако в этих теориях упускается из виду факт развертывания социоприродных процессов в условиях современного перехода жизни из естественной природной среды в искусственную. В отличие от теорий постиндустриализма, концепции техногенного общественного развития рассматривают тенденции и перспективы развития социума в границах биосферной системы (как системы более высокого уровня), подсистемой которой является социум [6]. Общество, разрушая биосферу, создает свой «планетарный дом» техногенной жизни.

С переходом общества от присваивающей к производящей экономике начинаются процессы окультуривания природы сначала с помощью естественных, биосферных (в земледельческом социуме), а впоследствии искусственных, небiosферных технологий (в техногенном социуме). В результате в развивающейся социоприродной системе начинают зарождаться фрагменты техносферы и техногенности развития. Процессы улучшения биологического вещества биосферы сменяются процессами его трансформации (и даже разрушения) уже в условиях аграрного способа производства и особенно с переходом к техногенному общественному развитию. Общество с помощью машинных технологий приобретает ведущую роль в эволюционирующей на этапе техногенного развития биосфере. Это приводит к ее трансформации и формированию взамен биосферной системы жизни, характерной для земледельческого социума, глобальной техногенной социоприродной системы, в границах которой существует современный социум. Так, по данным экологов, за прошлое столетие площадь (и насыщенность) техносферы увеличилась втрое за счет укрупнения индустрии, ежегодного возрастания в десятки и даже сотни раз производства синтетических соединений, что сопровождалось деградацией пятой части биосферы суши [7, с. 131].

Становлению общепланетарной техногенной социоприродной системы во многом способствуют хозяйственные механизмы рыночной экономики техногенных обществ (среди них – рыночная экономическая рациональность, ориентация на постоянный экономический рост в сочетании с развитием науки и техносферы, транснациональные корпорации и др.) [8]. Эти механизмы направлены на наращивание производства объектов и элементов техносферы, поскольку созданная на их основе продукция является высокоприбыльной. Предприниматели способствуют развитию производств и распространению техногенных процессов вначале в локальных масштабах индустриально-техногенных социумов. Затем при переходе к постиндустриально-техногенной стадии развития обществ получение прибыли связывается с расширением рынков, вовлечением традиционных социумов в индустриальное хозяйствование с сопутствующими изменениями в природе. В погоне за снижением затрат транснациональные корпорации рассредоточивают отдельные стадии технико-технологического процесса производства в странах, подконтрольных к техногенному развитию, с последующим кооперированием результатов работ. В ходе реализации процесса расширенного воспроизводства происходит глобализация объектов техносферы и распространение техногенных социоприродных процессов на планете. Поэтому рыночная экономика универсализирующихся техногенных обществ является базисом, на основе которого человечество стремительно изменяет

природу и возводит искусственный мир.

Распространение экономики техногенных обществ становится возможным благодаря процессам урбанизации. Так, степень урбанизированности Европы к концу первого десятилетия XXI века составляла 73% всех территорий, а к 2050 г. ожидается уже 84% [9, с. 11]. Рост городов, интегрирующихся благодаря информационно-транспортным потокам в единую сеть, приносит более высокие прибыли. Город концентрирует не только промышленность, экономическую и инновационную активность социума, но и создает необходимую технико-технологическую инфраструктуру (техносферу) для дальнейшего экономического развития. Соответственно, чем крупнее город, тем более высок доход в нем на душу населения. Но в то же время такая коммерчески эффективная гамма взаимодействий в городах исключает экономически неэффективные звенья из этой цепи.

Считается, что ввиду высокой концентрации инфраструктуры люди отдают предпочтение пешим перемещениям и общественному транспорту, что сокращает потребность в автомобилях, а в итоге уменьшается загрязненность воздуха. Однако несмотря на перенос «грязной» индустрии в развивающиеся страны, в развитых странах многократно возросло количество автотранспортных средств, что позволило лишь незначительно снизить количество выбросов в расчете на душу населения. Поскольку количество автомобилей и дальше будет увеличиваться, то логично предположить, что возрастет и загрязненность воздуха. Так, по подсчетам, в США на долю автотранспорта приходится свыше двух третей выбросов углеводородов [10, с. 35, 43]. Конечно, количество выделяемых в атмосферу вредных веществ зависит от технического состояния автомобиля, продолжительности его службы. Поэтому в развитых странах стремятся ограничить период эксплуатации новых транспортных средств. С одной стороны, количество вредных выбросов хоть и сокращается, но не исчезает, поскольку увеличивается численность транспорта (как показателя роста социального статуса). С другой стороны, поток «отработавших» автомобилей направляется в развивающиеся страны, где используется неопределенно долгое время, усугубляя проблему загрязнения биосферы и ее организмов. Отсюда и заболеваемость населения домов, расположенных вблизи автомагистралей в несколько раз выше, чем у тех, кто живет вдалеке от дорог, а официальные данные о выбросах в атмосферу иногда намеренно занижаются, чтобы нивелировать проблему [11].

На мой взгляд, в отчете Европейской экономической комиссии ООН по выбросам транспортных средств представлены убедительные данные о развитии техногенных процессов в глоболизирующихся обществах Западной Европы. Так, продолжительность жизни жителей ЕС из-за транспортной загрязненности воздуха сокращается в среднем на 8,6 месяца, а объем выбросов парниковых газов от транспорта за период 1990-2006 гг. возрос с 16,6% до 23,8% и продолжает нарастать, причем в этих выбросах вклад дорожного транспорта составляет 70%. И это несмотря на то, что с 2007 г. действуют ужесточенные стандарты для транспортного топлива. Если бы удалось снизить количество твердых загрязняющих частиц в воздухе, это помогло бы сократить смертность населения на 15%. Сравнение данных за последнее десятилетие XX в. по странам Западной и Восточной Европы показывает, что в первых странах вклад транспорта в общий объем выбросов увеличился даже больше – на 19%, чем во вторых (на 4%) [12]. Все это подтверждает тот факт, что успех экономической деятельности и повышение социально-экономического уровня жизни трактуется в экономике ограниченно – как обеспеченность людей транспортными средствами, но никак не связывается с показателями защиты здоровья населения, точнее, его убыли. А если учесть дальнейший рост обеспеченности

уже водным и авиатранспортом, то возможно это сведет к минимуму достижения по развитию «здорового» автотранспорта в Западной Европе. Вот и получается та самая «невинная» экономика (Дж. Гэлбрейт) [13], которая несет блага одним и ущерб другим. И эти первые даже не замечают того, как сами становятся узниками обмана, поскольку являются детьми не только социума, но и естественной природы, и их природное здоровье также попадает в «сети» загрязненного воздуха.

Однако могут ли получить страны выигрыш от наиболее эффективного использования ресурсов? Так, страны, специализирующиеся на аграрно-сырьевой продукции, стремятся расширить экономические связи. Поэтому они отказываются от биосферных технологий, переходят к применению небисферных, менее безопасных (токсичных, обладающих мутагенными, канцерогенными свойствами), применяют пестициды, биотехнологии, выращивают несвойственные для данной экосистемы органические культуры. Таким образом, они попадают в зависимость от научно-исследовательских лабораторий транснациональных корпораций развитых стран, разрабатывающих и поставляющих трансгенные семена. Так, аграрный бизнес Вьетнама перешел к «современным» способам выращивания экспортируемых продуктов на основе химических удобрений. Это дало ему возможность интегрироваться в глобальную экономику и подстраиваться под снижение цен на сырьевые товары [14, с. 37]. Получается, что в «заботе» о благополучии населения Земли стимулируется экономический рост, сокращается вмешательство государства в функционирование рынка, что оборачивается масштабными «ошибками» – усилением нагрузки на природу.

Экономисты считают, что «новая глобальная экономика» формируется с середины XX века, определяя среди ее характеристик – постоянное внедрение инноваций, рост производительности труда и качества продукции. Действительно, мировые структурные изменения в экономиках происходят, что сопровождается возрастанием требований к уровню и качеству образования населения, его квалификации, переносом рабочих мест в сфере услуг (в т.ч. в высокотехнологичном секторе) из развитых стран в развивающиеся. Экономика универсализирующихся техногенных обществ на основе разделения труда и процессов информатизации тесно связывает страны, позволяет развивающимся регионам наладить производство технологически сложной продукции, что приводит к сокращению доли аграрно-сырьевого сектора в структуре их экспорта и росту доли продукции обрабатывающей промышленности.

Преимущественно в развитых странах экологические стандарты постоянно разрабатываются, ужесточаются (и выступают как средство протекционизма), но все эти меры идут вразрез с национальной политикой повышения конкурентоспособности в условиях современной глобализации. Поэтому иногда даже приходится отказываться от экологических мероприятий во имя осуществления прибыльных проектов, наносящих вред биосфере. Экологические ценности и факторы все же постепенно включаются в категории экономической стоимости, но базой современной глобализации остаются непрерывно расширяющийся экономический рост за счет увеличения объектов и элементов техносферы.

Как бы не называли эту новую, формирующуюся глобальную экономику (например, постиндустриальной), вряд ли можно сомневаться в том, что тенденция технологизации и коммерциализации природных процессов очевидна – у них «большое» экономическое и техногенное будущее, а глобальным рынком сбыта выступает население планеты. Так, продукты питания, выпускаемые глобальными «игроками» бизнеса, «напичканы» синтетическими, трансгенными компонентами [15], что, в свою очередь, отражается на состоянии здоровья населения и в целом живых

организмов [16]. Более того, в стратегических прогнозах развитие биотехнологий рассматривается как приоритетное направление повышения экономического потенциала мировой агросферы [17, с. 159]. Все это свидетельствует о том, что даже преодоление экстенсивного характера эксплуатации природных ресурсов и внедрение экологических технологий вряд ли позволит перейти к нетехногенному способу хозяйствования, поскольку техногенность проявляется на каждой стадии процесса воспроизводства.

Расширяющийся техногенный социум на основе бесконтрольного расширения различных элементов искусственного – от синтезированных веществ до электромагнитных полей – перестраивает сам общественный организм (в т.ч. и человека), прежнее систему развития природы, ее жизни и возводит разветвляющуюся техносферу. В итоге в природу в огромных количествах поступают вещества небисферного происхождения, загрязняющие ее и организм человека, что способствует усилению техногенности условий существования [18, с. 34-53]. Цикл хозяйствования, осуществляемый глобализирующимся техногенным социумом, является разомкнутым. Техновещество порождает энергообмен в техносфере – круговорот веществ, который называют техногенным (техногенным), ресурсным циклом [7, с. 134, 137; 19, с. 371]. И это уже техногенный круговорот, так как искусственные элементы, составляющие цикл техносферы, вступают во взаимодействие с социальными и природными системами.

Безусловно, в развитых странах разрабатываются экотехнологии, но, к сожалению, их внедрение пока еще не позволило достичь полностью замкнутого цикла техногенного хозяйствования. Общепланетарное распространение процессов производства синтетических химических веществ (ксенобиотиков, супертоксикантов) способствует расширенному накоплению их в организмах биосферы (в т.ч. человека), постоянному включению через пищевые цепи в глобальный круговорот веществ и его трансформации (поскольку в природе отсутствуют механизмы их естественного разложения). Получается, что части техносферы, качественно отличные от биосферы, соединяются с ее естественными формами жизни и образуют их промежуточные (между естественным и искусственным миром) варианты, в частности трансгенные растения, клонированные животные, техногенный человек, то есть в совокупности техногенно трансформированную биосферу с измененным биологическим веществом, с во многом синтетической жизнью. Таким образом, происходит глобализация техногенного социума, его техносферы и трансформация биосферы. Такое технократическое вмешательство неизбежно оборачивается нарастанием глобальных экологических кризисов.

В итоге, в современную техногенную эпоху социум определяет особенности социальной, техно- и биоэволюции, осуществляя глобальную техносферизацию природы, то есть расширения искусственного неживого мира и установления непредсказуемых связей техносферы с социосферой и биосферой. К последствиям техносферизации относятся не только процессы планетарной деградации природы, но и процессы трансформации (в т.ч. на основе урбанизации) естественных механизмов поддержания благоприятного для жизни постоянства среды, изменения биологии современного мира. Все это приводит к глобализации развивающегося социоприродного мира в новое состояние – техногенное, со сменой вековой биосферной эволюции жизни. В этом заключается сущность мегатенденций, обусловливаемых современной социотехноприродной глобализацией. Среди их составляющих необходимо также отметить процессы формирования техногенной среды жизнедеятельности и собственного ей образа жизни людей в городах и их агломерациях, культуры создания искусственных объектов

и форм жизни, системной трансформации человека и другие.

Под воздействием современной глобализации в человеке как биосоциальном существе происходят взаимосвязанные социокультурные, социотехнологические и социоприродные изменения. Системные трансформации приводят к становлению рыночно-ориентированных качеств и ценностных предпочтений человека, медико-технологическому улучшению свойств его организма. В то же время образ жизни техногенно глобализирующегося социума связан с сокращением физической нагрузки на человека и возрастанием умственной, что сопровождается потерями в его физическом и психическом здоровье, генетических трансформациях. Все это в совокупности с воздействием на организм человека элементов техносферы способствует возрастанию числа болезней цивилизации. Поэтому глобализирующемуся обществу необходимо постоянно совершенствовать технологические методы для поддержания здоровья человека. Эти методы только усугубляют потерю природной естественности человеческого существа, становящегося техногенным и подчиняющегося техносфере как новой оболочке своей жизни.

Преодоление системных трансформационных процессов в обществе и природе вследствие современной глобализации связывается с реализацией концепции устойчивого социоприродного развития. В этой теории ставится задача всесторонне охватить процесс взаимосвязанной эволюции глобализирующегося социума и трансформируемой природы. Однако при этом упускается из рассмотрения грань техногенного усложнения социоприродной жизни в результате современной универсализации. Рыночно-ориентированный характер развития социума, утверждаемый рациональностью либеральной экономики, служит препятствием на пути ответственной реализации гуманной глобальной стратегии. Следование гуманной рациональности социоприродного развития, сочетающей в себе ценности экологической, этической и социальной рациональности, будет способствовать гуманизации техногенных процессов современной глобализации с целью сохранения биосферы, научно обоснованного и социально ответственного формирования планетарной техносферы, осуществления инновационных модернизаций. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что только в рамках междисциплинарных научных и философских исследований в России и мире возможно изучение глубинных социотехноприродных процессов и проблем формирующегося искусственного мира новой жизни, а также выработка мероприятий по безопасному развитию биосферы и человека в развивающейся системе искусственной среды жизни [20, с.187-190].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дергачева Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М.: Либроком /URSS, 2009. 232 с.
2. Дергачева Е.А. Современная глобализация как процесс интегративных социально-техногенных и природных изменений // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2014. №2. С.4-9.
3. Дергачева Е.А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху // Век глобализации. 2014. №1. С.124-132.
4. Дергачева Е.А. Современная глобализация как процесс социально-техногенной трансформации биосферы // Антропо-техногенная деградация биосферы: предложения по ее преодолению: Труды Российской междисциплинарной науч.-практ. конф. / ИНИОН РАН и др. М., 2014. С.45-54.
5. Экология / А.В. Тотай, А.В. Корсаков и др. М.: Юрайт, 2014. 450 с.
6. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М.: Красанд /URSS, 2010. 288 с.
7. Акимов Т.А., Кузьмин А.П., Хаскин В.В. Экология. Природа – Человек – Техника. М.: Экономика, 2007., 2007. 510 с.
8. Дергачева Е.А. Техногенная экономика – вектор искусственности процессов в социуме и биосфере // Современные исследования социальных проблем: электрон. журн. 2012. № 4 (12). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/dergacheva.pdf>.
9. Города: проблемы и их решения // В мире науки. Scientific American. 2011. №11. С.9-43.
10. Ложниченко О.В., Волкова И.В., Зайцев В.Ф. Экологическая химия. М.: Академия, 2008. 272 с.
11. Западная Европа занижает показатели выбросов некоторых парниковых газов [Электронный ресурс]. URL: <http://science.compulenta.ru/629321/> (дата обращения: 12.03.2015).
12. Десятилетняя деятельность по развитию экологически устойчивого и здорового транспорта в Европе: важнейшие достижения и дальнейшие действия // Европейская экономическая комиссия ООН. Всемирная организация здравоохранения. Цифры и факты. Амстердам. Копенгаген. Женева, 22.01.2009. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_data/fs_healthy_transportR.pdf (дата обращения: 17.03.2015).
13. Гэлбрейт Дж. Экономика «невинного» обмана: правда нашего времени. – М.: Европа, 2009. 86 с.
14. Пискулова Н.А. Экология и глобализация. М.: МГИМО-университет, 2010. 210 с.
15. Грязный топ 20 наиболее вредных для мира ТНК [Электронный ресурс]. URL: http://zhdanov.ucoz.ru/publ/politika/transnacionalnye_korporacii_grjaznyj_top_20/4-1-0-24 (дата обращения: 15.03.2015).
16. Котляр П. Микроб, который съел нефть, стал нападать на дельфинов. Онищенко рассказал академикам об опасности ГМО [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/01/27_a_6389397.shtml (дата обращения: 27.01.2015).
17. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.
18. Дергачева Е.А. Социотехноприродная реальность: исследования ее формирования и потребности учета ее в социальной педагогике // Социальная педагогика в России: на острие времени / под ред. М.П. Гурьяновой. М.; СПб: Нестор-История, 2014. С.34-53.
19. Николайкин Н.И., Николайкина Н.Е., Мелехова О.П. Экология. М.: Дрофа, 2003. 624 с.
20. Дергачева Е.А. Философия техногенного общества. М.: Ленанд /URSS, 2011. 216 с.

CONTEMPORARY GLOBALIZATION AS A MEGATREND OF INTEGRATIVE CHANGES IN SOCIETY, TECHNOSPHERE AND BIOSPHERE

© 2015

*Dergacheva E.A., Doctor of Philosophy Sciences, Professor of Department «Philosophy, Sociology and History»
Bryansk State Technical University, Bryansk (Russia)*

Abstract: Consideration of globalization in the context of socio-technogenic development allows us to see the Megatrends of interrelated changes in society, artificial environment (the technosphere) and man-made transform of the natural world. Such a broad socio-philosophical view of the world changes allows to overcome the narrow socio-economic approach that

focuses researchers on social processes and regularities. The author notes the following processes among the megatrends of modern sociotechnonatural globalization: social domestication of nature on the basis of artificial technologies; man-made changes in the natural biological processes of living organisms (including humans), the circulation of substances in nature; continuous market-economic growth through the expansion of synthesized substances and technologies; formation instead of the biosphere life system the anthropogenic global socio-natural systems; the the formation of global technogenic way of life of the population in the cities, supported by processes of urbanization and technospherization. The theory of socio-technological development opens up prospects for comprehensive coverage of the joint global development of society and nature.

Keywords: globalization, global sociotechnonatural processes, biosphere, technosphere, megatrends, market economy, technogenic society, socio-technogenic development.

УДК 65.01 (075.8)

МЕХАНИЗМ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ» И ЕГО РОЛЬ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

© 2015

И.А. Квасов, кандидат технических наук, доцент кафедры «Управление проектами»
Международный университет природы, общества и человека «Дубна» (университет «Дубна»)

Аннотация: Статья посвящена проблематике инновационного постиндустриального развития. Проведен анализ современных тенденций развития экономики, исследованы формы взаимосвязей субъектов экономических отношений в зависимости от этапов общественного развития. По мнению автора, для современного российского общества наиболее эффективной формой взаимодействия является «тройная спираль». При такой схеме три института: государство, наука и бизнес, на основе равноправных отношений, определенных в контракте, частично реализуют управленческие функции друг друга. Представлен алгоритм управления такой моделью, который был апробирован в региональной энергетической системе.

Ключевые слова: экономика знаний, тройная спираль, управленческие функции, взаимодействие субъектов экономики, алгоритм, объектно-ориентированный подход, энергетическая система.

Современное глобальное экономическое развитие определяется сочетанием двух противоречивых тенденций: подчинения мировой экономики интересам международной финансовой олигархии и транснационального капитала, с одной стороны, и конкуренции национальных экономических систем – с другой. Эти тенденции переплетаются, создавая в каждой стране уникальное сочетание внешних и внутренних факторов. Разнообразие комбинаций простирается от полной колониальной зависимости большинства африканских стран, в экономике которых безраздельно доминирует транснациональный капитал, до мощных национальных экономик Китая, США, Японии, в которых экономическая политика государства в основном определяется интересами национального капитала и отечественных товаропроизводителей.

Развитие же отдельных экономик определяется не столько валовыми показателями производства и потребления, сколько инновационной направленностью. Причем этот тренд меняет как структуру производства, так и сами продукты – результаты деятельности экономики, обуславливая изменение представлений о том, что является самой главной ценностью. В самом, не так давно, появившимся термине «экономика знаний» заложена системно-целевая постановка. Что является следствием объективного развития, как науки, так и производств в которых появляются все больше синтетических направлений междисциплинарного и межотраслевого характера.

Сложные и взаимообусловленные процессы, которые протекают в современном мире, породили многочисленные подходы к объяснению причин, движущих сил и последствий эволюции. Однако, большинство из них сходятся на том, что главным ресурсом экономического роста становится накопленный запас знания.

Каждый из подходов объясняет этот процесс с точки зрения сложившейся концепции действия рынка, теории организации, институциональной или эволюционной теории.

Научные направления часто не согласовываются друг с другом и не образуют целостной концепции экономического роста. Тем не менее, представители любых теорий проявляют удивительное единство в отношении некоторых свойств новой модели развития, одним из главных признаков которой является нелинейность. Это проявляется в быстром, иногда в виде скачка, качественном преобразовании. Такие переходы возможны только при наличии соответствующей базы и прежде всего модернизированной инфраструктуры – не-

обходимого условия для всех изменений. Ключевую роль здесь должно играть государство, именно оно отвечает за инфраструктуру, а также имеет все полномочия управления определяя направления и правила развития национальной экономики. В инфраструктурные объекты невозможно привлечь частного инвестора, ни один бизнесмен не строит то чем будут пользоваться все. Справедливости ради следует указать на возможное партнерство государства с частным бизнесом, но опять же право первого хода (определяющего правила игры) принадлежит государству.

Во времена СССР при доминировании государства сложились особые формы взаимодействия, которые предусматривали зависимость любого вида деятельности (научной, учебной, инновационной) от власти и финансирование из бюджета всех видов работ. Это привело к созданию модели системы, получившей название «административно-командной». Такие системы существовали, существуют и сейчас в других странах, в отдельных секторах промышленности. Бывает, что они даже показывают свою эффективность, особенно при выполнении военных проектов, но в целом, время таких систем управления прошло. В первую очередь, как мы склонны считать, потому, что доминирующее положение в развитии экономики приобретают институты, ответственные за создание и внедрение новых технологий. С другой стороны, национальные экономики находятся под сильнейшим воздействием внешних условий, главными из которых являются структурные изменения в связи с тенденцией перехода к постиндустриальной экономике (экономике знаний), глобализация, научно-технический прогресс и появление новых форм организации экономической деятельности. Важно понять, что в результате эпохальных изменений государство хотя и играет ключевую, но отнюдь не «руководящую и направляющую» роль в модернизации. На наш взгляд, это обусловлено, по крайней мере, двумя фундаментальными причинами:

- государство не может создавать новые знания – ключевой элемент системного развития;
- бюрократическая структура государственного устройства не способна адекватно воспринимать изменения требований рынка.

Другой тип системных связей при формировании «продуктов экономики», показанный на рисунке 1, предусматривает четкое разграничение функций отдельных институциональных сфер (субъектов

экономических отношений), строго в пределах их полномочий.

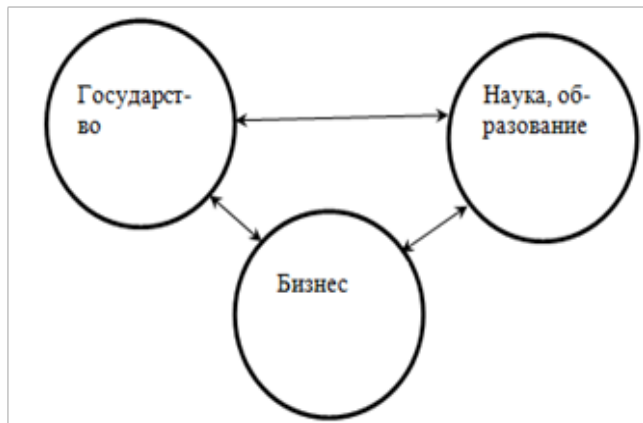

Рисунок 1 - Вариант взаимодействия субъектов экономических отношений

Эта модель основывается на доминирующей роли рынка, где государство, в общем-то, отказывается от выполнения функции директивного контроля и единственного источника финансирования. Выделяя приоритеты развития в различных секторах экономики, государство устанавливает цели социального и политического характера, для достижения которых необходимы наука и работающие технологии, но снижает объемы финансирования при повышении интенсивности внедренческой деятельности и рыночной активности фирм. В этом случае государство не участвует в распределении прибылей.

Третья форма связей появилась как отклик на новые экономические реалии, когда наряду с провалами государства в инновационной сфере учитываются и провалы рынка. Новая синтетическая модель «тройной спирали», представленная на рисунке 2, основана на координации деятельности участников экономических отношений (в частности, инновационного процесса), которые создают гибкие организационные формы взаимодействия и часто выполняют новые, для каждого из них, функции, позволяющие восполнять провалы рынка.

Рисунок 2 - Институциональное взаимодействие по модели «тройной спирали»

Механизм развития по «тройной спирали» [1], констатирует, что в обществе, основанном на научном знании характерно усиление роли взаимодействия университетов (науки и образования) с промышленностью (бизнесом) и правительством (государством). Три этих института объективно стремятся к сотрудничеству, при этом, инновационный

продукт естественным путем происходит из данного взаимодействия, а не по инициативе какого-либо элемента. В дополнении к традиционным сферам управления, каждый из трех подсистем частично берет на себя полномочия и ответственность другого. Институты, способные выполнять нетрадиционные для себя управленческие задачи становятся наиважнейшим источником знаний, порождающих инновационные продукты и технологии. Все отношения в модели «тройной спирали» регулируются контрактами, гарантирующими стабильное взаимодействие.

Основные управленческие проблемы, возникающие при реализации описанного взаимодействия, по нашему мнению, связаны с разными целями и разными критериями оценки степени их достижения. Авторами [2], были решены подобные проблемы в энергетической отрасли. Считаем, что управление научно-образовательными и промышленными организациями с четко выраженной специализацией и технологически взаимосвязанными должно осуществляться на основе объектно-ориентированного подхода и попарного сопоставления целей и критериев [3]. В таком случае возможно максимально концентрировать управленческие усилия, материальные, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы на одном строго формализованном направлении, а эффект будет наибольшим.

Управление, в целом, ориентировано на оптимизацию деятельности организаций, входящих в «тройную спираль», с целью получения выгод от взаимодействия. Одной из особенностей систем поддержки принятия решений (СППР) в таких многоуровневых организациях является возможность перехода от целей нижних уровней к целям, выдвигаемым на верхних уровнях, а также поддержка гибкого аппарата взаимосвязанных критериев, позволяющих оценить достижение заявленных целей для каждого уровня.

Под «продуктом деятельности» могут пониматься как определенные инвестиционные проекты, имеющие целью выпуск новой продукции, получение прибыли, расширение производства и требующие отвлечения материальных, финансовых и трудовых ресурсов, так и мероприятия организационного характера, которые могут и не вовлекать использование кредитов. Например, в качестве мероприятия может выступать расширение или сокращение кадрового состава, увеличение или снижение продолжительности рабочей недели, переход на новую систему оплаты труда и так далее. В данном случае целью может служить формирование корпоративной культуры, повышение социальной удовлетворенности сотрудников или увеличение производительности труда.

Управленческий алгоритм, представленный [4], реализован при помощи многообъектной модели принятия решений. Для этого может применяться система поддержки принятия Advisor, описанная далее.

Для каждого уровня целей лицо, принимающее решение (ЛПР), используя методы объектного моделирования, создает соответствующий тип. Множество атрибутов каждого типа обязательно содержит атрибуты-критерии, значения которых (оценки) позволяют предположить один экземпляр объекта данного типа другому.

Пользователь формирует бинарную структуру дерева целей. За каждым узлом нижнего уровня стоит исходный набор проектов, из которого следует выбрать напряженные элементы. За узлами верхних уровней располагаются таблицы агрегирования, содержащие экземпляры соответствующих объектов.

После построения дерева ЛПР назначает узлам графа типы объектов, которые будут содержаться в сопоставляемых таблицах агрегирования.

Назначаются ключевой атрибут и порядок сортировки объектов нижнего уровня на осях таблицы агрегирования более высокого уровня (для левой связи

– на оси ОУ, для правой – на оси ОХ).

Определяется ключевой атрибут для объектов таблицы агрегирования текущего уровня, на основе значений которого будет определяться вхождение объектов в напряженный набор.

При помощи встроенного математического аппарата Advisor 7.0 создаются правила вычисления значений атрибутов экземпляров объектов таблиц агрегирования.

Пользователь заполняет таблицы агрегирования объектами или нуль-указателями. При этом таблицы исходных критериев представляют собой одномерные массивы, длина которых задается пользователем, а таблицы агрегированных критериев – двумерные матрицы, размер которых вычисляется на основе размерностей массивов предшествующих уровней, а также наличия в них не null-объектов.

Вызывается перерасчет схемы.

Используя графический мини-редактор Advisor 7.0, пользователь визуально указывает целевое значение критерия верхнего уровня, на основании чего СППР формирует напряженный набор продуктов.

После этого формируются графические и текстовые отчеты, содержащие результаты.

Для упорядочения полученного набора проектов строится дополнительное двухуровневое дерево. На первом уровне располагаются две линейные таблицы агрегирования. Первая содержит объекты, где в качестве одного из атрибутов указан критерий ранжирования, который выбирается для сортировки объектов в таблице агрегирования более высокого уровня. Вторая таблица содержит один объект произвольной структуры, что необходимо для соблюдения принципов работы с многообъектной моделью принятия решений. Таблица второго уровня содержит объекты, полученные путем прямого копирования объектов проектов таблицы первого уровня. Таким образом, получается проранжированный набор продуктов.

Перераспределив атрибуты на шаге 5 и вызвав перерасчет схемы, можно быстро получить другие варианты сочетаний, позволяющие переориентировать процесс принятия управленческих решений в русло оптимизации значений других критериев. Программный код представлен в Приложении [4].

Представленная методика управления, по нашему мнению, может применяться и на межотраслевом, и межрегиональном, а также наднациональном (например, в рамках Единого Экономического Пространства) уровне. Такой алгоритм управления

THE MECHANISM OF “TRIPLE HELIX” AND ITS ROLE IN INTERRELATION OF LEVELS OF MANAGEMENT

© 2015

I.A. Kvasov, doctor of technical sciences, associate professor, associate professor of Project Management “International University of Nature, Society and Man “Dubna” (University “Dubna “)

Abstract: The article is about innovative post-industrial development. An analysis of current trends in the economy, investigated the relationship forms the economic actors depending on the stage of social development. According to the author, for the modern Russian society the most effective form of interaction is the “triple helix”. In this scheme, the three institutions: the government, science and business, on the basis of equal relations defined in the contract, partially implement administrative functions of each other. An algorithm for the management of such a model, which was tested in the regional energy system.

Keywords: Knowledge economy, the triple helix, management functions, the interaction of economic agents, algorithm, object-oriented approach, the energy system.

позволяет формировать интерактивную, а не линейную инновационную модель развития. Совершенствуя свои технологии и делясь своими знаниями, каждый из участников «тройной спирали» кооперируются и в образовательном процессе. Правительство же и выступает как общественный предприниматель, и как венчурный инвестор в дополнении к своей традиционной законодательной и регулирующей роли. Так как сегодня глобализация приобретает все более децентрализованный характер и распространяется не только через регионально-отраслевые сети, но и через мульти национальные корпорации и международные организации, то участники «тройной спирали», располагая обширными связями, способны совмещать и использовать различные виды ресурсов, в том числе и интеллектуальную собственность [5]. В условиях современной конкурентной среды, знания являются слишком значимым фактором, чтоб оставлять их только частным предприятиям или группам компаний и даже транснациональным научным объединениям. Они являются общественным достоянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дежина И. Г. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России / Дежина И.Г., Киселева В.В. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.: ил. – (Научные труды /Ин-т экономики переходного периода; № 115Р).
2. Бондарева М.В., Квасов И.А. Многокритериальный анализ: оценка инвестиций: Монография. – Нижневартовск: ООО «Северный город», 2005. -156 с.
3. Квасов И.А. Управление корпорацией на основе мультиобъектного подхода / Вестник Российского нового университета. 2013. № 2. с.125-129.
4. Квасов И.А. Моделирование размещения объектов энергетики с учетом инвестиционной привлекательности регионов России и Казахстана. – М.: Научные технологии, 2014 -210 с.
5. Желнина Е. В. Наука и образование как факторы инновационной активности промышленных предприятий // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – № 1 (10). – С. 74–78.

УДК 316.356.2

ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

© 2015

Ю.А. Кострова, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье проанализированы основные характеристики и особенности процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму, раскрывается содержание модели изучаемого процесса. Проанализирована двухуровневая структура социальной адаптации молодой семьи. В статье определены три основных блока эмпирической модели социальной адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу: энергетический, процессуальный и результативный. Энергетический блок включает факторы и ресурсы процесса адаптации. Процессуальный блок образуют стратегии адаптации молодой семьи. Третий блок эмпирической модели адаптации молодой семьи включает результаты адаптационного процесса, оценка которых должна осуществляться с учетом субъективных представлений молодой семьи об успешности своей жизнедеятельности как единого целого. В статье отмечается, что уровень активности, степень открытости молодой семьи и направленность адаптационного процесса определяют особенности формирования адаптационной семейной стратегии. На основе проведенного качественного исследования автором определены четыре основных типа стратегий адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу: «стратегия интеграции», «стратегия жизненного успеха», «стратегия семейного благополучия», «стратегия исключения». Наибольшим потенциалом успешной адаптированности к трансформирующемуся обществу обладают стратегии «интеграции» и «семейного благополучия». Они предполагают значительную степень открытости семейной системы, проактивную жизненную позицию, оптимальное соотношение направленности адаптационного процесса.

Ключевые слова: молодая семья, социальная адаптация, модель социальной адаптации молодой семьи, стратегии социальной адаптации молодой семьи.

Анализу процесса адаптации населения в условиях трансформирующегося российского социума уделяется значительное внимание в современной социальной науке. В последнее время предпринимаются даже попытки выделить новую отрасль социологического знания – социологию адаптаций. Повышенный интерес исследователей к изучению адаптационных процессов вполне объясним: непрерывное реформирование экономики и общества, продолжающееся в России до сих пор, превращает адаптацию в процесс макросоциальный, затрагивающий все население, независимо от пола, возраста и статуса [1].

Вместе с тем, несмотря на то, что в последнее время число публикаций по проблемам адаптации населения в современной России значительно возросло, в их структуре практически отсутствуют исследования по адаптации молодой семьи. Так, в современной социальной науке доминируют пять основных направлений исследования молодой семьи: выбор брачного партнера и проблема подготовки молодежи к браку [2]; особенности репродуктивных установок и репродуктивного поведения молодых супругов; социальные проблемы молодых семей; специфика развития различных типов молодой семьи, преимущественно с опорой на типологию социального риска и социальная защита молодых семей [3-8]. В свою очередь, для представленных направлений характерна акцентуация внимания на демографических и экономических аспектах жизнедеятельности молодой семьи, использование институционального подхода к ее анализу. Что касается изучения адаптационных процессов, протекающих в современном российском обществе, отметим превалирование исследований по проблемам адаптации людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и исследований гендерных аспектов адаптационных процессов. Таким образом, проблема адаптации молодой семьи фактически остается за пределами внимания, как в рамках исследований молодой семьи, так и в рамках исследований адаптационных процессов, протекающих в современном российском обществе.

Отсутствие серьезных исследований по проблемам адаптации молодой семьи в условиях трансформирующегося российского социума связана с рядом трудностей, существующих в данной области исследования. Обратим внимание лишь на некоторые из них. Так, в современной социальной науке отсутствует четкое понимание самого термина «молодая семья», определяя который, исследователи акцентируют внимание только на количественных параметрах,

аргументируя свою позицию законодательно закрепленными характеристиками молодой семьи.

Что касается исследований адаптации молодой семьи, то здесь также превалирует количественный подход, с использованием формализованных методов исследования. При этом в качестве респондента выступает, как правило, один из супругов. Данный подход к исследованию молодой семьи, на наш взгляд, недостаточно адекватен изучаемому феномену. Формализованные методы исследования зачастую ограничивают возможности информанта в построении своего восприятия и осознания картины мира, нередко приводят к навязыванию исследователем респонденту собственного опыта, узко профессионального способа конструирования социальной реальности. Выбор же в качестве информанта одного из супругов резко ограничивает возможность изучения ряда свойств, явлений и процессов, присущих семье как целостной структуре, и несводимых к простой сумме свойств отдельных ее членов.

Обратим внимание и на тот факт, что до сих пор в науке отсутствует единая общепризнанная теория социальной адаптации, как и отсутствует общепризнанное понимание самих терминов, описывающих данное явление. Все существующие в настоящее время в социологии подходы к определению адаптации условно можно разделить на две группы. Ряд исследователей трактуют социальную адаптацию как пассивный процесс приспособления субъекта к требованиям общества.

Существует и другая точка зрения, согласно которой отправным пунктом анализа адаптационных процессов в социальном пространстве должно быть понимание адаптации с позиций человека, а не общества. В этом случае индивид предстает как социальный актор, который не просто приспосабливается к условиям внешней среды, но и изменяет их [9-13]. Сторонники данного подхода под адаптацией предлагают понимать процесс активного взаимодействия индивида или группы с новой социальной ситуацией, в ходе которого происходит согласование требований и ожиданий сторон. Отметим, что сторонники обоих подходов единодушны в том, что понятие адаптации двойственно по своему смыслу и может означать как процесс приспособления или активного взаимодействия индивида с окружающей средой, так и результат этого процесса. Таким образом, учитывая вышесказанное, под адаптацией молодой семьи будем понимать процесс и результат формирования молодой семьей в ходе активного взаимодействия с окружаю-

щей средней устойчивых общесемейных характеристик (норм, ценностей, стратегий поведения), обуславливающих возможность дальнейшего развития семьи при сохранении ее целостности. При этом в процессе адаптации молодой семьи в отличие от других видов семьи внутренние изменения затрагивают не общесемейную структуру, так как она еще не сформирована, а личностные и социальные характеристики отдельных членов семьи, которые постепенно трансформируются в общесемейные.

Обратим внимание и еще на одну особенность адаптации молодой семьи, которая обусловлена общими закономерностями развития общественных отношений. При описании адаптации в социальном контексте необходимо рассматривать ее как социальный феномен в его обусловленности этапом исторического развития общественных взаимодействий. Социальная адаптация в обществе отражает особенности и параметры того исторического отрезка, на котором находится общественное развитие. В периоды динамического развития общества, смены политических режимов, масштабной трансформации всех сфер общественной жизнедеятельности интенсивность адаптационных процессов резко усиливается. Подобная ситуация сегодня наблюдаются и в России. Под влиянием продолжающихся в настоящее время преобразований прежние модели поведения становятся неэффективными, что обуславливает необходимость выработки новых способов общественной жизнедеятельности. Некоторые авторы даже считают, что основным условием завершения процесса трансформации российского социума является успешная адаптация населения, то есть «выработка достаточно большим числом людей продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов» [14, с 5]. Усиление интенсивности процессов адаптации в российском обществе обуславливает повышенное внимание исследователей к изучению данного явления.

Адаптация молодой семьи к трансформирующемуся социуму, заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. С одной стороны, молодая семья, находясь на этапе становления, представляет собой достаточно динамичную структуру, способную к активным изменениям и формированию новых свойств. Данное обстоятельство обуславливает возможность эффективной реализации профилактического направления социальной политики. С другой стороны, содержание и результат процесса становления семейных отношений, успешность адаптации молодой семьи к новой жизненной ситуации будут определять особенности семейных взаимодействий и успешность семейных практик в дальнейшем.

При этом важно отметить, что молодая семья представляет собой такую социальную целостность, которая включает в себя членов и сама является таковой. Интенсивные изменения, происходящее в российском социуме, вследствие трансформации общественных отношений, требуют от молодой семьи выработки новых продуктивных моделей поведения. Кроме того, молодая семья, представляя собой процесс институционализации семьи, когда еще не сформированы устойчивые общесемейные характеристики, вынуждена осуществлять и внутреннюю адаптацию, в ходе которой личностные характеристики членов семьи трансформируются в общесемейные. Данное обстоятельство позволяет говорить о двухуровневой структуре адаптации молодой семьи. На первом уровне – институциональном – молодая семья сталкивается с социальным окружением, в котором она действует среди различных институциональных образований. Здесь адаптация молодой семьи будет связана с принятием или изменением формальных и неформальных регуляторов общественной жизнедеятельности. К формальным

регуляторам относятся объединяющие нормы, принципы, правила, которые обеспечивают легитимацию практик общественных институтов управления и власти. К неформальным – исторически обусловленные и сформированные неформальными институтами, а также отраженные в коллективном сознании образцы поведения. На втором уровне – личностном – адаптация молодой семьи обращена к своим членам или шире: к «первичной» социальной и ценностной структуре. Основная задача адаптации на данном уровне – выработка целостной внутрисемейной структуры, позволяющей молодой семье развиваться, сохраняя единство. Таким образом, с одной стороны молодым супругам необходимо решать такие внутрисемейные вопросы, как распределение ролей и власти в семье, планирование семейной жизни, составление семейного бюджета, что неизбежно предполагает выработку новых общесемейных стратегий поведения. С другой стороны, продолжающееся реформирование российского общества обуславливает необходимость для молодых супругов адаптироваться не только к своему новому статусу и социальным ролям, но и к постоянно изменяющимся условиям внешней среды.

Структурирование адаптации молодой семьи по уровням дает возможность рассматривать активную, деятельную ее сторону, позволяя выявить характер влияния системы институциональных «блокираторов» и «катализаторов» на формирование определенных стратегий семейной жизнедеятельности, с одной стороны, и рычаги воздействия на институционально установленные нормы, правила, процедуры, образцы взаимодействия, используемые молодой семьей в процессе формирования своей целостности, с другой. Нередко, двухуровневая структура адаптации молодой семьи остается за пределами внимания исследователей, что приводит к одностороннему изучению данной проблемы. «Идея многовариантности и иерархичности адаптационного синдрома тривиальна, и, тем не менее, она практически до сих пор игнорируется» – отмечает С. И. Голод [15, с 122]. Он обращает внимание, в частности, на значительное распространение работ, приписывающих особую роль в адаптационном процессе молодой семьи такому показателю, как совместимость супругов [15, с 122].

Следует отметить, что дополнительным фактором риска на институциональном уровне адаптации молодой семьи является возраст супругов, позволяющий классифицировать их как представителей молодежи. «Статусные характеристики значительных групп современной молодежи предполагают ее маргинальность» [16, с 25]. С одной стороны, сегодня быстрее происходит физическое и половое созревание молодежи, что приводит к более раннему вступлению в сексуальные отношения и понижению возраста вступления в брак. С другой стороны, в условиях научно-технической революции, обуславливающей постоянное увлечение объемами и скорости информационных потоков, значительно отодвигается момент достижения молодыми людьми социальной зрелости. При этом высокдинамичные изменения российского социума, сопровождающие процессы трансформации общественных отношений, вызывают крайнее несоответствие существующих адаптационных возможностей молодежи масштабам и скорости проведения реформ [17]. Более 80 % юношей и девушек достигают экономической самостоятельности лишь к 30 годам (верхняя граница возраста супругов в молодой семье) [17, с 25]. Оценивая свое материальное положение как бедственное 10, 8 % молодых людей; с трудом «сводят концы с концами» 31,5 % и вполне самостоятельными себя полагают лишь 4,8 % [17, с 25]. Перечисленные адаптационные трудности в среде молодежи осложняют и процесс адаптации молодой семьи.

Сказанное обуславливает необходимость выделения в структуре эмпирической модели адаптации молодой

семьи трех основных блоков: энергетического, процессуального и результативного. Энергетический блок эмпирической модели адаптации молодой семьи включает движущие силы процесса адаптации: факторы и ресурсы. Под факторами адаптации молодой семьи мы понимаем все те изменения эндогенного и экзогенного характера, которые приводят к возникновению адаптивной ситуации, то есть нарушению равновесия между молодой семьей и окружающей ее средой. Характерным признаком адаптивной ситуации является невозможность для социальной системы достигать своих целей в данной среде с помощью сложившихся, традиционных поведенческих стандартов и стереотипов – иными словами, прежних средств. Такого рода ситуация возникает, во-первых, тогда, когда изменения в среде (или переход субъекта адаптации из одной среды в другую) делают невозможными для него в новых условиях достижения старых жизненных целей и ориентиров старыми средствами. Во-вторых, когда происходят такие изменения в субъекте адаптации, которые делают невозможным для него достижение новых целей в старых условиях среды прежними средствами.

Экзогенными факторами адаптации молодой семьи выступают процессы трансформации российского социума, не позволяющие молодой семье воспроизводить традиционные практики успешной семейной жизнедеятельности. Высокая динамичность происходящих в России изменений формирует особую социокультурную ситуацию, которая ориентирует молодую семью не столько на опыт прошлых поколений, сколько на будущее, на выработку смелых и прогрессивных подходов к новым обстоятельствам. Все это делает необходимым включение адаптивного механизма молодой семьи, позволяющего выстраивать новые продуктивные модели поведения. Среди экзогенных факторов адаптации молодой семьи определяющим является сам факт создания семьи, требующей, с одной стороны, трансформации индивидуальных планов и поведенческих моделей в семейные, а с другой стороны, поиска молодой семьей как новой структуры собственной «ниши» в институциональном пространстве российского социума.

Под влиянием экзогенных и эндогенных факторов адаптации происходит формирование адаптивной потребности, удовлетворение которой начинается с мобилизации имеющихся и поиска новых ресурсов, что и станет основой формирования определенных способов реализации процесса адаптации. Можно выделить ресурсы внутренние и внешние, материальные и нематериальные. Так, для молодой семьи внутренними ресурсами могут быть достаточная сумма сбережений, а также член семьи, способный рачительно вести хозяйство или имеющий хороший заработок. Среди внешних ресурсов молодой семьи можно выделить состояние массового сознания, общественные настроения, отражающие готовность принять или не принять молодую семью, а также возможности получения образования, условия для организации семейного досуга и отдыха, социальные связи семьи. Как внешние, так и внутренние ресурсы семьи могут быть материальными и нематериальными. К материальным ресурсам относят, как правило, уровень дохода семьи, наличие собственности, жилищные условия, материальная помощь родительской семьи. Нематериальные ресурсы молодой семьи включают личностные характеристики молодых супругов, занятость супругов, социальные связи молодой семьи, структуру распределения семейных ролей, согласно полу, возрасту, супружескому статусу.

Отметим, что особое место среди ресурсов адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму занимает социальная политика. С одной стороны, она предоставляет молодой семье определенные материальные адаптационные

ресурсы в виде социальных льгот, выплат, кредитов и нематериальные – в виде нормативных представлений о семье и браке. С другой стороны, социальная политика влияет на объем и соотношение всех остальных ресурсов молодой семьи, непосредственно ею не предоставляемых через поощрение моделей адаптационных практик, в основе которых максимально возможная активизация ресурсного потенциала, а также через создание возможностей получения недостающих ресурсов адаптации. Так, например, меры социальной политики могут быть направлены на регулирование занятости населения, поощрение неформальных объединений молодых семей, развитие системы организаций, оказывающих услуги молодым семьям. Более того, социальная политика, будучи наделенной соответствующими полномочиями, способна навязывать молодой семье свое понимание ее внутреннего развития через систему «катализаторов» или «блокираторов», стимулирующих или удерживающих ее активность. Таким образом, под ресурсами адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму будем понимать совокупность внешних и внутренних, материальных и нематериальных средств и возможностей, привлекаемых и используемых молодой семьей для формирования устойчивых общесемейных характеристик (норм, ценностей, стратегий поведения), обуславливающих возможность дальнейшего развития семьи при сохранении ее целостности.

На основе совокупности имеющихся или приобретенных ресурсов молодая семья конструирует способы реализации процесса адаптации, которые образуют следующий блок эмпирической модели адаптации. Наиболее адекватным инструментом анализа способов реализации молодой семьей процесса адаптации является, на наш взгляд, понятие стратегии, которое позволяет увидеть молодую семью с ее социальными характеристиками в единстве с осуществляемыми ею действиями, то есть как субъекта процесса адаптации. «Активный субъект как таковой недоступен научному наблюдению; все, что мы знаем о нем объективно, – это то, что он центр опытов и действий. Соответственно, не может быть позитивной науки об «активных субъектах» или «сознательных агентах», она возможна только относительно их опытов и действий» [18, с. 76]. Кроме того, стратегический анализ позволяет превзойти классическую дихотомию «структура-действие». В социальной науке существуют две противоположные точки зрения на соотношение понятий индивид-общество. Представители структурного подхода утверждают, что нормы и характерные черты общественного поведения, в основном, навязаны широкомасштабными общественными структурами, институтами и силами, влияющими на поведение отдельных людей и определяющими его. Им оппонируют сторонники концепций действия, которые полагают, что социальное поведение создается и приобретает определенный смысл в результате сознательных и бессознательных действий отдельных людей, взаимодействующих друг с другом. Стратегии же, воплощенные в конкретных практиках, являются своеобразным посредником между обществом и индивидом, между структурой и агентом.

В процессе реализации избранной стратегии адаптационного поведения молодая семья получает определенные результаты, на основе которых оценивает степень успешности своего функционирования. Основные итоги процесса социальной адаптации молодой семьи образуют третий блок эмпирической модели социальной адаптации. При этом исключительную важность приобретает качественная оценка результатов социальной адаптации молодой семьи. Когда мы допускаем, что успешная адаптация молодой семьи означает наличие определенного количества материальных благ и достижение определенного социального статуса, мы забываем, что

нормы успешности в достаточной степени субъективны. В любой адаптации можно выявить соотношение двух параметров – действительного контроля над окружением и требований, для удовлетворения которых служит контроль. В последнее время наиболее часто для учета как количественной, так и качественной оценки результатов адаптации используется такой показатель как социальное самочувствие. Л. Корель отмечает, что использование данного показателя при оценке уровня адаптированности позволяет увидеть и проанализировать противоречия между объективными и субъективными характеристиками успешного адаптационного процесса [19, с. 328]. Нередко социальные группы и отдельные индивиды могут быть «хорошо встроены» в институциональную среду и неплохо ориентироваться в социальном пространстве, однако быть дезадаптированными: отрицательно оценивать итоги собственной жизни, испытывать отчужденность от себя, своей работы, окружающих социальных реалий» [19, с. 328-329]. Поэтому крайне важно учитывать субъективные представления молодой семьи об уровне своей адаптированности к окружающей среде. Как мы отмечали выше, основной задачей адаптации молодой семьи является формирование целостной семейной структуры, позволяющей ей в дальнейшем развиваться, сохраняя свое единство. Поэтому при оценке результатов процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму нас будет интересовать наличие и степень сформированности общесемейных характеристик, а также оценка молодой семьей успешности своего функционирования в окружающей среде как единого целого.

Приступая к изучению социальной адаптации молодых семей, мы исходили из предположения, что молодые семьи представляют собой достаточно однородную группу, которая имеет четкие границы, обозначающие молодую семью как самостоятельный феномен. Широкая представленность разных характеристик молодых семей, ставших участниками нашего исследования, с одной стороны, обеспечивала повышение репрезентативности исследования. С другой стороны, стало очевидно, что молодые семьи не являются монолитным образованием и внутри него существует деление на имеющих детей, и бездетных; тех, кто живет с родителями, и тех, кому не доступна поддержка родственников; на тех, кто быстрее и активнее адаптируется к условиям быстро изменяющегося российского общества, и тех, кто с трудом выстраивает новые модели успешной жизнедеятельности. Данное обстоятельство подтвердило значимость и высокую информативность применения качественных методов исследования, позволяющих получить доступ к рассмотрению всего многообразия процессов образования социальных траекторий жизнедеятельности.

В ситуации трансформации российского социума [16] нередко именно единичные успешные случаи адаптации молодой семьи к новым условиям, изначально не имевшие статуса объективных закономерностей в развитии молодой семьи и типичных моделей поведения в кризисных условиях впоследствии становятся массовыми стратегиями выживания семьи на этапе становления. Однако не следует забывать, что любой частный случай представляет собой и «общий» параметр. Всякая история семьи уникальна только частично: она имеет несколько общих черт с множеством других историй и множество общих черт с некоторыми другими историями, что позволяет типологизировать способы адаптации молодых семей.

В ходе анализа интервью, было отмечено, что молодые семьи не связывают успешность своего развития только с материальными факторами. Более того, тема материальной обеспеченности не являлась приоритетной при обсуждении процесса социальной адаптации к трансформирующемуся российскому

обществу. Если материальные проблемы и обсуждались, то в связи с нехваткой средств на содержание ребенка. Молодые семьи без детей считали, что они в достаточной степени обеспечены, и в дальнейшем их доход будет только расти. Более острой для молодых семей оказалась проблема собственного жилья. Необходимость снимать квартиру или жить у родственников, по их мнению, негативно влияет как на повышение уровня семейного благосостояния, так и на отношения внутри молодой семьи.

В процессе исследования мы столкнулись с негативной оценкой помощи родительской семьи. Традиционно обозначаемая в литературе как дополнительный ресурс успешной адаптации, поддержка родителей на практике только усугубляла конфликты и трудности молодой семьи. Поддержка родительской семьи характеризовалась молодыми супругами преимущественно как лишняя, мешающая формированию молодой семьей собственных семейных правил, норм, ценностей, определению себя как самостоятельной единицы. Лучшим вариантом отношений молодой семьи с родителями признается невмешательство в жизнедеятельность молодой семьи.

При анализе интервью подтвердилось сделанное нами предположение о влиянии на адаптацию молодой семьи процесса «индивидуализации» современного общества. Отмечалось, в частности, отсутствие условий для организации семейного досуга. Практически все молодые семьи, имеющие детей, обратили внимание на трудности будущих мам, вызванные процессами «индивидуализации» образа жизни в современном обществе.

В качестве отдельной темы в процессе анализа интервью была выделена тема отношения работодателей к семейному положению работников. По-прежнему, женщина, состоящая в браке или имеющая детей, воспринимается многими работодателями как нежелательная кандидатура. Что касается мужчин, то семейный статус никак не влияет на их карьерный рост. Однако семенная роль мужчины никак и не учитывается работодателями. Более того, мужчинам желательно не напоминать о своем семейном положении, особенно если это касается просьб об отгулах, отпуске, больничном листе. Таким образом, в сфере трудовой деятельности молодых супругов также воспроизводится стратегия поддержания «индивидуализации», ориентация на отдельного человека без учета его семейных связей и отношений. Таким образом, определилась проблема, которая не учитывается государственными программами по укреплению семейных ценностей в обществе. Сфера трудовой деятельности, которой молодые супруги посвящают большую часть своего времени, не только не поддерживает семейный образ жизни, но и, в лучшем случае, игнорирует его. В худшем варианте семейное положение оказывается фактором дискриминации при приеме на работу.

Это неизбежно приводит к усилению конкуренции молодых людей на рынке труда, и чаще всего приводит к ухудшению реальной возможности получения ими работы в соответствии с желаемой профессией [20].

Надо отметить, что на вопросы о государственной социальной политике, были получены достаточно подробные ответы. Молодые семьи охотно обсуждали все предпринимаемые государством меры по стимулированию рождаемости, отмечая при этом низкую их эффективность. Если респонденты и отмечали важность материальной поддержки молодой семьи, то подчеркивали, что форма ее не всегда адекватна сложившейся ситуации. Почти все молодые семьи обратили внимание на такую трудность в получении государственной помощи, как необходимость собирать огромное количество справок, да еще и доказывать свою нуждаемость. Таким образом, не следует забывать, что молодым семьям не легко принимать роль получателя

помощи, признавая тем самым свою несостоятельность. Поэтому важно более тщательно продумать механизмы оформления различного рода государственных выплат, льгот. Отмечали молодые семьи и противоречия между декларируемыми мерами поддержки молодой семьи и практической их реализацией. Надо отметить, что молодые семьи вообще сильно беспокоит отсутствие выбора мер поддержки, определенной заданностью условий развития. Таким образом, была выявлена ориентированность молодых семей в большей степени на собственные ресурсы, нежели ресурсы государственной поддержки. Данное обстоятельство позволило в ходе анализа выделить четыре типа стратегий адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу по таким критериям, как уровень активности, степень открытости молодой семьи и направленность адаптационного процесса, условно обозначим их, как «стратегия интеграции», «стратегия жизненного успеха», «стратегия семейного благополучия», «стратегия исключения».

Объем, соотношение адаптационных ресурсов молодой семьи определяли особенности стратегий адаптации к трансформирующемуся российскому обществу. Часть молодых семей выбирала активную форму адаптации, для которой характерно стремление максимально использовать новые возможности посредством изменения окружающей среды. Поиск новой высокооплачиваемой работы, организация своего бизнеса, объединение с другими молодыми семьями в целях проведения совместного досуга, защиты прав и интересов – основные стратегические направления жизнедеятельности данной группы молодых семей.

Наибольшим потенциалом успешной адаптированности к трансформирующемуся обществу обладают стратегии «интеграции» и «семейного благополучия». Они предполагают значительную степень открытости семейной системы, проактивную жизненную позицию, оптимальное соотношение направленности адаптационного процесса. Стратегии «жизненного успеха» в большей степени ориентированы на внешнюю адаптацию, принятие существующих норм семейно-брачных отношений даже в ущерб процессу формирования целостности семейной структуры, что нередко приводит к распаду семейной стратегии на индивидуальные и может стать фактором распада семьи в целом. Важным элементом при формировании стратегий адаптации оказался выбор оптимального соотношения внутренней и внешней адаптации. Молодые семьи, ориентированные преимущественно на внешний или на внутреннюю адаптацию, отмечали более низкий уровень своей адаптированности. Таким образом, ориентация на жизненный успех одного или обоих молодых супругов не всегда способствует становлению семейных отношений, даже если следствием такой стратегии является повышение материального благосостояния молодой семьи. Чаще всего результатом выбора «стратегии жизненного успеха» становится распад семейной стратегии на индивидуальные, что неминуемо приводит к распаду семьи на самостоятельных индивидов.

Стратегия «исключения» предполагает крайнюю степень закрытости семейной системы, направленность на формирование внутреннего семейного комфорта через отказ от социальных норм и ценностей, регулирующих брачно-семейные отношения в обществе. Данная стратегия предполагает использование оборонительных способов с целью избегания или уменьшения влияния трансформационных изменений на процесс развития молодой семьи. Стратегия «исключения» обладает наименьшими возможностями для успешной адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму. Отсутствие ориентации на особенности окружающей действительности приводит к выработке неадекватных моделей жизнедеятельности, не соответствующих быстро изменяющимся условиям

развития современного российского общества.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что крайне важно, на наш взгляд, развивать новую парадигму социального анализа адаптации молодой семьи, суть которой состоит в осмыслении молодой семьи как субъекта, обладающего статусом, определенной направленностью действий, совокупностью потребностей и различий, то есть как социального актора, к которому не следует подходить с заранее заготовленными представлениями о недостатке компетентности, рациональности или значения. В этой связи должно претерпеть изменение само понимание социальной адаптации молодой семьи как одностороннего процесса приспособления ее к условиям внешней среды, неизбежно означающего необходимость постепенных, эволюционных изменений самой молодой семьи. Такое традиционное определение адаптации не учитывает тот факт, что как субъект, молодая семья не только пассивно воспринимает нормы, организуя в соответствии с ними свое жизненное пространство, но и сама конструирует их, определяя новые способы жизнедеятельности. Окружающая среда, в свою очередь, выступает не только и не столько в качестве объективно существующей реальности, сколько в качестве процесса постоянного воспроизводства, социального конструирования этой реальности в действиях, мыслях, поступках молодой семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Желнина Е. В. Социальная технология подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия. Монография / Е. В. Желнина. – Тольятти: ООО «Технокомплект», 2015. 265 с.
2. Горбачева Н.Б. Влияние семьи на становление социальной зрелости молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 148-153.
3. Варзиева Е.В. Проблемы молодой семьи как социальной структуры общества // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 2. С. 54-56.
4. Евграфова Ю.А. Социально-психологические факторы адаптации супругов в молодых супружеских парах // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Т. 1. № 2 (18). С. 34-39.
5. Горбачева Н.Б. Изучение молодежи в социологическом аспекте // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 57-60.
6. Моллаева Э.А. Влияние внедрения идей гендерного равенства среди молодого поколения на женское лидерство // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 146-148.
7. Горбачева Н.Б. Влияние межпоколенной коммуникации на социализацию молодежи // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 111-114.
8. Лукашевич Р.А., Павлова Е.В. Представления студентов о гражданском браке как психолого-педагогическая проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 3. С. 129-131.
9. Желнина Е.В. Адаптация и внедрение технологии профессиональной подготовки персонала в системе управления крупной компанией // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 4. С. 89-95.
10. Полевая Н.М., Гостева Л.З. Социальная адаптация первокурсников, обучающихся на факультете социальных наук АМГУ, на основе социального партнерства // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 75-78.
11. Созаев К.Г. Социально-психологические проблемы

- адаптации студентов-первокурсников в процессе обучения в вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 187-190.
12. Заворотченко Л.А. Социально-педагогические подходы к формированию социально зрелой личности старшеклассника // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 66-69.
 13. Еременко Т.А. Адаптация выпускников как критерий профессиональной мобильности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 83-85.
 14. Адаптационные стратегии населения / Под ред. Е. М. Авраамовой. СПб.: ИСЭПН РАН «Компьютербург», 2004. – 196 с.
 15. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 272 с.
 16. Желнина Е.В. К вопросу о значении градообразующего предприятия в социокультурной и экономической жизни моногорода // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 129-133.
 17. Социология молодежи в контексте социальной работы / Под ред. В. Н. Ярской, Л. С. Яковлева, А. Ю. Слепухина. Саратов: Сарат. гос. тех. ун-т, 2004. 300 с.
 18. Знаниецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В. И. Добренёва. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 62-77.
 19. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. – 425 с.
 20. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.

EMPIRICAL MODELS OF SOCIAL ADAPTATION OF THE YOUNG FAMILY

© 2015

Y. A. Kostrova, senior teacher of chair of the theory and technology of social work
Samara State University, Samara (Russia)

Abstract: In this article the main characteristics and features of process of adaptation of a young family to the transformed Russian society are analysed, the maintenance of model of the studied process reveals. The two-level structure of social adaptation of a young family is analysed. In article three main units of empirical model of social adaptation of a young family to the transformed Russian society are defined: power, procedural and productive. The power block includes factors and resources of the process of adaptation. The procedural block is formed by strategy of adaptation of a young family. The third block of empirical model of adaptation of a young family includes results of adaptation process which assessment has to be carried out taking into account subjective ideas of a young family of success of the activity as a whole. In article it is noted that the activity level, degree of openness of a young family and an orientation of adaptation process define features of formation of adaptation family strategy. On the basis of the conducted high-quality research by the author four main types of strategy of adaptation of a young family to the transformed Russian society are defined: “integration strategy”, “strategy of vital success”, “strategy of family wellbeing”, “strategy of an exception”. The greatest potential of successful adaptedness to the transformed society strategy of “integration” and “family wellbeing” possess. They assume considerable degree of openness of family system, pro-active living position, an optimum ratio of an orientation of adaptation process.

Keywords: young family, social adaptation, model of social adaptation of a young family, strategy of the social adaptation of a young family.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ КОМПАНИЙ «ЭЛЕКТРОЩИТ»)

© 2015

Е.О. Михайловская, аспирант кафедры «Управление персоналом и социологии»
Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара (Россия)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных этапов трансформации в период организационных изменений. На основании социологических методов исследования, таких как: статистический метод анализа, а также наблюдение за реализацией основных этапов повышения уровня трансформационной осведомленности в статье представлены выводы об эффективных инструментах вовлечения сотрудников предприятия в процесс трансформации с целью достижения высокого уровня клиентоориентированности на примере ГК «Электрощит».

Ключевые слова: трансформация, корпоративная культура, организационные изменения, психологическая безопасность, человеческий капитал, трансформационная осведомленность, внешний и внутренний клиенты.

В современном обществе для того, чтобы оставаться конкурентоспособными, организации непрерывно меняются, адаптируясь к окружающей среде. Однако большинство компаний не достигают ожидаемых положительных результатов. Исследования показали, что только одна треть организационных изменений («organizational changes») [12, с. 798] за последние три года оказалась эффективной. Таким образом, имплементация организационных изменений или трансформации представляет собой сложный процесс, требующий профессионального подхода.

Актуальность обращения к исследованию трансформации как элемента достижения высокого уровня клиентоориентированности в современных бизнес-процессах подтверждается тем, что в период сжатия рынков, снижения платежеспособности заказчиков, скачков в курсе валют, сворачивания крупных инвестиционных проектов в России предприятиям и корпорациям необходимо обеспечивать устойчивое развитие бизнеса, а

также сохранять и диверсифицировать клиентскую базу. Решение данных стратегических задач возможно при условии создания и планомерного внедрения нового подхода к работе с клиентами, суть которого заключается в разработке конкурентоспособных предложений и умении управлять рисками [1, с. 3; 4].

Целью исследования является изучение основных задач приоритетного проекта трансформации и интеграции SESH 2.0 в Группе Компаний «Электрощит», а также анализ его результатов.

Объект исследования является сотрудниками Группы Компаний «Электрощит», входящей в состав Schneider Electric.

Предмет исследования – приоритетный проект трансформации и интеграции SESH 2.0 в Группе Компаний «Электрощит».

Для достижения цели были выдвинуты следующие задачи:

- определение основных этапов трансформационной

осведомленности в период организационных изменений;

- анализ стратегических и концептуальных особенностей проекта трансформации и интеграции SESH 2.0, с помощью которых возможно достижение высокого уровня клиентоориентированности.

Термин «трансформация» коррелирует с понятием корпоративной культуры. Данный феномен обуславливается тем, что корпоративная культура является основополагающим элементом, который способствует удовлетворению экономических и социальных потребностей компании в целом и работника в частности, а также обеспечивает предприятию возможность быстро адаптироваться в меняющихся условиях рынка [5, с. 43-47]. Для эффективной имплементации организационных изменений в компании необходимо осуществлять процесс трансформации, посредством поэтапного внедрения его приоритетов, опираясь на основные постулаты корпоративной культуры (ценности, инициативы, миссия и т.д.). Подобное видение неразрывной связи трансформации и корпоративной культуры обуславливается тем фактом, что сотрудники отождествляют себя и свои действия (в идеале) с ценностными ориентирами компании. В случае если организационные изменения являются антагонистическими по отношению к нормам корпоративной культуры, то они приведут к когнитивному диссонансу участников трансформации, а в дальнейшем и к состоянию фрустрации у сотрудников, что, в свою очередь скажется на результативности бизнес-процессов компании.

По мнению Кэтрин А. Бейкер роль корпоративной культуры обнаруживается как в процессе организационных изменений, так и в максимизации ценности человеческого капитала [13].

В подобном контексте для элиминации негативных эмоций со стороны участников организационных изменений и эффективного вложения инвестиций в человеческий ресурс необходимо создать благоприятные психологические условия в период трансформации для работников, которые также являются внутренним клиентом компании.

Для того, чтобы достичь психологическую безопасность («psychological safety») [11, с. 332] у работников компании в период организационных изменений необходимо повысить уровень трансформационной осведомленности («transformational learning») [11, с. 332]. По мнению Эдгара Шайна необходимо пройти восемь этапов для достижения эффективного результата:

Установка позитивного отношения к трансформации со стороны сотрудников.

Проведение плановых тренингов.

Вовлечение слушателей в процесс трансформации.

Проведение неформального обучения в малых группах.

Получение обратной связи от сотрудников.

Выбор позитивных ролевых моделей как пример для подражания.

Организация рабочей группы-поддержки для сотрудников, у которых возникают вопросы.

Имплементация системы поощрения и дисциплинарных взыскание за соблюдение/несоблюдения норм трансформации [11, с. 333].

Для решения поставленных задач использовались следующие социологические методы исследования: статистический метод анализа, а также наблюдение за реализацией основных восьми этапов повышения уровня трансформационной осведомленности, указанных выше.

Проект трансформации SESH 2.0 (январь 2014 – март 2015) в Группе Компаний «Электроцит» получил свое название неслучайно. Его создатели обратились к опыту развития интернета и социальных сетей [7]. Сначала существовала интернет версия 1.0, которая характеризовалась этапом, когда реципиенты просто получали информацию, а интернет 2.0 подразумевал, что люди сами участвовали в ее создании, появился интерактив. На этапе 2.0 сотрудники Группы Компаний «Электроцит» учились работать с этой информацией, обрабатывать и использовать ее [4, с. 1].

Основными стратегическими задачами проекта трансформации SESH 2.0 стали:

- разработка эффективно выстроенных бизнес-процессов;
- повышение продаж;
- оптимизация затрат;
- стремление стать привлекательным работодателем;
- создание комфортных условий труда;
- стремление стать самой клиентоориентированной компанией – быть абсолютным лидером на рынке [4, с. 1].

В фокусе внимание проекта трансформации SESH 2.0 был клиент, т.к. клиентоориентированность является главной стратегической целью корпоративной программы, которая должна представлять базис для выстраивания процесса трансформации. Отличительной особенностью приоритетного проекта трансформации и интеграции SESH 2.0 в Группе Компаний «Электроцит» являлось стремление стать максимально клиентоориентированной компанией, поставить своего клиента (внутреннего и внешнего) в центр внимания [4, с. 1].

Под внутренним клиентом понимается сотрудник предприятия. Одна из задач трансформации компании – стать максимально привлекательным работодателем – реализовалась посредством внедрения дружественных природе технологий, снижения нагрузки на нее и повышения уровня безопасности на производстве. Помимо повышения общего уровня культуры в сфере безопасности на производстве и защиты окружающей среду, через корпоративную программу компания предложила своим сотрудникам возможность предоставления обратной связи руководству. В то время как ранее, когда практика корпоративных программ отсутствовала персоналу эскалировались цели (KPIs), но работники не знали общего видения компании, не знали, какими инструментам могут пользоваться в достижении поставленных целей и не могли дать обратную связь для совершенствования процессов [6].

Процесс формирования корпоративной культуры представлено автором в виде схеме (рис.1).

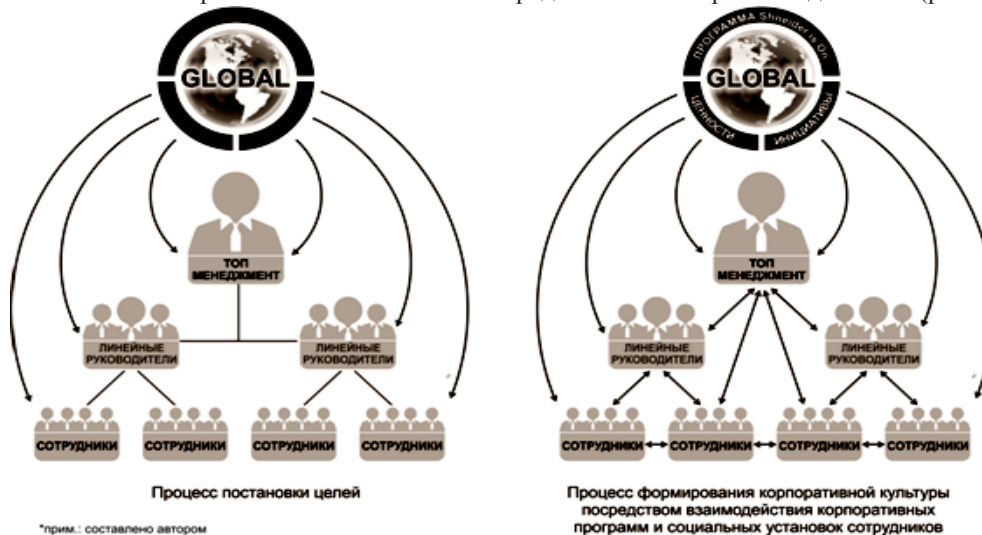

Рисунок 1 - Формирование корпоративной культуры

По результатам анализа было выявлено, что приоритетный проект трансформации и интеграции SESH 2.0 в Группе Компаний «Электрощит» был реализован на всех восьми этапах повышения уровня трансформационной осведомленности. И его показателями стали:

Постановка 2395 задач, работа над которыми велась одновременно.

К концу проекта было выполнено 63% от глобального плана. Смещение по срокам наблюдалось в 21% случаев.

В период трансформации SESH 2.0 все проекты, задачи и действия, которые требовались для их выполнения, можно разделить на три этапа: комплексные, средней сложности и простые. Комплексные задачи требовали, чтобы несколько отделов выработали решения и внедрили их вместе. Проекты средней сложности требовали внедрения новой политики, трансформации внутри одного отдела. Простые проекты – это те, в которых решение необходимо принимать незамедлительно. 90% простых и средних проектов были закончены в установленный срок, а 50% комплексных задач были перенесены в течение года и 10% из них были передвинуты на 2015 год [8, с. 4]. Высоким является уровень требований к социально-психологической выживаемости в современном обществе [9, 10].

На основании исследований можно сделать следующие выводы:

- во время изучения существующих моделей трансформации наиболее релевантной была признана модель Эдгара Шайна, состоящая из восьми этапов повышения уровня трансформационной осведомленности у сотрудников компании или предприятия, т.к. в результате реализации каждой из стратегий повышался уровень вовлеченности сотрудников в процесс имплементации организационных изменений (на примере проекта трансформации и интеграции SESH 2.0 в Группе Компаний «Электрощит»).

- на основе анализа стратегических и концептуальных особенностей проекта трансформации и интеграции SESH 2.0 было выявлено, что, не смотря на не очень высокий процент выполнения работ, результат SESH 2.0 в области своевременного закрытия проектов в целом является успешным.

- в период трансформации SESH 2.0 было достигнуто увеличение уровня клиентоориентированности в бизнес-процессах компании посредством постановки в фокус внимания как внешнего, так и внутреннего клиента (сотрудника предприятия). Благодаря данному стратегическому решению, которое также является и целью корпоративной программы компании, удалось повысить уровень мотивации и вовлеченности сотрудников в бизнес-процессы, тем самым повысилась эффективность труда, которая, в свою очередь, повлияла на степень

удовлетворенности внешних клиентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Киселева М. Предпосылки к росту есть. Зеленая Защита. Корпоративное издание ЗАО «ГК «Электрощит» - ТМ Самара, 2015. № 15(31) 4с.
2. Orlova L.V. The structure of the regional business space of modern Russia Japanese Educational and Scientific Review, 2015, No.1. (9) (January-June). Volume XI. "Tokyo University Press", 2015 P.473-478.
3. Желнина Е. В. Профессиональная подготовка персонала крупной компании как социальная технология. Монография / Е. В. Желнина. Москва: Спутник+, 2009. 109 с.
4. Киселева М., Янн Штрауб: «Мы не копируем известные практики ведения бизнеса, мы создаем свою собственную» Зеленая Защита. Корпоративное издание ЗАО «ГК «Электрощит» ТМ Самара». 2014. № 7 - 4с.
5. Кузнецова И.С. Корпоративная культура как элемент управления предприятием. Статья опубликована в журнале «Российское предпринимательство». 2007. № 5, Вып. 2 (91). С. 43-47.
6. Михайловская Е. О. Корпоративная программа как инструмент мотивации персонала (на примере ГК «Электрощит») // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 174-181.
7. Михайловская Е.О. Роль корпоративных и социальных сетей как инструмент корпоративной программы эффективных коммуникаций (на примере корпоративной платформы ао «шнейдер электрик» spise и группы вконтакте) Сборник по материалам международной научно-практической конференции: «Светлый путь Казахстана». 15 апреля 2015г. Уральск: Евразийская Академия институт «Евразия». 2015. С. 85-87.
8. Штрауб Янн. Язык цифр. Чего мы достигли вместе? Зеленая Защита. Корпоративное издание ЗАО «ГК «Электрощит» - ТМ Самара». 2014. № 16 - 8с.
9. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи// Иванова Т.Н.//Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 70-72.
10. Горбачева Н.Б. Изучение молодежи в социологическом аспекте // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 57-60.
11. Edgar H. Schein Organizational Culture and Leadership. JOSSEY-BAS, 2004. P. 319-336.
12. Jos H. Pieterse, Marjolein C.J. Caniëls, Thijs Homan. Professional discourses and resistance to change. Journal of Organizational Change Management. Vol. 25, Iss: 6 pp. 2012. P. 798 – 818.
13. Kathryn A Baker. Chapter 11. Organizational culture. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/doe/benchmark/ch11.pdf>

TRANSFORMATION AS AN ELEMENT OF ACHIEVING A HIGH LEVEL OF CUSTOMER ORIENTATION IN MODERN BUSINESS PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF THE GROUP OF COMPANIES «ELECTROSHIELD»)

© 2015

E. O. Mikhailovskaya, postgraduate student of the Department «personnel Management and sociology» Samara Academy of state and municipal management, Samara (Russia)

Abstract: The article is devoted to consideration of main stages of transformation in a time of organizational change. On the basis of sociological methods of research, such as statistical analysis method, as well as monitoring the implementation of the main stages of raising the level of transformational awareness the article presents the findings about effective tools for engaging employees in the transformation process with the aim of achieving a high level of customer focus on the example of the GC «Electroshield».

Keywords: transformation, corporate culture, organizational change, psychological safety, human capital, transformational awareness, internal and external customers.

УДК 316.3.4

ЧЛЕНЫ, ВОЛОНТЕРЫ И БЕНЕФИЦИАРЫ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. САМАРА

© 2015

Б.А. Никитина, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
«Социологии социальной сферы и демографии»
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: В современном российском обществе идут сложные и противоречивые процессы формирования и развития институтов гражданского общества в условиях повышения административно-командного давления со стороны государства. Целью данной статьи является описание представлений лидеров НКО г. Самара относительно тенденций развития социального капитала общественных организаций, прежде всего, эволюцию их взаимодействия с наиболее значимыми стейкхолдерами, такими как бенефициары, волонтеры, члены НКО. В качестве информантов для исследования, которое легло в основу данной статьи, были взяты лидеры нескольких НКО, работающих в г. Самара на протяжении постсоветского периода. НКО были взяты на основании следующих критериев: устойчивость интереса к общественной деятельности самостоятельности при постановке и решении задач, независимости от органов власти и бизнеса, известность среди общественности г. Самара. Руководители этих НКО рассматривались нами как ключевые информанты и частично как обладатели экспертного мнения по изучаемому вопросу. В статье указывается, что информанты по большинству вопросов имеют сходную позицию. Они подчеркивают, что социальный капитал их организаций в целом развивается позитивно. Существуют устойчивые связи с государством, другими НКО и населением, которое в случае необходимости подключается в качестве волонтеров. Неоднозначной является динамика круга бенефициаров, количество которых изменяется в зависимости от возможностей самих НКО. В статье также анализируется характер взаимоотношений НКО и бизнеса, который характеризуется как эпизодичный, указывается на недостаточную привлекательность рабочих мест в НКО в силу их ресурсной неустойчивости. В данной статье указывается, что представления лидеров НКО о будущем развития третьего сектора в целом и их организаций, в частности обладают двойственностью. Позитивные утверждения и оптимистическое планирование будущего сочетаются с указанием на то, что текущий период является не самым благоприятным для развития НКО. Более оптимистичный взгляд имеют лидеры низовых организаций, которые планируют стать ресурсными центрами, что означает для них прогрессивные изменения, повышающие их статус. Другие НКО, которые к данному моменту уже функционировали как участники общественно политического процесса институционально развивающих гражданское общество, наоборот, рассматривают для себя варианты перехода на сервисный уровень как наиболее приветствуемый государством вариант.

Ключевые слова: общественные организации; НКО; социально-ориентированные НКО; третий сектор; бенефициары, волонтеры; институциональное развитие НКО, социальный капитал НКО.

В современном российском обществе идут сложные и противоречивые процессы формирования и развития институтов гражданского общества в условиях повышения административно-командного давления со стороны государства. Жестко ограничивая данный процесс, государство, тем не менее, делает ставку на развитие социального капитала современной России. Понимая неоднозначность данного термина, интенсивные дискуссии о котором интенсивно ведутся не менее полувека [1-5], рассмотрим его как «капитал производительный, позволяющий добиться осуществления определенных целей, недостижимых при его отсутствии» ... , вслед за Р. Патнэмом [6, с.6].

Целью данной статьи является описание представлений лидеров НКО г. Самара относительно тенденций развития социального капитала общественных организаций, прежде всего, эволюцию их взаимодействия с наиболее значимыми стейкхолдерами, такими как бенефициары, волонтеры, члены НКО.

Для того, чтобы охарактеризовать эмпирическую базу исследования, рассмотрим понятие «общественной организации», которое является объектом данного исследования. Данное понятие в России в последнее время является крайне неоднозначным, как в юридическом, так и в идеологическом и социальном смыслах. Общественные организации, возникшие в начале 90-х годов, были легитимированы двумя Федеральными законами [7, 8], где под НКО понимались организации, не имеющие в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, а созданные для достижения социальных, благотворительных, культурных и иных целей, направленных на достижение общественных благ. Однако на протяжении всего постсоветского периода происходило размывание этого понятия, а так же существенно изменялся и состав «третьего сектора», в итоге даже на уровне федерального законодательства было осуществлено деление НКО на социально ориентированные и остальные.

С точки зрения государства, социальная

ориентированность общественных организаций предполагает, что социально ориентированные НКО – это организации, ориентированные на решение проблем, имеющих серьезное значение для социально уязвимых групп населения. Можно предположить, что еще одним смыслом выделения социально ориентированных НКО является исключение из числа таковых организаций, занимающихся общественно-политической деятельностью. В силу неопределенности самого понятия «общественно-политическая деятельность», выделим другой критерий для уточнения ключевого определения общественной организации, как предмета данной статьи – это ее самостоятельность, независимость от государства или коммерческих структур, связанную с высоким и устойчивым уровнем мотивации ее членов к осуществляемой деятельности. Отметим, что псевдо-общественные организации, существующие по заказу «сверху», существовали как в СССР, так и позже. Очевидно, что социальная база таких организаций – это, прежде всего, сами их официальные и неофициальные учредители, а также подчиненные им граждане, сдающие членские взносы в обязательном порядке. С другой стороны, существуют общественные организации, существующие на деньги коммерческих структур также главным образом выполняющие порученные сверху функции. Фактически, разница между такими псевдоНКО и теми общественными организациями, которые мы будем рассматривать как реальные самостоятельные организации, состоит в том, как их члены определяют круг решаемых проблем и в какой степени они опираются на собственный интеллектуальные и личностные ресурсы.

Исходя из критерия устойчивости интереса и самостоятельности в ведении решаемого круга задач, независимости от органов власти и бизнеса, нами был определен перечень хорошо известных НКО, которые работают в г. Самара на протяжении постсоветского периода. Руководители этих НКО рассматривались нами как ключевые информанты и частично как обладатели экспертного мнения по изучаемому вопросу. Такое

отнесение стало возможным в силу значительного стажа работы информантов в третьем секторе, а также авторитетности деятельности их НКО в регионе.

Намеренно охватив НКО с различными сферами интересов, мы включили в число информантов членов и руководителей таких организаций, как Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье», Самарская городская общественная организация инвалидов-колясочников «Ассоциация Десница», Научно-образовательное учреждение «Учебный центр экологии и безопасности жизнедеятельности», Общественная организация «Федерация детских организаций Самарской области», Самарская городская молодежная общественная организация «Центр поддержки демократических молодежных инициатив»/ педагогический клуб «Радуга»¹. Среди перечисленных организаций представлены фактически все типы НКО, начиная от типа низовых организаций (grass-root), включая организации социальной защиты (social advocacy), организацию – мозговой трест (think-tank), ресурсные организации и организации клубного типа. [18] Несмотря на разнопрофильность этих НКО, укажем на общие черты данных организаций: это малочисленность их штата, который иногда состоит фактически из директора и бухгалтера, и даже в лучшие времена не превышает 5-10 человек, в результате чего НКО испытывают проблемы с удержанием высококвалифицированных кадров.

Одним из путей преодоления кадрового дефицита у НКО является привлечение волонтеров, что сегодня зачастую рассматривается как полноценная замена постоянно действующим членам общественных организаций. Здесь показательным будет описание различной роли волонтеров в деятельности НКО в зависимости от типа деятельности организации. Так, в молодежной организации привлекается большое количество волонтеров (до 70-80 человек в зависимости от масштаба проекта), которыми являются студенты – фактически соисполнители проектов, а иногда и их инициаторы. В Федерации детских организаций количество требуемых волонтеров также зависит от проектов, однако здесь возрастной состав более разнообразен, привлекаются как совсем дети, так и люди в возрасте, совершенно разных профессий и статусов для выполнения тех задач, которые не могут выполнить дети. Здесь состав волонтеров в большей степени определен и схож с контингентом временных сотрудников организации, тесно общающихся с руководителями организации.

Заметно отличается состав волонтеров в экологической НКО, где волонтеры – это люди, которые очень слабо связаны с организацией, которым предлагается разовая работа на природе типа посадок леса или участие в субботниках. Их количество сотрудники организации измеряют тысячами, рассматривая несколько лет работы НКО. Чаще всего в таких акциях участвуют школьники, однако немало и взрослых людей – это и учителя школ, родители школьников, а также работники финансирующего такие акции завода предприятия².

Совершенно иначе обстоят дела в других типах НКО. Так, в ИЭКА «Поволжье» волонтеры привлекаются в небольшом количестве из числа молодежи, чаще всего для проведения мероприятий. В то же время, в качестве волонтеров рассматриваются и сами члены НКО из числа тех, кто устойчиво, но эпизодически работает в организации, не получая зарплаты.

В СРОО «Десница» же подход к волонтерам совсем иной. Там волонтеры – это люди (19-20 человек), которые постоянно работают в организации, организуют разные

мероприятия, проводят текущую работу, фактически являясь ее членами. Это люди разного возраста и статуса, хотя преобладание людей среднего возраста заметно.

Таким образом, качество волонтеров и их роль в организации весьма различны и зависят от специфики ее деятельности. Несмотря на то, что все представители НКО выразили удовлетворенность от сотрудничества с волонтерами, связанная с высоким качеством их работы, их вовлеченностью в нее, даже если им приходится обучаться чему-то новому в процессе работы, полностью заменить постоянных членов организации они не могут. В то же время, информанты подчеркнули, что вовлеченность волонтеров в работу и их удовлетворенность зависит от того, что им предлагают сделать, насколько это соответствует их интересам и возможностям, что уже зависит от опыта самих сотрудников НКО. В некоторых случаях, информанты даже отмечали, что для того, чтобы удержать волонтеров «на будущее», сотрудникам приходится придумывать для них что-то интересное, скорее с воспитательной точки зрения, а не для удовлетворения потребностей организации.

Различия в качестве волонтеров предопределяют и пути их вовлечения в деятельность организации. В некоторых случаях, это работа со старыми кадрами, бывшими сотрудниками, волонтерами и т.д. К этой же категории относятся и волонтеры, которых приглашают через знакомых в других организациях. Другой метод – это приглашение совершенно незнакомых людей на акции и мероприятия, на которых необходимо разовое участие. Так, при организации экологических акций, приглашаются фактически люди с улицы, главное – их желание сделать что-то для окружающей среды. Есть и третий вариант – в организации инвалидов-колясочников набором волонтеров занимается специальный человек, у которого есть специальная база данных. Таким образом, в каждой из организаций сфера работы с волонтерами имеет заметные отличия, связанные со сферой деятельности.

Несмотря на заметные различия в типах волонтеров, их мотивация носит сходный характер. Это и желание почувствовать себя значимыми, потребность в том, чтобы сделать что-то полезное и увидеть результат своей работы, потребность в общении как с сотрудниками организаций, так и с их клиентами. Отметим, что информанты не отмечали проблем с вовлечением волонтеров, связывая их количество и качество с активностью самой организации.

Рассматривая волонтеров как часть социального капитала НКО, укажем на удовлетворительный уровень его развития в последние годы. Другой частью социального капитала является известность и востребованность организации среди населения, часть которого является непосредственными клиентами НКО.

Целевую аудиторию организации в названных нами НКО можно легко идентифицировать, исходя из самого названия организации. Отметим также, что все организации, кроме Ассоциации «Десница» фактически сами вовлекают собственных клиентов, предлагая им участие в своей деятельности, что можно назвать своего рода «социальными услугами». Опосредованно, через эти проекты, молодежные, детские и экологические проекты работают на более широкий круг клиентов – общество в целом.

Помимо проектной деятельности эко-НКО «НОУ «Учебный центр экологии и безопасности жизнедеятельности» осуществляло функцию горячей линии по экологическим вопросам, обслуживая население в состоянии окружающей среды.

Другой пример является собой деятельность организации инвалидов-колясочников. Деятельность ее направлена, прежде всего, на людей с проблемами инвалидности. Так, «В настоящее время в организации насчитывается 240 человек инвалидов-колясочников.

¹ Фактически Самарская городская молодежная общественная организация «Центр поддержки демократических молодежных инициатив» выросла из общественной организации педклуб «Радуга».

² В случае с НОУ «Учебный центр экологии и безопасности жизнедеятельности» спонсором являлся завод АЛКОА.

Это так скажем основные клиенты нашей организации. Члены – они же и клиенты. Но кроме этого, клиентская группа – она достаточно широкая. Это могут быть как раз и родственники и знакомые, соседи, широкая общественность, что спрашивают о проблемах людей с инвалидностью. И клиентская группа у нас ежегодно более 2000». [Из интервью с руководителем организации]

Сложнее определить круг клиентов ИЭКА «Поволжье», которая будучи ресурсным центром, оказывает косвенные услуги населению посредством развития других НКО.

Что касается количества обращений клиентов в данные организации, то многие руководители отметили небольшой спад, по сравнению с прошлыми годами работы. Так, руководитель НОУ «Учебный центр экологии и безопасности жизнедеятельности» отметила полное прекращение обращений населения за помощью. Причины этого информанты назвали разные, но в качестве общей тенденции было отмечено то, что заработали другие государственные структуры, куда граждане могут так же обратиться за помощью, которые раньше не функционировали. В другой же организации (Ассоциация «Десница») наоборот – «в этой связи увеличилось количество людей, которые к нам приходят как в последнюю инстанцию, потому что в этих учреждениях, как правило, сложными делами никто не занимается» [Из интервью с руководителем организации]. По-видимому, здесь действует фактор уменьшения активности самих организаций, которое связывается информантами с отсутствием соответствующих ресурсов или проектов.

Рассматривая как часть социального капитала НКО его взаимосвязи с бизнесом, можно сказать о недостаточном развитии этого направления: по словам информантов, их общественные организации сегодня практически не взаимодействуют с бизнесом, но если поддержка все же оказывается, то выделяются весьма незначительные суммы. Информанты отметили, что активность взаимодействия с бизнесом резко начала падать с конца 90-х начала 2000 годов. Сегодня бизнесом активно поддерживаются лишь те организации, деятельность которых является очевидно благотворительной и направлена на помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, прежде всего связанной с неблагоприятным состоянием здоровья.

По-иному, весьма оптимистично описывают общественные лидеры внутрисекторные взаимоотношения, подчеркивая многочисленность партнеров среди разного рода НКО, с которыми они не только проводят совместные мероприятия, но и реализуют совместные проекты.

Информанты говорили больше о поддержке, причем преимущественно о поддержке человеческими ресурсами, взаимным участием в мероприятиях. Основой такого партнерства они называли свою ментальную специфику, определяя активных НКО-шников как «больных на голову». Информанты приводят очень интересные примеры чужих достижений, с восторгом описывая опыт организаций, работающих в близкой им сфере. Большинство организаций указывают на хорошие взаимоотношения со школами и школьниками, а также учителями. Информанты также указывали на свое желание делиться опытом, помогать другим НКО в организации тех дел, в которых преуспели сами. Большую роль в этом отношении играет Интернет, как средство передачи информации. Что касается существования НКО-соперников или даже врагов все информанты высказались отрицательно, указав на отсутствие конкуренции среди НКО. Отметим, что данные ответы вошли в противоречие с ответами информантов на другой вопрос – вопрос о том, что нужно делать общественным организациям для того, чтобы третий сектор развивался более успешно. Так, двое информантов, которые до

этого отрицали наличие конкуренции, сделали акцент на необходимости ее избегать в будущем, что наверняка связано с тем, что информанты ощущают ее присутствие во взаимоотношениях между НКО.

Интересен тот факт, что для всех опрошенных информантов социальный капитал организации, ее активная деятельность в социальной среде рассматривается и как возможность достижения целей организацией, но и как возможность самореализации и личностного роста для ее членов и самих информантов. Причем все в один голос говорят, что все, что они делают для развития социального капитала организации, они делают для себя, получая, прежде всего, возможность развития собственного человеческого капитала, а также появления чисто человеческих контактов, дружеских взаимосвязей. При этом личную известность, возникающую как результат активной общественной работы, информанты рассматривали как возможность более эффективного взаимодействия с социальным окружением.

Важнейшим аспектом развития социального капитала НКО является взаимоотношение третьего сектора с органами власти. Ответы на данный вопрос были в целом схожими. Все информанты отметили не только тесное сотрудничество с органами власти, но и указали, что без такого взаимодействия существование НКО было бы практически невозможно. Ключевыми являются следующие установки: «Партии, политика – всё это исторически приходит и уходит, а население, т.е. граждане, останутся и проблемы, которые есть у граждан, они все равно есть всегда и их решать надо совместно», «Мы взаимодействуем со всеми уровнями власти: от районной, муниципальной и до областной... Работаем в различных советах», «когда мы проводим посадку на городской территории, конечно, мы это согласуем с департаментом обязательно», «мы получаем субсидии у органов государственной власти периодически...», «являемся экспертами в жюри». В качестве отличительной черты можно назвать ограниченность контактов преимущественно взаимодействием с органами власти на региональном уровне, взаимодействие с городскими властями в их примеры не входит либо носит негативный контекст.

Респонденты согласованно подчеркивали, что сотрудничество с государством дает не только ресурсы, но и позитивный имидж в глазах населения. «Они должны видеть, что мы не в конфронтации работаем, а мы делаем одно дело, но просто с разных сторон». Уделяют внимание информанты и аспектам взаимопонимания между государством и третьим сектором при взаимодействии.

Понимание того, как законы создаются, как они действуют, оперативное знакомство с ними, а также быстрое реагирование и адаптация – эти аспекты также были обозначены как важные для существования и развития НКО.

О том, что взаимодействие государства и НКО является достаточно плотным говорит и тот факт, что все информанты являются либо членами общественных советов при органах власти, либо экспертами, участвуют разными способами в деятельности государства.

В целом о позитивных тенденциях в развитии межсекторного партнерства говорили все информанты, однако оценка такого нормативного акта, как «закон об иностранных агентах» в мнениях опрошенных была различной. Часть информантов увидела в этом законе давление на НКО, особенно на сильные. Другие же предположили, что это борьба с махинациями в собственную пользу, а также что это противодействие применению иностранных денег во вред российскому государству. С определенной долей неуверенности были высказаны и мнения относительно того, что этот закон помогает противостоять «шпионской деятельности под прикрытием других дел», а также «политическому

влианию на жизнь нашего государства».

И хотя все организации, лидеры которых были опрошены, так или иначе, имели доступ к иностранным деньгам за всю историю своего существования, они надеются избежать претензий со стороны государства, потому что считают, что они не занимаются политикой. Однако, даже среди тех немногочисленных НКО, лидеров которых мы опросили, встретилась организация, которая была признана «выполняющей функции иностранного агента». Официально, причиной обвинения стало проведение социологического опроса о необходимости проведения политики более эффективного водопользования в регионе на фоне получения от завода «АЛКОА», имеющего иностранное акционирование, средств на проведение субботников и посадки деревьев. Увязывание этих средств с упоминанием слов «политика» и «опрос общественного мнения» стали причиной государственных санкций, что вызвало недоумение у всех причастных к происходящему случаю (включая работников суда), но и нежелание продолжать работать в данной сфере у самих сотрудников НКО. Они подчеркивали, что помимо денежного штрафа крайне негативно скажется на их работе «этого самого клейма неприятного. Потому что народ у нас не разбирается да и не будет разбираться, так ли это».

О том, что понятие «иностранной агент» будет крайне негативно сказываться на их репутации НКО в глазах населения говорили представители тех НКО, которые работают на более высоко институциональном уровне.

С другой стороны, прозвучало и мнение о повышении внутренней солидарности среди тех, кто попадает в число «иностранной агентов», так как «сегодня под этот закон попадают в основном сильные и активные НКО, что делает это в какой-то мере почетным в глазах понимающих людей». Поэтому можно говорить о двойственном значении попадания в категории иностранных агентов для социального капитала организации, хотя преобладающим здесь будет отрицательный аспект.

В этой связи двойственностью обладают и представления лидеров НКО о будущем развитии третьего сектора в целом и их организаций, в частности. Все информанты говорили о наличии больших планов, что можно связать с лидерскими чертами их характеров, обуславливающих их текущий социальный статус. Ими планируется разработка новых программ, исполнение новых, более высоких по уровню развития функций, а также охват новых категорий клиентов. Парадоксальным здесь является тот факт, что нынешнее время очень завуалированно понимается всеми как не лучший период в жизни третьего сектора, но такое отношение, как правило, маскируется утверждением, что ситуация постоянно меняется то к лучшему, то к худшему и не стоит абсолютизировать негативные тенденции в развитии гражданского общества [9]. Надо отметить, что в высказываниях информантов большое значение отводится роли государства, его политике и изменениям в законодательстве. Информанты говорят о том, что многое

будет зависеть от того, какие будут приняты законы в их сфере интересов. Важным показателем деятельности в общественной и личной (семейной) жизни выступает трудовой потенциал молодого человека [10].

Резюмируя, подчеркнем, что если расставлять организации по иерархии их институционального развития, то НКО, более близкие к работе с конкретными целевыми группами видят для себя возможности повышения уровня своей деятельности, например – перехода в качество «ресурсного центра», что поднимет их выполнением сервисной функции и функции саморазвития. НКО близкие к уровню policy-makers, институционально развивающих гражданское общество, рассматривают для себя варианты перехода на сервисный уровень как наиболее приветствуемый государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. Перевод Л. Стрельникова, А. Стасенко. Общественные науки и современность, № 3, 2001. с. 121-139.
3. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния // Фонд «Либеральная миссия». – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (дата обращения 26.08.2015)
4. Адам Ф., Подменик Д. Социальный капитал в европейских исследованиях // Сайт журнала «Экономика. Социология. Менеджмент». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/01/1214892459/Adam.pdf> (дата обращения 25.08.2015)
5. Патрушев С.В. Социальный капитал // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. Бинюкова И.С. Предпосылки становления и сущность понятия «социальный капитал» (Философский анализ) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук, 2014.
7. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ.
8. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ.
9. Горбачева Н.Б. Современная профессиональная ориентации молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 44-48.
10. Иванова Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социально-трудовой мобильности и профессиональной ориентации молодежи Иванова Т.Н. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4. с. 28-30.

THE MEMBERS, VOLUNTEERS AND BENEFICIARIES AS A BASE OF A SOCIAL CAPITAL OF SAMARA'S NON-PROFIT ORGANIZATIONS

© 2015

B.A. Nikitina, candidate of sociological sciences, assistant professor, Department of sociology of social sphere and Demography
Samara State University, Samara (Russia)

Annotation: The process of formation and development of civil society in the modern Russian society are complex and contradictory because of the context of increased administrative-command pressure from the state. The purpose of this article is to describe representations of Samara NGO leaders regarding the trends of development of the social capital of NGOs, especially the evolution of their interaction with the most important stakeholders, such as beneficiaries, volunteers, members of NGOs. As an informant for the study, which formed the basis of this article, were taken leaders of several NGOs, working in Samara during the post-Soviet period. That NGOs have been taken on the following criteria: stability of interest in social activities of autonomy in formulating and solving problems, independence from government and business,

popularity among the public activist in Samara. The leaders of these NGOs were considered by us as key informants and partly as holders of expert opinion on the studied subject. The article states that the informants have a similar position on most issues. They emphasize that the social capital of their organizations as a whole is developing positively. There have strong links with the government, other NGOs and the civil population to be included in the work as volunteers when and if they need in it. Ambiguous is the dynamics of the circle of beneficiaries, the amount of which varies depending on the capacity of NPOs. The article also examines the nature of relations between NGOs and business, which is characterized as episodic. Author points to the lack of attractiveness of the jobs in NGOs because of their resource instability. This article states that the leaders of NGOs have dual representation on the future development of the third sector in general, and on the other hand - their organizations, in particular. Affirmations and optimistic future planning combined with an indication of the fact that the current period is not the most favorable for the development of NGOs. A more optimistic view have leaders grassroots organizations who are planning to become a Resource Centers, which means that for them progressive changes that improve their status. Other NGOs which are already functioning as members of social and political institutional process of developing civil society, on the contrary, consider the option for themselves go to the service level as the most acclaimed version of the state.

Keywords: nonprofit organisations; NGO's; social oriented NGO's; third sector; voluneers; beneficiaries; institutional development of NGO; social capital of NGO.

УДК 1: 37.01

АКСИОСФЕРА ИНКЛЮЗИВНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ

© 2015

Е.Л. Яковлева, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Объектом исследования статьи становится аксиосфера, пронизывающая собой все многообразие форм и проявлений социального. Именно благодаря аксиосфере и ее составляющим рождается комфортное пространство для бытия личности и социума. В современности увеличение Других/нетипичных людей приводит социальное в состояние инклюзивности, нуждающейся, в свою очередь, в своей аксиосфере и ценностных доминантах. Аксиосфера инклюзивной модели культуры включает в себя такие ценности как гуманизм, толерантность, культуру соучастия/со-участия и творческое начало, выступающими в качестве регуляторов внутри сложных ситуаций инклюзивных практик на уровне микротопии. Наличие аксиосферы внутри инклюзивной модели культуры помогает формированию инклюзивного мировоззрения, где акцентируется внимание на сотрудничестве, тем самым усиливая синергичный характер. Анализ аксиосферы и инклюзивной модели культуры приводит к их пониманию как синергетических систем. Их пересечение между собой рождает разнообразие, служащее импульсом к динамическому развитию внутри расширяющегося инклюзивного пространства современности. Но при этом существующая внутри инклюзивной модели культуры однородность способствует сохранности системы и преемственности в развитии, придавая ей равновесность и стабильность. Наличие аксиосферы внутри инклюзивной модели культуры помогает преодолеть кризисность современного в социальном, а также сохранить «вечные» ценности.

Ключевые слова: аксиосфера, ценностный подход к бытию, ценности, Другие/нетипичные, синергетическая система, человек включенный, инклюзивная модель культуры, инклюзивное мировоззрение, микротопии.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современности обнаруживается пристальный интерес к аксиологической проблематике. Дело в том, что аксиология как раздел философского знания имеет не только теоретическую и методологическую, но и практическую нацеленность, связанную с многообразием жизненных проявлений человека в социальном. В становлении и формировании аксиосферы обнаруживается диалектическое взаимовлияние внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, социального и личного, постоянно высвечивающееся в бытии.

Но какова ситуация сегодня с точки зрения ценностных оснований бытия? Ввиду динамичности (по З. Бауману, «текущая современность») и технологичности мира в современности происходит изменение социального бытия и отношения к нему. В контексте провозглашенной «смерти социального» мир начинает терять видимую структуру и жесткую конструкцию. Мы наблюдаем новый вид отчуждения, обусловленный идеологией гламура и бесконечными желаниями общества потребления, вторгающимися в жизнь и манипулирующими индивидуальным. В основу жизнедеятельности ложится модель западного образа жизни, в которой преобладают индивидуализм, прагматизм, личное благосостояние. В результате подобного бесцеремонного внедрения, где обнаруживают себя «ломки» черт, присущих русской ментальности, произошли не только ослабления способности суждения и критического восприятия мироздания, но и деградация духовной сферы, напрямую связанной с аксиологией. Мы наблюдаем обесценивание культурного, интеллектуального и нравственного, что приводит к примитивизации в сфере духовного и, как следствие, распаду традиционной системы ценностей.

Можно утверждать, сегодня отсутствуют конструктивные метанарративы, задающие цель смыслобразующим поискам личности, происходит виртуализация культурного взаимодействия, требующая мобильности и под-разумевающая отчужденность контакта, изменяются пространственно-временные характеристики развития и отношение к ним, размываются границы, приводящие к трансгрессивным шагам «по ту сторону добра и зла», девальвируются ценности, формируется духовный вакуум. В результате меняется человек и образ его жизни/духовного мира, что, в свою очередь, отражается на бытии социосферы в целом, где общепринятые ценности нивелируются. Обнаруживающая себя потеря ценностных оснований бытия, к сожалению, не ведет к формированию новых, что требует немедленного вмешательства и привнесения извне, в том числе, на государственном уровне. Дело в том, что ценностные лакуны способствуют сбоям в жизни личности, в его познавательной и практической деятельности. Жизнь в ситуации с нулевым ценностным смыслом сигнализирует не только о кризисном состоянии аксиосферы, но и, как следствие, кризисе бытия личностного/социального, настоятельно требуя восстановления/исцеления.

Усугубляют ситуацию потери ценностных оснований, влекущих за собой кризисность, рост Других/нетипичных людей, в адаптации и социализации которых обнаруживаются трудности, имеющие, в том числе, ценностную природу. Неслучайно сегодня многие исследователи начинают говорить о смене аксиологической парадигмы, что рождает множество проблем и вопросов, связанных с формированием и выбором конкретных ценностей в новой – инклюзивной среде.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на

которых обосновываются авторы; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Ценность как самостоятельная философская категория начинается изучаться в середине XIX в. Сегодня в аксиологии можно выделить две тенденции: одна утверждает, что ценность суть продукт сознания, вторая сосредоточена на тезисе об ее объективности. Как мы считаем, оба подхода диалектически взаимосвязаны между собой и их невозможно противопоставлять.

Среди представителей, чьи работы наиболее значимы в области аксиосферы и ценностного подхода к бытию, назовем Гусейнова А.А., Докучаева И.И., Дробницкого О.Г., Дробышеву Е.Э., Валицкую А.П., Кагана М.С., Микешину Л.А., Суворову И.М. и других [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Несмотря на увеличившееся сегодня количество работ по ценностной проблематике, тем не менее отсутствуют исследования по аксиосфере в инклюзивной среде.

Формирование целей статьи (постановка задания). В связи с вышесказанным, проанализируем аксиосферу инклюзивной модели культуры как синергетическую систему.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Буквальный перевод с греческого слова «аксиосфера» обозначает шарообразность ценности/ценности в шарообразности, что можно интерпретировать как замкнутую, окружающую поверхность ценности в бытии человека/социального. Подобная трактовка говорит в пользу того, что мир ценностей окружает человека/социум, создавая определенную защитную оболочку в рамках бытия. Подчеркнем, именно в социальном благодаря аксиосфере создается комфортная для личности среда, которая оказывается довольно подвижной и мобильной: каждая эпоха/народ/социальная группа/человек моделируют свою систему ценностей, в том числе имеющих интеллектуально-нравственно-эстетическое звучание. В этом отношении мы обнаруживаем не только онтологический и нравственно-эстетический аспекты ценности и ценностного подхода к бытию, но и гносеологический. С точки зрения онтологии, человека можно определить, в том числе, как существо ценностное, опирающееся в своем бытии на благо и связанные с ним критерии положительной значимости, предпочтительного. Каждый человек выстраивает свою шкалу ценностей, помогающей ему в смысловом поиске. Человек/общество, создавая шкалу ценностных доминант, осознают и постигают их, внедряя в свое бытие. Наличие ценностей в практической деятельности личности можно считать высшим критерием их постижения, тем самым демонстрируя глубинное проникновение ценности в бытие и ее эффективно-осознанное проявление.

Аксиосфера имеет многоуровневый характер, что не в последнюю очередь обусловлено множеством видов ценностей (религиозных, научных, интеллектуальных, нравственных, эстетических, экзистенциальных и пр.). Многообразие ценностей и их сложное взаимодействие между собой свидетельствует об их существовании в качестве синергетической системы, пронизывающей все сферы социального бытия, тем самым влияя на динамику его развития. Неслучайно у исследователя А.П. Валицкой мы встречаем следующее описание: «аксиосфера представляет собой не просто конгломерат, сумму идей, образов и символов, означающих смыслы, цели, критерии оценочного отношения человека к миру вещей и явлений, но существует как виртуальная реальность, самоорганизующаяся система сопряженных ценностей, обусловленных координационно-субординационными и причинно-следственными связями» [5, с. 9].

Подчеркнем, личность должна осознавать и понимать не только ценности своего собственного мира, но и ценности окружающих людей, общества в целом. Как замечает И.В. Черникова, «включение человека во внутренний контекст» происходит «сначала как на-

блюдателя (физика микромира)», позже – как деятеля «в социогуманитарном аспекте». Только в этом случае «реальность, в которой преобладают нелинейные процессы, неустойчивые саморазвивающиеся системы, в которой действуют эффекты когерентности, синхронности, синергии, коэволюции, открывается подготовленному, соучаствующему сознанию» [10, с. 95]. В приведенной цитате принципиально важным акцентом в контексте нашего исследования выступает понятие «соучаствующего сознания», отсылая нас к инклюзивной среде. Последняя подразумевает человека включенного, а значит – соучаствующего в бытии, в его процессах и действиях, проявляющего интерес и рефлексивность, то есть человека полноценно бытийствующего. Неслучайно инклюзивный подход к бытию связан с формированием инклюзивности как воли к включенной жизни и желания быть-в-бытии. В результате подобной активной включенности в бытие и диалектического отношения к нему можно осознать аксиологическое единство мира, чувствуя, понимая и рефлексируя над ним, внедряя в собственный жизненный опыт. При этом «синергетический подход позволяет найти диалектическое сопряжение единства и многообразия, общей направленности и разных путей движения культуры человечества» [6, с. 323].

Увеличивающееся с каждым годом количество Других/нетипичных людей способствует формированию и распространению инклюзивной модели культуры. В ее основе, безусловно, лежит своя система ценностей, в которых особый акцент необходимо делать на этической составляющей, находящейся в современном социальном в забвении. Учитывая синергетическую аксиосферу, позитивным моментом этической составляющей, в том числе в рамках инклюзивной среды, является возможность выбора среди множества альтернатив и формирование ответственности за него.

Подчеркнем, модель инклюзивной культуры имеет свою структуру аксиосферы, где ключевыми элементами, центрирующими остоу шарообразности, являются гуманизм, толерантность, культура соучастия/соучастия и творческое начало. В свою очередь, каждое из этих начал является сложным и получает новое осмысление в неоднозначной инклюзивной среде. Перечисленные составляющие аксиосферы способствуют формированию инклюзивного мировоззрения, где акцентируется внимание на сотрудничестве, тем самым усиливая синергетический характер (вспомним, синергетика переводится как «совместная деятельность»). Как мы считаем, каждый из параметров аксиосферы инклюзивной модели культуры обладает пассионарной энергией, выступая в качестве Абсолюта и «пассионарного толчка», служащего импульсом к действенному стремлению к нему в социальном. Аксиосфера, создавая напряжение, приводит в движение социальное, тем самым изменяя и развивая его.

Синергетичность аксиосферы накладывает на сложность и открытость системы обуславливается не только сложностью антропологического, социального, но и сложностью инклюзивного, находящихся в постоянных взаимодействиях и изменениях. Как считает автор исследования, именно аксиосфера выступает в качестве своеобразного регулятора внутри инклюзии, создавая стабильное и гармоничное развитие бытия внутри нее. Вспомним И. Пригожина и И. Стенгерса, подчеркнувших, «человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут

усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу — потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов» [11, с. 385].

Среди черт аксиосферы как синергетической системы в рамках инклюзивной модели культуры выделим следующие. Сочетание своего и Другого в отношении ценностей, привычного и инновационного, простого и сложного, в том числе посредством их чередования, свидетельствует о *разнообразии*, толерантном и гуманном отношении к нему. Инклюзивная среда объединяет людей с различными ценностными установками, в результате взаимодействия осуществляется их познание и обмен. Разнообразие служит импульсом к динамическому развитию процессов внутри инклюзивной среды, тем самым являя мобильность и креативность системы. Другие/нетипичные со своими ценностными ориентациями, внося суммирующий вклад в существующее, в геометрической прогрессии расширяют инклюзивную среду с точки зрения аксиосферы.

Усложнение социального влияет на прихотливость и замысловатость аксиосферы. Подобная *сложность* и *неоднозначность* каждого из параметров особенно в инклюзивной среде, тем не менее, создает предпосылки устойчивости аксиосферы как саморазвивающейся системы: «чем более высокоразвита система, тем сильнее ее нелинейность, тем менее выражены ее колебания, т.е. она более устойчива. В сложноорганизованных нелинейных системах колебания становятся более частыми, а их амплитуда уменьшается. Сложная система как бы сама себя стабилизирует. Она идет в процессе развития к единству и гармонии объединяющихся в ней частей» [12, с. 64]. При этом в возникающих непредсказуемых ситуациях внутри инклюзивной модели культуры срабатывает «правило максимина» (по теории Дж. фон Неймана) из теории математических игр, где «следует предпочесть такую альтернативу, наихудшее возможное последствие которой лучше, чем наихудшее возможное последствие любой другой альтернативы» [13].

Разнородность рождает точки бифуркации со своими аттракторами и каскады бифуркаций, в результате чего система получает новый импульс нередко непредсказуемого развития, что требует повышенного внимания к системе и даже корректировки в действии с применением полифуркаций. Инклюзивные *микротопии*, возникшие в точке бифуркации, могут иметь как положительный, так и отрицательный вектор развития, требуя многогранный (педагогический/психологический/медицинский) контроль/наблюдение со стороны и корректировки либо перестройки в образовательном процессе в силу их флуктуации.

Микротопии инклюзии одновременно однородны и неоднородны. *Однородность* на ценностном уровне способствует сохранности системы и преемственности в развитии, что придает ей внешнюю равновесность и пусть даже временную стабильность [См.: 14]. *Неоднородность* микротопии на аксиологическом уровне проявляется согласно диалектическому закону, притягивая противоположности, что придает микротопии своеобразное напряжение, рождая появление измененный/неравновесных состояний/спонтанных или диссипативных процессов, приводящих к ускорению процесса самоорганизации. Это служит *динамичности аксиосферы* внутри инклюзивной группы как открытой социальной системы, высвечивая разнообразие. Благодаря взаимодействию разнородного происходит приобщение к Другому/иному, способствуя проявлению толерантности, эмпативности и конгруэнтности, приводящих к уменьшению и даже нивелированию различий.

Наличие точек бифуркации со своими аттракторами и каскадов бифуркаций свидетельствует о разнообразии инклюзивной модели культуры с ее ценностными доминантами, тем самым привнося *элемент устойчивого не-*

равновесия. В рамках теории синергетики «прекрасное обязательно несет в себе элементы хаоса, красота и гармония асимметричны» [15, с. 31]. Но первоначальный хаос аксиосферы инклюзивной модели культуры, выступающий в роли креативного конструктора, способного решать сложные задачи инклюзивных практик, оборачивается гармонией и структурированностью, то есть хаотичность выступает предпосылкой саморазвивающегося порядка.

Синергетический принцип «удаления от естества», с одной стороны, подчеркивает созданную искусственность доминант аксиосферы, обеспечивающих комфортность бытия в социальном, с другой стороны, искусственность принципов создает естественность среды обитания. Множественность ценностных координат и их индивидуальная интерпретация, имеющие внутреннее и внешнее проявления, способность изменяться/корректироваться и саморегулироваться в результате взаимодействия и взаимовлияния как обратной связи, тем самым обнаруживая свою динамику, при тщательном рассмотрении оказывается довольно упорядоченной, образуя целостность аксиосферы и формируя самодостаточную личность, способную качественно проявить себя в бытии.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Для исправления ситуации в социальном, где сегодня многие аспекты являются трансформированными, необходимо вспомнить традицию и «вечные» ценности. Подобное воспоминание и обращение к ценностям, прошедшим испытание временем, будет способствовать сохранению/охране традиции и преемственности в инновационном обществе, воспитанию ответственности и наличию нравственного облика.

Аксиосфера как синергетическая система благодаря многообразию своих составляющих способна динамически развиваться, оказывая влияние на формы социального. Наиболее комфортной средой, связанной с формированием аксиосферы и ее ценностных доминант, можно считать систему образования, в том числе связанную с моделью инклюзивной культуры. Как аксиосфера, так и инклюзивная среда представляют собой синергетическую систему, где сложность служит стимулом развития от хаоса к гармонии.

Ключевые принципы аксиосферы, сформировавшиеся в прошлом, способствуют устойчивости и целостности аксиосферы, что благотворно влияет на человека и общество. В современности наблюдается рост числа нетипичных людей, приводя общество в состояние инклюзивности, нуждающейся в своих ценностных доминантах. Ценности инклюзии разнообразны, что влечет за собой нелинейность и непредсказуемость ситуаций, требующих креативных решений при соблюдении нравственного правила «не навреди». Взаимодействие однородных и неоднородных ценностей способствует нормальному функционированию внутри инклюзивной модели культуры, стимулируя ее развитие и положительно влияя на человека/социальное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гусейнов А.А. Культура и нравственность// Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 221-223.
2. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция: Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 598 с.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. М.: Гардарики, 2002. 518 с.
4. Дробышева Е.Э. О ценности культурфилософского дискурса// Культура культуры: Научное рецензируемое периодическое электронное издание. 2014. № 3. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/o-cennostikulturfilosofskogo-diskursa/>
5. Валицкая А.П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус// Аксиосфера совре-

- менности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2013. С.5-14.
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
 7. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
 8. Суворова И.М. Аксиосфера культуры как синергетическая система// Историческая и социально образовательная мысль. 2014. № 2. С. 352-355.
 9. Суворова И.М. Проблема трансформации аксиосферы современной культуры// Европейский журнал социальных наук. 2014. №1 (40). С. 277-281.
 10. Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии// Вестник МГУ. Сер.7. Философия. 2004. № 6. С. 94-102.
 11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
 12. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 236 с.
 13. Кашников Б.Н. Теория справедливости// Новая философская энциклопедия. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2992.html>
 14. Солoduхо Н.М. Соотношение общей теории неоднородности и синергетики // Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем. По материалам международного (СНГ) семинара. Казань: Издательство Казанского государственного технического университета, 2006.
 15. Лесков Л.В. Синергетика культуры// Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2004. № 45. С. 14-36.

AXIOSPHERE INCLUSIVE MODEL OF CULTURE

© 2015

E.L. Iakovleva, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology,
professor of the chair «Philosophy»
Institute of economy, management and law, Kazan (Russia)

Abstract: The object of the research article becomes axiosphere that permeates a whole variety of social forms and manifestations. It is thanks to axiosphere and its components are born of being a comfortable space for the individual and society. The increase in other modern/atypical people leads to a state of social inclusion, in need, in turn, in his axiosphere and value dominants. Axiosphere inclusive model of culture includes the values of humanism, tolerance, a culture of partnership/co-participation and creativity, acts as a regulator in complex situations of inclusive practices at mikrotopii. Have axiosphere within an inclusive model of culture helps to form an inclusive philosophy, which focuses on cooperation, thus enhancing the synergetic character. Analysis axiosphere and inclusive model of culture leads to an understanding of how the synergistic systems. Their intersection between them creates a variety of serving impetus to the dynamic development within the expanding area of inclusive modernity. But it exists within an inclusive model of cultural homogeneity contributes to the safety of the system and continuity in the development, giving it equilibrium and stability for. Have axiosphere within an inclusive model of culture helps to overcome the crisis of contemporary social, as well as to preserve the “eternal” values.

Keywords: axiosphere, value approach to existence, values, Other / atypical, synergetic system, people included, inclusive model of culture, inclusive outlook mikrotopii.

НАШИ АВТОРЫ

Артамонова Галина Владиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14.

E-mail: gartamonovaa_tsu@mail.ru

Атанов Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор; научный директор Института экономики и управления.

Адрес: Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

E-mail: ni.atanov@yandex.ru

Афонин Юрий Алексеевич, д.э.н., проф. кафедры менеджмента Самарского государственного экономического университета.

Адрес: 443090 г. Самара, ул. Советской Армии, 141, ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».

E-mail: koncy@mail.ru

Бакшутова Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии.

Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Россия, г. Самара, ул.

М.Горького, 65/67.

E-mail: bakshutova.ekat@pgsga.ru

Башкуева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований.

Адрес: Бурятский научный центр СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

E-mail: ogei.bnc@mail.ru

Бухнер Алевтина Алексеевна, старший преподаватель кафедры «Социального управления и организации работы с молодёжью».

Адрес: Международный институт рынка, Самара, Россия, 443011, ул. Желябова, 21.

E-mail: alevtina007@mail.ru

Верховцева Наталья Николаевна, аспирант кафедры социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета.

Адрес: Самарский государственный университет, 443011, г. Самара, ул. Ак. Павлова, д. 1.

E-mail: verhovceva-natal@mail.ru

Герасимова Ксения Георгиевна, старший преподаватель кафедру методологии социологических и маркетинговых исследований.

Адрес: Самарский государственный университет, 443011, Россия, г. Самара, ул. Ак. Павлова, д. 1.

E-mail: gerasimovakg@gmail.com

Гузенина Светлана Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии ИГСКО.

Адрес: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 392036, Тамбов ул. Интернациональная, 33.

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, история и социология».

Адрес: Брянский государственный технический университет, 241035, Российская Федерация, г. Брянск, бул. 50 лет Октября, 7.

E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru

Жданкина Ирина Юрьевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки».

Адрес: Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, 606340, Россия, Княгинино, ул. Октябрьская, 22а.

E-mail: irka-zh@mail.ru

Земсков Алексей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания.

Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Россия, Самара, улица М. Горького, 65/67.

E-mail: a-zem@bk.ru

Иванчин Антон Иванович, студент.

Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Россия, Самара, улица М. Горького, 65/67.

E-mail: antonivanchin@mail.ru

Квасов Иван Андреевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры управления проектами.
Адрес: ГОУ ВО «Международный университет природы, общества и человека «Дубна» (университет «Дубна»), 143905 г. Балашиха Московская область, ул. Трубецкая д. 110 кв. 422.
E-mail: iakvasov@mail.ru

Коваль Наталья Николаевна, методист.
Адрес: Донецкий институт последипломного педагогического образования, 83001, Украина, Донецк, ул. Артема, 129а.
E-mail: koval_n@hotmail.com

Ковалевская Татьяна Николаевна, аспирант.
Адрес: Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, 210038, Республика Беларусь, Витебск, Московский пр-т, 33.
E-mail: tena_vit@rambler.ru

Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой математики и методики ее преподавания.
Адрес: Саратовский государственный университет, 410012, Россия, Саратов, улица Астраханская, 83.
E-mail: i.k.kondaurova@yandex.ru

Кострова Юлия Андреевна, старший преподаватель.
Адрес: Самарский государственный университет, 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, каб. 101х.
E-mail: kostrovaju@mail.ru

Криводонова Юлия Евгеньевна, педагог-психолог.
Адрес: МБОУ средняя общеобразовательная школа № 40 имени Вячеслава Токарева, 659315 Алтайский край, г. Бийск, улица Ударная, дом 75А.
E-mail: bischool40@mail.ru

Лившиц Юрий Анатольевич, директор Гуманитарно-педагогического института.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: yurij-livshic@yandex.ru

Михайловская Екатерина Олеговна, аспирант кафедры управления персоналом и социологии.
Адрес: Самарская академия государственного и муниципального управления, 443081г. Самара, ул. Стара-Загора, 96.
E-mail: katya.bezumova@gmail.com

Никитина Бэла Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социологии социальной сферы и демографии».
Адрес: Самарский государственный университет, 443011, Самара, ул.Ак. Павлова, 1, корп. хим-био, оф. 201-а.
E-mail: belanik@yandex.ru

Орлова Людмила Викторовна, д.соц.н., проф., зав.каф. управления персоналом и социологии Самарской академии государственного и муниципального управления.
Адрес:443081г. Самара, ул. Стара-Загора 96, МБОУ ВО «Самарская академия государственного и муниципального управления».
E-mail: Orlovalv313@mail.ru

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии.
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.
E-mail: tatryl@yandex.ru

Сараева Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента.
Адрес: Херсонский государственный университет, 73034 Украина, Херсон, проспект 40 лет Октября, 27.
E-mail: mriya2211@mail.ru

Чердымова Елена Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социология социальной сферы и демографии.
Адрес: Самарский государственный университет, 443011, Россия, Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Юрьева Ирина Анатольевна, студентка магистратуры кафедры «Педагогики и психологии воспитания».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г.Тольятти, ул. Фрунзе, 2Г.
E-mail: I.Yuryeva@rambler.ru

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия».
Адрес: Институт экономики, управления и права (г. Казань), 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42.
E-mail: mifoigra@mail.ru

Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по инновационной и научно-исследовательской деятельности.

Адрес: Поволжский государственный университет сервиса, 445677, Россия, Тольятти, ГСП, ул. Гагарина, 4.

E-mail: vadyak@mail.ru

OUR AUTHORS

Atanov Nikolay Ivanovich, Doctor of Economics, professor; scientific Director of the Institute of Economics and management, Buryat state University.
Address: 670047, Ulan-Ude, Smolina St., 24 a.
E-mail: ni.atanov@yandex.ru

Artamonova Galina Vladislavovna, candidate of pedagogical sciences, the head of the chair "Theory and methods of teaching foreign languages and cultures".
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, street Belorusskaya 14.
E-mail: gartamonovaa_tsu@mail.ru

Afonin Yuriy Alekseevich, Doctor of economic sciences, professor of "Management".
Address: Samara State University of Economics, 443090, Samara Str. The Soviet Army, 141.
E-mail: koncy@mail.ru

Bakshutova Ekaterina Valerievna, candidate of psychological sciences, docent of the Department of General and Social Psychology.
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Russia, Samara, st. M. Gorkogo, 65/67.
E-mail: bakshutova.ekat@pgsga.ru

Bashkueva Elena Yurievna, Candidate of historical sciences; research fellow of Department of regional economic studies.
Address: Buryat scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 8.
E-mail: orei.bnc@mail.ru

Buchner Alevtina Alekseevna, senior lecturer in «Social management and organization of work with young people».
Address: International Market Institute, Samara, Russia, 443011, st. Zhelyabova 21.
E-mail: alevtina007@mail.ru

Verhovceva Natalya Nikolaevna, the post graduate student Department of sociology social sphere and demographic Samara state University.
Address: Samara state University, 443011, Samara, str. A. Platonova, 1.
E-mail: verhovceva-natal@mail.ru

Gerasimova Kseniya Georgievna, assistant professor of the chair of social and market research methodology.
Address: Samara State University, 443011, Russia, Samara, street Akademik Pavlov, 1
E-mail: gerasimovakg@gmail.com

Guzenina Svetlana Valerievna, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair theoretical and applied sociology IGCSO.
Address: Tambov state University named after G. R. Derzhavin, 392036, Tambov, Internatsionalnaya str., 33.
E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Dergacheva Elena Alexandrovna, Doctor of Philosophy Sciences, Professor of Department «Philosophy, Sociology and History».
Address: Bryansk State Technical University, Russian Federation, 241035, Bryansk, Bulvar 50-let Oktyabrya, 7.
E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru

Zhdankina Irina Yurievna, assistant professor of the chair «Foreign languages».
Address: Nizhniy Novgorod state engineering-economic university, 606340, Russia, Knyaginino, Oktyabrskaya Street, 22a.
E-mail: irka-zh@mail.ru

Zemskov Aleksei Sergeevich, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair theoretical foundations of physical education.
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Russia, Samara, street M. Gorkogo, 65/67.
E-mail: a-zem@bk.ru

Ivanchin Anton Ivanovich, student.
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Russia, Samara, street M. Gorkogo, 65/67.
E-mail: antonivanchin@mail.ru

Kvasov Ivan Andreevich, doctor of technical sciences, associate professor associate professor of Project Management
Address: "International University of Nature, Society and Man "Dubna" (University "Dubna"), 143905 Balashikha, Moscow region, st. Trubetskaya d.110 kv.422
E-mail: iakvasov@mail.ru

Koval Natalia Nikolaevna, methodist.
Address: Donetsk Regional In-service Teachers Training Institute, Donetsk (Ukraine), 83001, Ukraine, Donetsk, st. Artem, 129a.
E-mail: koval_n@hotmail.com

Kovalevskaya Tatyana Nikolaevna, post-graduate student.

Address: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 210038, The Republic of Belarus, Vitebsk, Moscovskij Avenue, 33.

E-mail: tena_vit@rambler.ru

Kondaurova Inessa Konstantinovna, candidate of pedagogical sciences, head of chair of mathematics and methods of teaching.

Address: Saratov State University, 410012, Russia, Saratov, street Astrakhanskaya, 83.

E-mail: i.k.kondaurova@yandex.ru

Kostrova Yulia Andreevna, senior teacher.

Address: Samara state university, 443011, str. Ak. Pavlova, 1, 101h.

E-mail: kostrovaju@mail.ru

Krivodonova Julia Evgenevna, educational psychologist.

Address: MBEI middlecover secondary school № 40 named after V. Tokarev, 659315, Russia, Altai Krai, Biysk, Street Drum, House 75A.

E-mail: bischool40@mail.ru

Livshits Yuri Anatolievich, director of the Institute of Humanities and Education.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.

E-mail: yurij-livshic@yandex.ru

Mikhailovskaya Ekaterina Olegovna, postgraduate student of the Department of Personnel Management and Sociology.

Address: Samara Academy of State and Municipal Management, 443081g. Samara, St. Stara Zagora 96.

E-mail: katya.bezumova@gmail.com

Nikitina Bella Anatolievna, candidate of sociological sciences, assistant professor, Department of sociology of social sphere and Demography.

Address: Samara State University, Samara (Russia) st.Ak. Pavlova, 1, building a bio-chemical, of.201-A.

E-mail: belanik@yandex.ru

Orlova Ludmila Viktorovna, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of "Personnel Management and Sociology".

Address: Samara Academy of State and Municipal Management, 443081g. Samara, ul. Stara Zagora, 96.

E-mail: Orlovalv313@mail.ru

Rulina Tatiana Konstantinovna, candidate of pedagogical sciences, candidate of pedagogical sciences, docent of the Department of General and Social Psychology.

Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Russia, Samara, st. M. Gorkogo, 65/67.

E-mail: tatrly@yandex.ru

Saraieva Elena Viktorovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, doctoral candidate of the chair of pedagogic, psychology and educational management.

Address: Kherson State University, 73034 Ukraine, Kherson, avenue 40 years of October, 27.

E-mail: mriya2211@mai.ru

Cherdymova Helena Ivanovna, candidate of psychological science, associate Professor of Department of sociology social and demographic.

Address: Samara State University, 443011, Russia, Samara, street Akademik Pavlov, 1.

Yureva Irina Anatolyevna, student of chair «Pedagogic and education psychology» Togliatti State University

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Tolyatti, Frunze st., 2G.

E-mail: I.Yureva@rambler.ru

Yakunin Vadim Nicolaevich, doctor of history science, Professor, prorector of Innovative and Science-Research Activity

Address: Volga Region State University of Service, 445677, Russia, Togliatti, Gagarin st., 4.

E-mail: vadyak@mail.ru

Yakovleva Elena Ludvigovna, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology, professor of the chair «Philosophy».

Address: Institute of economy, management and law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42.

E-mail: mifoigra@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ (краткие) В ЖУРНАЛАХ:*Азимут научных исследований: педагогика и психология**Азимут научных исследований: экономика и управление**Балтийский гуманитарный журнал* (гуманитарное, психолого-педагогическое, экономическое направление)*Карельский научный журнал* (гуманитарное, психолого-педагогическое, экономическое направление, естественнонаучное направление)

Структурные параметры:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.
- Формирование целей статьи (постановка задания).
- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
- Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.
- Список литературы.

Технические параметры:

Названия файлов (ДВА ОТДЕЛЬНЫХ ФАЙЛА!!!):

oФамилия_статья_город (например: Иваненко_статья_Киев)

oФамилия_сайт_город (например: Иваненко_сайт_Киев)

Общий объем: 8–12 страниц печатанного текста формата А-4 (до списка литературы).

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 14, междустрочечный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,5 см, все поля – 2 см, список литературы – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (не более 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (250 знаков) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов - 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, кириллица не допускается).

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы.

Сканированные рисунки исполнять с раздельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://pu.virmk.ru/doc/UDK/index.html>Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки (НО ОБЯЗАТЕЛЬНО ДАТЬ НА ВЫЧИТКУ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ФИЛОЛОГАМ):

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)Б) <http://translate.google.com/>

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора)**ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЦЫ!**

Статьи и информация на сайт подаются в редакцию:

до 15 марта (мартовский номер)

до 15 июня (июньский номер)

до 15 сентября (сентябрьский номер)

до 15 декабря (декабрьский номер)

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное:

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет 490 рублей за статью

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала – 710 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылается и электронный макет журнала) – это конечная сумма расходов.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

ИНН 6322026413 КПП 632401001 ОГРН 1036301048541

р/с 40703810554060000532

ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ» Г.САМАРА

к/с 30101810200000000607

БИК 043601607

ОКВЭД 80.22.1, 80.22.22, 80.30.3, 80.42, 80.10.3

ОКПО 20977719

ОКОГУ 49013 ОКТМО 36740000

ОКФС 16 ОКОПФ 96

В назначении платежа обязательно указывайте: Размещение статей

Квитанция об оплате публикации статьи (отсканированная или фото) высылается вместе со статьей и информацией на сайт. Оплачивать только указанные суммы (ни больше, ни меньше).

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала:

http://www.napravo.ru/pages/nauchnye_jurnaly/